Розен
День работн.
М., 1925.
64273

ИМЛ — Библиотека
М
Р

А·Е·Н·Ь РАБОТНИЦЫ

В КЛУБЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО М.Г.С.П.С
"ТРУД И КНИГА"
1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕГИСТРАЦИОННЫЙ
ОТДЕЛ

ДЕНЬ РАБОТНИЦЫ В КЛУБЕ

8-е МАРТА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ДЕНЬ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДНЯ РАБОТНИЦЫ

Составила МАРИЯ РОЗЕН

Издательство МГСПС
„ТРУД и КНИГА"
МОСКВА — 1925

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

М
Р
Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

~~№ 7415~~
~~16/XI 26~~

64273

К.
П

Отпечатано в 3-й типогр. „Красная Пресня“ „Мосполиграф“, им. Богуславского. Мал. Грузинская, Охотничий пер., дом № 5/7, в количестве 30.000 экземпл.
Мосгублит № 10318.

Тов. Н. К. Крупская, жена и друг Ильича.

Статьи

Клара Цеткин. Ленин и работница.
В. Каспарова. Ленин и женщина Востока.
Ф. Нюрина. Международный женский коммунистический день.
Х. Диамент. В клуб, работница.

Клара Цеткин

Ленин и работница

Прошел год с того дня, как миллионы на всем земном шаре были поражены печальной вестью: не стало великого вождя. Ленин умер. Прошел год, как миллионы трудящихся во всем мире пронизала одна мысль: мы потеряли нашего лучшего — самого зоркого и самого смелого — вождя.

Ленин умер.

Неужели Ленин действительно мертв? Неужели трудящиеся рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, угнетенные и эксплоатируемые Севера, Юга, Востока и Запада, неужели они действительно останутся без его твердого и мудрого руководства на пути к освобождению от рабства и угнетения?

Нет, тысячу раз нет! Ушедший от нас Ленин живет — больше чем когда бы то ни было. Он живет для нас, боровшихся бок-о-бок с ним, вместе с ним шедших вперед по пути пролетарской борьбы. Он живет для масс угнетенных и эксплоатируемых, которые стремятся сбросить с себя цепи нужды и рабства. Такой гениальный ум не может перестать греть, такая могучая воля не может потерять свою движущую силу даже тогда, когда тело становится безжизненным. Идеи Ленина, его могучая воля — бессмертны. Они живут в его произведениях, в его речах и в трех колоссальных исторических творениях, создание и расцвет которых в первую очередь — дело его рук. Эти три творения — Российская Коммунистическая Партия, Союз Советских Социалистических Республик и Коммунистический Интернационал.

Ленин остался дорогим учителем и вождем для всех нас. После смерти он им стал больше, чем когда бы то ни было. Во всех странах огромные массы трудящихся проникаются теперь его идеями больше, чем при его жизни, и больше, чем при его жизни, читают и учатся на его произведениях.

Трудящиеся массы почувствовали, что они потеряли самого искусного своего вождя, что они сами теперь должны вести борьбу с буржуазией за власть, что они должны осуществлять новый мир коммунизма, и это увеличило их чувство ответственности. К тому же и само время поставило перед ними крайне тяжелые задачи. Повсюду еще мировая буржуазия борется за удержание своего колеблющегося господства, пытается укрепить свою власть путем самых беспощадных преследований и неслыханного порабощения рабочего класса. Она же отваживается готовить новые

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)

нападения на Союз рабоче-крестьянских республик, — на единственное государство, в котором политическая власть вырвана из рук капиталистов.

В тяжелой повседневной борьбе трудящиеся массы всех стран рвутся к своему освобождению, готовятся к решительной борьбе и, собираясь вокруг коммунистических знамен, ищут в словах и действиях Ленина ответа на все возникающие вопросы, указаний, по какому пути итти.

Познать учение Ленина, сделать его своим — хочет и должна в первую очередь работница, потому что трудящиеся женщины, больше чем какие бы то ни было другие слои угнетенных и эксплоатируемых, заинтересованы в том, чтобы преобразовать хозяйство и общество в коммунистическое. В тех странах, где до сих пор капитализм продолжает существовать, там, где богачи превращаются в миллиардеров, бедные в нищих, слабые в рабов,— трудящиеся женщины носят и будут носить двойное ярмо: они будут вдвойне бесправны, вдвойне эксплоатируемы. Помимо эксплоатации на фабрике, помимо тяжелой работы в поле, женщина и дома будет нести тяжелое бремя домашних обязанностей. Только коммунизм может освободить трудящихся женщин от всех видов бесправия и эксплоатации. Но победа коммунизма невозможна до тех пор, пока миллионы трудящихся женщин не будут сознательно и решительно бороться за его осуществление. Трудящаяся женщина — борец против капитализма; работница, борющаяся бок-о-бок с рабочим за создание новых форм общественной жизни — найдет в учении Ленина твердый единственный путь, путь пролетарской революции.

Если бы Ленин не писал ни строчки по так называемому „женскому вопросу“, если бы он никогда ни одним словом о нем не обмолвился, он и тогда являлся бы для трудящихся женщин всех стран единственным вождем на пути к их освобождению потому, что он больше, чем кто бы то ни было другой, сделал для освобождения женщин, для осуществления пролетарской революции, для укрепления в жизни ее первых победоносных шагов. Ленин творчески развивал то учение научного социализма, которое дали рабочему классу его гениальные творцы Маркс и Энгельс, и которое является лучшим оружием пролетариата для свержения капитализма и осуществления коммунистического строя. Пользуясь этим орудием, Ленин с полной ясностью и определенностью показал пролетариату, что для осуществления коммунизма недостаточно одного захвата государственной власти. Рабочий класс должен не только захватить власть в свои руки, но также с беспощадной решимостью разбить буржуазную государственную машину, потому что она является орудием порабощения и эксплоатации трудящихся, потому что она не годится для целей борьбы против этой эксплоатации. Пролетариат должен превратить государство в орудие своего собственного освобождения, в орудие осуществления коммунизма. Его задача — создать новый государственный порядок, укрепить свое пролетарское господство.

Ленин показал истинное лицо буржуазной демократии, сорвал с нее фиговый листок и показал, как под прикрытием парламентаризма насилуются народная воля и народные права, как под его господством устанавливаются незыблемыми преимущество богатых и власть имущих. Он показал также, как буржуазия пользуется этим же парламентаризмом для того, чтобы обманывать массы, для того, чтобы лишить их воли к революционной борьбе.

Ленин вскрыл не только классовую природу буржуазной демократии, он на практике показал, что только советский строй и диктатура пролетариата являются единственным средством, ведущим пролетариат к полному уничтожению господства помещиков, фабрикантов и банкиров. Только при советском строе, только через советский строй, пролетарская диктатура может вырвать из грабительских рук господствующих классов все средства производства — землю, фабрики, крупные предприятия и т. п. Только после того, как эти средства производства переходят в общую собственность трудящихся, они перестают быть орудием обогащения и укрепления власти немногих и становятся средством, ведущим к благосостоянию, свободе и просвещению всех.

Свое учение Ленин понес на фабрики, заводы и в избы крестьян. Он показал широкий путь, ведущий к диктатуре пролетариата, путь революционной борьбы за захват политической власти. Он первый сумел объяснить рабочим, что крестьяне являются их союзниками в борьбе. Он также сумел убедить крестьян в том, что они сумеют сбросить со своих плеч ярмо помещичьего гнета только в союзе со своими братьями, работающими на фабриках и заводах. Он призвал рабочих и крестьян организовываться для борьбы, вооружаться и быть готовыми на все, он призывал к революционной борьбе угнетенных всех национальностей, которые томились под гнетом царизма. В течение долгих лет упорной и страстной борьбы он создавал славную большевистскую партию. Эта партия, проникнутая учением Ленина, сумела, благодаря своему революционному духу и стальной организации, об'единить пролетарские и крестьянские массы для победоносной борьбы за свержение капитализма, за осуществление коммунистического строя.

Вот почему, когда наступил момент, и Ленин своим проницательным взором вождя счел необходимым перейти к непосредственной борьбе за власть и призвал массы к восстанию,— эти массы, партия и он сам, как ее величайший вождь, составили неразрывное целое. Проникнутый единой волей к победе в героической революционной борьбе, пролетариат России, поддержанный беднейшим крестьянством, первый в мире завоевал государственную власть и основал советский строй, опирающийся на его диктатуру. В самоотверженной борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, при невероятных лишениях, он защитил свой красный Октябрь и укрепил его господство.

Это гигантское историческое дело трудно себе представить без Ленина. В Великом Октябре все проникнуто Лениным, все живет им. Партия масс, выступление масс и все массы Союза Советских Социалистических Респу-

блик являются его величайшим памятником, который будет возвышаться над всем миром еще в течение долгих веков. Союз Советских Республик — первое государство пролетарской диктатуры, которое провозглашает начало мировой революции. Как вечная угроза для мировой буржуазии, как постоянное напоминание о приближающемся конце ее человеконенавистнического и грабительского классового господства и как твердая надежда для революционного пролетариата всего мира на близкую победу,— незыблемо стоит и крепнет советская страна.

Что сделал Ленин для нас, трудящихся женщин? Миллионы работниц и крестьянок Советского Союза дают на это радостный и гордый ответ.

Советский строй дал им возможность в рабоче-крестьянской республике жать то, что они сеют, ибо он передал землю, фабрики, заводы и транспорт в общую собственность трудящихся.

СССР — государство рабочих и крестьян, трудящихся женщин и мужчин, которые пишут сами свои законы, проводят их в жизнь, управляют и организуют все общественные учреждения, охватывают все стороны жизни. Советское законодательство признает в рабочем и работнице равноправных людей, которые должны на всех общественных поприщах иметь равные права и полную возможность свободно применять все свои способности.

Советское правительство и все органы советской власти проникнуты постоянной мыслью о необходимости проводить в жизнь законы, которые провозглашают полное равноправие женщин. Широко открыты двери для участия женщины в законодательстве, управлении и во всех общественных учреждениях в деле экономического и культурного переустройства общества. Советское правительство строит школы, курсы и принимает целый ряд мер для того, чтобы поднять квалификацию женского труда и сделать женщину способной для участия во всех сторонах общественной жизни. Советская власть создает общественные кухни, столовые прачечные и починочные мастерские, ясли, детские дома, летние колонии и другие учреждения, которые облегчают женщине ее обязанности по домашнему хозяйству и в деле ухода за детьми и их воспитания. Эти учреждения дают возможность женщине отдавать все силы той или иной работе, дают ей возможность целиком участвовать в общественной жизни.

Коммунистическая партия неустанно напоминает работницам и крестьянкам об их правах и обязанностях, она призывает итти рука об руку со своими братьями по труду в работе над укреплением советского государства, над созданием коммунистической общественной жизни. Под властью советов и диктатурой пролетариата трудящиеся женщины, впервые со времен седой древности, в действительности живут, как равноправные.

Многим обязаны трудящиеся женщины за пределами Советских Республик пролетарской революции в России и самому гениальному вождю этой революции — тов. Ленину. В капиталистических странах империалистическая бойня и гражданская война, вместе с ужасом и нищетой, принесли миллионам трудящихся женщин разочарование в том, что социализм когда-

либо наступит и избавит их от бесправия, угнетения и эксплоатации. Империалистическая бойня явилась торжеством капитализма над II Интернационалом, которому раньше массы доверяли осуществление социализма. Без борьбы и сопротивления перешел II Интернационал с началом войны на сторону буржуазии. Со времени окончания братоубийственной войны он продолжает позорное дело — служение капитализму, дело предательства и измены делу социализма, и очень многие из рабочих масс рассматривают это, как конец самого социализма. Одновременно с утратой доверия к запятнанным кровью и грязью вождям, теряется их вера и в силу пролетариата, в его способность через революцию, путем борьбы не на жизнь, а на смерть, освободиться от капитализма.

Бессмертная славная борьба русского пролетариата дала исторические доказательства тому, что социализм не пустой звук, что революционная воля в борьбе дает пролетариату силу, необходимую для победы. Опираясь на беднейшее крестьянство, под руководством большевистской партии с Лениным во главе, рабочие в России захватили политическую власть, разрушили до основания реакционную государственную машину царского строя и создали самое передовое государство в мире, государство Советов, государство трудящихся.

Они обратили силы этого государства, всю мощь пролетарской диктатуры на дело создания коммунистического общества. Все их стремления, вся их борьба, все их страдания служат этой цели. В самых трудных условиях, не зная усталости, окруженные сильными, вооруженными до зубов, врагами, строит в Советском Союзе новую жизнь народ труда — женщины и мужчины.

Это величайшее событие, которое потрясло мир, дало новую веру всем колеблющимся и угнетенным женщинам, новую веру в социализм, в творческие силы пролетариата. Надежда на освобождение вновь возродилась в их сердцах и превратилась в волю к революционной борьбе.

Еще большее влияние имела русская революция в странах Востока. В этих странах, где капитализм прибегает к самым жестоким приемам эксплоатации, русская революция пробудила самых порабощенных из порабощенных и самых угнетенных из угнетенных на всей земле — женщин Востока. Пробуждаясь здесь от вековых цепей к сознанию своих человеческих прав, женщина начинает вступать в борьбу за свое освобождение.

Так во всех несоветских странах пробуждаются миллионы трудящихся женщин, которые в буре и пламени российской пролетарской революции слышат призыв Ленина и проникаются новой надеждой. Мужество, ясное сознание путей, ведущих к уничтожению капитализма, ясное представление о революции, чья железная поступь уничтожает все старое и рабское и чья творческая рука создает все новое и свободное, выдержка, смелость и готовность к борьбе за уничтожение классового господства буржуазии — все это черпает трудящаяся женщина в уроках пролетарской революции в России.

Освобождение трудящихся женщин, как и полное осуществление коммунизма, которое одно лишь даст женщинам человеческие права, не может завершиться в границах одной только страны. Оно должно опираться на повсеместное уничтожение капитализма, на уничтожение эксплоатации и порабощения человека человеком во всех видах и формах. Пролетарская революция в России — начало мировой революции. Гигантское, невиданное начало. Никто так ясно не отдавал себе в этом отчета, как Ленин, самый дальнозоркий ученик Карла Маркса. Едва только пролетариат России установил советскую власть и провозгласил пролетарскую диктатуру, как все помыслы Ленина и вся его деятельность были обращены на дело мировой революции.

Лучшие силы рабочих всех стран должны были, по мысли Ленина, соединиться в одну мощную, непобедимую силу, достаточную для того, чтобы штурмовать классовое господство буржуазии во всем мире. II Интернационал изменил и опозорил принципы пролетарской солидарности, став на защиту капиталистического строя. Ленин стал творцом нового подлинного коммунистического Интернационала. Он расширил границы Интернационала значительно дальше предшествовавших двух интернационалов, превратив его на деле в мировую организацию угнетенных и порабощенных, включив в него поднимающиеся народы Востока. С ясным сознанием цели и пути, он вел смело и мудро вперед, к мировой революции, всех угнетенных. В своем учении и своей работе Ленин влил новую крепкую жизнь в призыв Маркса ко всем угнетенным: „Вам нечего терять, кроме своих цепей, а приобрести вы можете целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Этот призыв для трудящихся женщин превратился в лозунг,—„соединяйтесь с вашими братьями для борьбы и революции“.

Специально по „женскому“ вопросу Ленин не написал ни одной обстоятельной книги. Ему несвойственно было социальные проблемы трактовать в „общем“ и абстрактном. Но тем яснее, тем последовательнее и тем продуманнее, и определеннее, и решительнее он высказывался по всем вопросам, которые имеют значение для проведения пролетарской революции. И поэтому через все его сочинения красной нитью проходит его отношение к недостойному угнетенному положению женщины в буржуазном обществе и его оценка решающей важности привлечения трудящейся женщины к делу осуществления коммунизма.

В России борьба за принципиальное признание равноправия женщины закончилась в то время, когда она на Западе только начиналась. В России не было специфического буржуазного движения за равноправие женщин, которое через свою буржуазно-демократическую идеологию сбивает с толку классовое сознание работниц. Только непосредственно за несколько лет перед началом революции начинают появляться первые признаки таких буржуазных женских организаций. Эти организации так и не нашли почвы для своего развития.

Ленину, поэтому, не пришлось отстаивать ни принципиального признания равноправия женщины, ни вести борьбу против попыток отвлечь

трудящихся женщин от классовой борьбы под знамена лживой буржуазной идеологии феминизма. Тем яснее и настойчивее, поэтому, стояла перед ним задача — принципиальное равноправие для миллионов трудящихся женщин превратить через пролетарскую революцию в социальную действительность и эти миллионы привлечь к творческой работе в самой революции. Не в отдельном женском движении и не в отдельной организации, а как равноправного члена революционной классовой партии пролетариата, коммунистической партии, принимающего участие во всей работе партии, — такой представлял себе Ленин трудящуюся женщину.

У Ленина мы не найдем длинных речей, посвященных этому вопросу, но в его речах и в его печатных произведениях разбросано очень много отдельных мыслей, в которых он со всей категоричностью высказывается за предоставление женщине полных прав и в то же время со всей страстностью и убежденностью подчеркивает значение женщины, как участника революционной борьбы. И его слова не расходились с делом. В партии, которую он создал для руководства революцией в России, и в Коммунистическом Интернационале, который должен стать руководителем пролетариата в мировой революции, Ленин с самого начала и до конца выступал за полное равноправие и за совершенно одинаковое отношение к женщине, борющейся в рядах пролетариата. Всюду он выдвигал и поддерживал необходимость создания учреждений, которые необходимы для пробуждения трудящейся женщины, для облегчения ее участия в революционной борьбе и в революционном строительстве. Советское государство, творцом и руководителем которого он являлся, положило в основу своего законодательства полное, всестороннее равноправие женщин и устранило из своих законов все то, что для женщины было социально-вредным и унизительным. Он так изменил социальные отношения, что равноправие действительно проводится в жизнь.

И разве можно было бы себе это представить иначе? Ленин был испытанным вождем пролетарской революции, и его великое горячее сердце билось со всеми бесправными, угнетенными и страждущими, его проницательный взор видел в эксплоатируемой массе трудящихся революционных борцов и носителей нового общества, его непоколебимая воля была направлена на то, чтобы превратить революцию из словесного украшения, предназначаемого для далекого будущего, — в задачу дня, в живой факт, которому должны быть подчинены все стремления и поступки. Вот почему было бы совершенно невозможно, чтобы он холодно, равнодушно относился к суровому жребию половины человеческого рода, чтобы он не проникся всей тяжестью суровой доли трудящейся женщины. Ленин видел больше этого. Через страдания и унижения трудящейся женщины он видел ее великую историческую роль, ее творческие силы в борьбе за пролетарскую революцию. Он видел в порабощенной женщине, тяжко несущей свой крест в буржуазном обществе, — непримиримого революционного борца — творца коммунистического общества. Он был глубоко проникнут убеждением, что без участия трудящихся женщин

нельзя ни разбить классового господства буржуазии, ни создать новых форм хозяйства и социальных учреждений на основе коммунизма.

Свои помыслы и дела он, как вождь революции, не ограничивал тем, что призывал улучшить положение женщины, облегчить ее существование; он стремился к тому, чтобы пробудить трудящихся женщин, чтобы нести свет просвещения в массы, чтобы их вооружить и подготовить к участию в завершении дела их собственного освобождения.

Ленин был не только другом и помощником трудящихся женщин, он был их учителем и вождем. Для него дело шло о том, чтобы пробудить в женских массах и в каждой отдельной работнице и крестьянке чувство революционного самосознания и готовность к революционной борьбе. Он стремился пробудить инициативу в трудящихся женщинах, чтобы приучить их к участию в организованном революционном коллективе — в партийной и классовой борьбе, чтобы тем самым воспитать их в духе коммунизма.

Ленин стремился к истинному, полному социальному и человеческому освобождению всего женского рода. Для каждой женщины он требовал неурезанных прав и равно благоприятных условий для просвещения и для применения своих способностей в действительной жизни.

Всем известен его знаменитый лозунг — „Каждая кухарка должна уметь управлять государством". Этот лозунг содержит в себе гораздо больше, чем голое требование социального равноправия для каждой женщины, на каком бы поприще она ни работала. Он включает в себе предпосылку того, чтобы это требование равноправия оставалось не на бумаге, а осуществлялось в ходе пролетарской революции. Пролетарская революция должна выковать из буржуазного сложного государственного аппарата порабощения и угнетения немногими многих простую машину управления, задачи которой просты и всем понятны, ибо они теснейшим образом связаны с условиями труда и быта масс. В советской стране каждый может научиться занять любой пост, ибо знания не являются больше привилегией богачей, — они становятся достоянием всех.

Только пролетарская революция уничтожила все те препятствия и предрассудки, которые мешали женщине в буржуазной стране свободно развиваться, стать равноправным человеком. Буржуазная демократия не дерзает дать женщине даже формального уравнения в правах. В законодательных постановлениях по вопросам о разводах, о незаконнорожденных детях, — женщина в буржуазных странах лишена этого формального равноправия. Это вызывается, в первую очередь, тем, что в буржуазном обществе право вообще основано лишь на праве собственности.

Этот момент необычайно ярко и четко оттенил тов. Ленин и поставил его в центре вопроса о раскрепощении трудящейся женщины. Если вы хотите стать свободными, сорвать с себя цепи, — говорил он, — боритесь за уничтожение частной собственности на орудия производства, боритесь за пролетарскую революцию. Это — было основное, которое Ленин не-

устанно повторял в своих ясных убедительных речах и статьях по вопросу о трудящейся женщине.

С не меньшей настойчивостью указывал он еще на одно условие освобождения, условие, которое теснейшим образом связано с отменой собственности на орудия производства, с изменением всех общественных отношений. Это условие заключается в замене маленького семейного хозяйства большим, коллективным хозяйством и в вовлечении трудящейся женщины в это коллективное хозяйство. Ленин говоря не только о женщине, о матери, которая, благодаря проклятому буржуазному строю, является самой отсталой в семье трудящихся; он говорил также о той работнице, которая из-за своего «печного горшка» оказывается оторванной от общественной жизни, погруженной в отупляющую ум и сердце мелкую работу. Он был самым горячим защитником всех тех мероприятий, которые освобождали работницу от домашнего рабства.

Переустроить общество, привести человечество к коммунизму — есть величайшая задача, которую когда-либо история возлагала на какой-либо класс. Она требует революции во всех областях: в хозяйстве, в общественных отношениях, в отношениях человека к человеку, в отношениях человека к природе. Такая громадная задача может быть решена только при сознательном и планомерном творчестве огромных масс.

Вот почему тов. Ленин придавал такое колоссальное значение участию женщин в коммунистическом строительстве и в революционных боях, которые дают пролетариату власть и тем самым очищают почву для втягивания широчайших масс трудящихся в строительство, освобождают их творческие силы. То, что для многих до сих пор кажется еще непонятным и неприемлемым, как, например, участие женщины не только в производстве, но и в общественной работе, начиная с общественной кухни и кончая участием в правительстве, — все это для Ленина было само собой разумеющимся и понятным. Ленин ожидал чрезвычайно многого от активного вовлечения работниц в строительство новой жизни. Он придавал огромное значение их участию, ибо он знал, что это поможет строительству страны, обогатит опытом и знанием.

Достижения определяются не выдающимися успехами той или иной работницы в общественно-политической жизни, а вовлечением многих миллионов в повседневную незаметную работу. Ленин придавал огромное значение именно этой, на вид незаметной, практической работе и умел в маленьком видеть большое, в части — целое. Он ясно и твердо знал, что в борьбе и строительстве всякая энергия, всякая сила и всякая работа имеет огромное значение и должна и может быть использована в целях строительства коммунизма. Вот почему он придавал такое большое значение коммунистической работе среди работниц и крестьянок, вовлечению беспартийных работниц и крестьянок в повседневную работу. Коммунизм только тогда полностью освободит трудящуюся женщину, когда к его строительству будут направлены горячая воля и действенная работа мил-

лионов трудящихся женщин, совместно с волей и работой миллионов и миллионов ее братьев.

Отношение Ленина к равноправию, к раскрепощению работницы является органической частью его революционного миросозерцания и его революционной деятельности в теории и практике, ибо у него теория была только подготовкой к практике, была тесно связана с практикой. Кто хочет изучить вопрос о том, чем обязана трудящаяся женщина Ленину, тот должен изучить то, что Ленин писал; должен знать историю большевистской партии, историю Коммунистического Интернационала, должен изучать нашу революцию, которая создала первый союз рабочих и крестьян, ибо только тогда можно увидеть Ленина во всем его величии и значении, понять его роль в освобождении трудящейся женщины.

Огромные богатства оставил нам наш великий вождь. Эти богатства обязывают. Будем мы благодарны, будем учиться у Ленина, — у этого великого, несравненного революционера, принесем и мы свою частицу, поможем, чтобы его наследство стало достоянием широчайших масс трудящихся — мужчин и женщин. Во имя его будем мы требовать большевизации коммунистических партий и масс для свершения мировой революции.

Будем учиться у Ленина, у великого Ленина. Он всегда себя считал рабочим от революции, всегда был равный среди равных. Он оставался всю свою жизнь одновременно величайшим вождем и скромным учеником, знающим учителем и жадным к знанию учеником. Таким был он — первый величайший работник, гениальнейший вождь пролетарской революции.

Будем достойны его и отдадим всю свою жизнь до последнего дыхания за победу пролетарской революции во всем мире. Только тогда мы поможем воздвигнуть тот единственный памятник, который заслужил Ленин, заслужили все те, которые за освобождение рабочего класса боролись и погибали. Все те неизвестные, безымянные, которые погибли в борьбе за пролетарскую революцию и, погибая, помогли ей побеждать.

Этим памятником будет коммунистическое общество. На гранитных стенах этого прекрасного здания должны освобожденные работницы благодарно и счастливо воскликнуть:

— Этот памятник построен и нашими женскими руками!

В. Каспарова

Ленин и женщина Востока

„Человечество стало ниже на целую голову, на голову самую гениальную из всех, какими оно располагало в последнее время".
Энгельс. (Письмо к Зорге, 15/III 1883 г.)

Ленин был не только руководящим умом, но и пламенным сердцем революционной России, загорающейся мировой революции. Сочетание ума и сердца было коренной чертой, существенной составной частью его выдающегося величия. Это чувствовали самые широкие массы народа, все те наивные, непросвещенные, угнетенные, что так тонко умеют угадать и отличить притворное от искреннего. Если Ленин пользовался среди них необыкновенной любовью, то она была лишь отражением той великой любви, которую сам он питал к этой массе.

Ленин — гениальнейший реальный политик-революционер — предвидел вместе с сознательным авангардом рабочего класса, ленинской партией, что переживаемая нами эпоха великого Октября, несомненно, стоит под знаком величайших социальных потрясений и революционных сдвигов тех новых пластов, которые еще никогда и никем, ни одной революцией, не были подняты из недр небытия.

В то время как трусливый обыватель, целиком ушедший в болото будничных интересов, с недоумением и страхом взирал на разгорающееся зарево социальной революции, рабочий класс, под руководством своего испытанного вождя, срывал свои цепи, смело раздувал пламя, зная, что очистит оно землю от всех пут, сковывающих развитие ее производительных сил, и откроет безграничный простор для творчества новых общественных форм, чуждых рабству и угнетению.

Сознательный авангард пролетариата, направляя свой корабль в бушующие волны революции, учитывал, что сила революционного потрясения стоит в прямой зависимости от степени приниженности тех слоев населения, которые оно поднимает на поверхность. В этом основном своем проявлении революционная стихия как бы повторяет законы мертвой при-

роды; подобно извергающемуся вулкану или бурной морской волне, она разыгрывается с тем большей силой, чем глубже лежат те слои, которые поднимаются ею из недр к солнцу.

Повторяя в своем развитии этот общий закон, Октябрьский переворот, как величайшая из революций, когда-либо потрясавших страны Старого и Нового света, поднял из недр политического небытия многомиллионную рабоче-крестьянскую массу, бросил призыв к освобождению от национального угнетения трудящихся Востока и всколыхнул порабощенную, инертную женскую массу. Стонущий под двойным гнетом Восток сразу приковал к себе внимание тов. Ленина и его партии.

Ленин об'явил решительную борьбу против всех форм национального угнетения, а также широкую положительную деятельность по фактическому уравнению экономического, политического и культурного уровня развития отдельных национальностей. Ленин, опираясь на рабочий класс, приступил к выполнению грандиозной задачи — поднятию слоев населения наиболее приниженных и угнетенных, на плечах которых покоится всей своей тяжестью иерархия вышестоящих общественных групп.

Освободительное движение большевизма коснулось труженицы Востока, угнетенной из угнетенных, рабы из рабынь. Закутанная в одежды, покрывающие ее с головы до ног, вынужденная с раннего детства жить в затворничестве, продаваемая и покупаемая, как вещь, лишенная голоса даже в мелких семейных делах и обязанная беспрекословно подчиняться отцу, брату, мужу, без надежды когда-либо выйти из под этой опеки,— женщина Востока как бы рождается с клеймом проклятия и уносит его с собой в могилу. Уничтожить это клеймо, спять с плеч женщины тяготеющее над ней тройное иго — экономическое, политическое и семейно-бытовое — и привлечь ее к участию в новой жизни — вот та задача, которую поставил Ленин перед партией и рабочим классом, труднейшая задача, разрешить которую не мог бы никакой другой класс, кроме пролетариата.

Но пролетариат, вышедший победителем из величайшей в мире революции, смело взвалил на свои могучие плечи эту грандиозную задачу, памятуя, что он восстал не для того, чтобы осторожными и медленными шагами итти по пути прогресса, заклеивая пластырями зияющие раны старого мира,— а для того, чтобы разрушить этот старый мир до основания и заложить фундамент нового общественного строя. Передовые отряды смело пошли на приступ, имея перед собой твердыню семейно-бытового уклада, косную, темную массу, скованную божескими и человеческими законами, складывавшимися в течение нескольких столетий, и боящуюся отступить от священных правил, сдвинуться, пойти вперед.

Тов. Ленин, однако, учел, что большевистская, советская, революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире, но это — первый только шаг к освобождению женщины.

И этот первый шаг к раскрепощению восточной труженицы был сделан нашей коммунистической партией. Робко, но с уверенностью в своих силах, медленно, но настойчиво, с беззаветной отвагой и преданностью делу, помня, что счастье даром не дается, что его нужно отбить, отвоевать, — вставали безымянные трудящиеся женщины Востока на тернистый, но светлый путь, указанный тов. Лениным, на путь раскрепощения женщины Востока.

Многие из них погибли в неравной схватке со старым умирающим миром; имена их мы даже не всегда знаем,— но идеи ленинизма они распространяли, грудью и жизнью отстаивая эти идеи, всякий раз вырывая из-под влияния князей, беков, ханов наиболее активных, наиболее смелых, сознательных, не мирящихся с рабством, тружениц.

Там, на далеких окраинах, на фоне гражданской войны завязывалась незаметная на первый взгляд борьба старого с новым, в которой активно участвовала и женщина Востока; туда вкрадывалось новое течение, которое разжигало сердца восточных женщин, отделяло более активные слои, поднимало их, приобщало к общему революционному движению рабочего класса. Ни отдельные жертвы, ни разрыв с семьей, ни узы брака не удерживают тех, кто сумел поставить своей задачей работу по раскрепощению восточной труженицы.

Несмотря на сравнительно позднюю советизацию окраин, на медленный рост коммунистических партий на Востоке, широкие женские массы коренного населения инстинктивно тянулись за мало известным, но близким учением ленинизма; они чувствовали, говорили, передавали по степи, одна через другую, о Ленине, о новой жизни, о московских работницах. И последняя для самой угнетенной из них казалась волшебной, слово „свобода“ было самым заманчивым. Оно было лозунгом, брошенным в массы, символом пробуждения женщины-рабыни.

Почва была подготовлена: в 1921 г. появилась острая необходимость созвать совещание из восточных женщин, на котором необходимо было обсудить и выработать формы и методы работы и подхода (в то время) к восточным труженицам. Съезд этот, к сожалению, не состоялся, в силу постигшего РСФСР неурожая и голода в 21 году. Созыв съезда был отложен. При обсуждении вопроса о созыве совещания женщин востока на Политбюро ЦК нашей партии т. Ленин, прекрасно понимая значение пробуждения угнетенных женщин Востока, дал обещание делу раскрепощения восточной труженицы уделить исключительное внимание. Он обещал привлечь к углубленной работе по поднятию самых угнетенных из угнетенных — женщин Востока, сконцентрировать внимание партии и на этом фронте, чтобы и „для женщины Востока открылась возможность политической деятельности, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским уменьем женщина помогала мужчине“.

К осуществлению этого мы подходим вплотную только теперь, а раньше мы только звали за собой разбуженные революцией женские массы Востока.

В 1921 г., несмотря на то, что совещание женщин Востока было отложено, в Москву прибыла делегация женщин из Туркестана. Делегация по праву заняла почетные места, отведенные ей 2-й международной женской конференцией коммунисток. Выброшенные из далеких аулов, никогда не видавшие больших городов, самые угнетенные и самые бесправные в обществе, семье и в своем государстве, они впервые в столице пролетарской России — Москве — почувствовали себя свободными.

Эту свободу они ценили очень высоко; они знали, что эта свобода, этот в'езд их в Москву целиком и полностью зависели от того, кто являлся мозгом, волей, умом и сердцем рабочего класса, — от т. Ленина. Делегатки-узбечки, туркменки из'явили желание видеть т. Ленина, имя которого свободно произносили приехавшие мусульманки, никогда не слышавшие русской речи, черной чадрой отгороженные от всего мира. Тов. Ленин после своего доклада на продовольственном совещании неожиданно для себя был остановлен ими в 3-м Доме Советов, где были размещены делегатки.

Трудно описать словами эту картину: великий мыслитель, борец за счастье угнетенного человечества, и самые угнетенные из угнетенных, рабыни из всех рабынь — узбечки и туркменки. При виде Ленина они открыли лицо. Они, не стесняясь, говорили ему о своей жизни, о своих страданиях, мыслях и чувствах. Их слова исходили из самой глубины души. С самой искренней любовью, с неподдельным вниманием следили они за Владимиром Ильичем. Он был им близок, он был для них родной, свой — которого, казалось, они много раз видели, хорошо знали. Одна из узбечек, в знак особенной преданности и духовной близости, подбежала и крепко поцеловала Ильича. Она инстинктивно почувствовала, что это он им дал свободу, счастье, показал им путь к полному раскрепощению.

Встреча с женщинами Туркестана произвела глубокое впечатление на Владимира Ильича, о чем сообщала Надежда Константиновна Крупская на 3-й международной конференции коммунисток.

А труженицы Востока в свою очередь рассказывали своим сестрам с далеких окраин о вожде и учителе угнетенного человечества.

Это были первые наши шаги на Востоке...

В 1924 г. сознательные работники Востока, стоявшие на почетном карауле у гроба любимого вождя, с тоской и горечью вместе с другими переживали тяжелую утрату. И в эти горькие, полные скорби, минуты им радостно было сознавать, что дело Ленина на Востоке имеет много не только последователей, но и последовательниц из среды трудящихся женщин Востока, которые уже втянуты либо в партийное, либо в советское строительство. Женщины Востока еще не продумали и не усвоили теоретического содержания большевизма, но они поняли, что только ленинизм несет освобождение странам Востока.

И поднимаются женщины советского и зарубежного Востока, для защиты заветов Ленина упорством и энергией преодолевают огромные труд-

ности, и мы видим в результате этого, как труженица Востока с каждым годом становится все более активным участником общественно-политической жизни. Забитая раба начинает поднимать свой голос за фактическое овладение ею теми правами, которые ей дала пролетарская революция.

Сначала нерешительно, но с течением времени все смелее, идет она на зов жизни, на зов коммунизма. Вслед за первыми одиночками идут десятки и сотни, а за ними подымаются тысячи и стройными колоннами уверенно идут вперед, туда, где развернуто красное знамя ленинизма.

Президиум 1-го Закавказского с'езда трудящихся женщин (Баку, 1922 г.).

Слыша нарастающий шум их шагов, с недоумением подымают голову буржуазные властители 5/6 земного шара. Как могло случиться — шепчут они — что торжествующий большевизм, вслед за эксплоатируемой массой пролетариата и крестьянства, вслед за трудящимися далеких окраин, изнывающих под игом „державных наций", мог поднять и увлечь к общей цели самую угнетенную часть человечества — рабыню из рабынь — труженицу Востока.

Видя, что невозможное становится возможным и чудо — реальностью, и более, чем когда-либо, дрожа за прочность, дрожа за свое господство, буржуазия мобилизует все силы к тому, чтобы измыслить новые и новые заграждения, которые предохранили бы страны ее господства от проникновения в них коммунизма.

Но напрасны китайские стены, бессильны запоры и проволочные заграждения, когда на пороге старого мира под красным знаменем коммунизма стоит угнетенная из угнетенных — женщина Востока — и протягивает зовущие руки к своим зарубежным братьям и сестрам. В ней — лучший залог мировой победы коммунизма...

„Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись равенства женщин, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Работы хватит нам на многие и многие годы". (Ленин).

Ф. Нюрина

Международный женский коммунистический день

(8-е марта)

Когда и при каких условиях возник праздник 8-го марта.

Восьмой раз будут работницы и крестьянки, а с ними и все трудящиеся нашего Великого Союза, встречать международный женский день при советской власти.

С каждым годом все больше и больше работниц и крестьянок втягивается в празднование этого дня, все большие массы трудящихся женщин отдают себе отчет в том, какие интересы связывают их с коммунистической партией, с борьбой рабочего класса во всем мире.

Но не так было 15 лет тому назад, когда международный женский день возник. Тогда еще не было нигде в мире ни одной страны, ни одного клочка земли, где бы власть находилась в руках рабочих и крестьян. Везде и повсюду в руках богатых, в руках помещиков и капиталистов находились не только все земли, фабрики и заводы, не только все богатства,— в их руках находилась также и вся власть во всем мире.

Богачи имели жандармов, полицию, тюрьмы, виселицы, они имели также в своих руках школы, церкви, газеты, книги, и всем этим они держали в своей власти, держали в страхе и послушании огромные массы трудящихся. Рабочие и крестьяне сеяли, жали, строили дворцы и театры, создавали все богатства мира и сами при этом жили в темноте, нищете, голоде и холоде. Кучка же богачей получала все плоды трудов рабочих и крестьян.

Больше всех угнетал и эксплоатировал буржуазный строй работницу и крестьянку. Больше, чем мужчина, связанная домашним хозяйством и уходом за детьми, она оставалась более темной и более отсталой, чем рабочий и крестьянин, и ее легче было держать в страхе и угнетении.

Уже в течение многих лет рабочий класс начал борьбу против буржуазии. Рабочие в городах раньше, чем крестьяне, осознали и поняли, что, когда рабочий люд организуется, осознает свою силу, он сбросит кучку богачей и вампиров и построит новую жизнь на земле.

Нелегко было рабочим организовываться. На страже стояли хитрые буржуа с огромным количеством шпионов и предателей, которые преда-

вали рабочих, которые все время неустанно нашептывали им, что ничего кроме горя им борьба не принесет, что так спокон веков жизнь устроена. В церквах священники поучали трудящихся тому, что „несть власть аще не от бога", что только смирением и молитвой можно улучшить свое положение. Что смиренному уготовано царство небесное и пр. Всякому же ослушнику грозили геенной огненной.

В то же самое время земные власти не щадили никаких средств и сил, чтобы ослушникам, которые, не убоявшись гнева божьего, вступили в борьбу с существующими порядками, устроить геену огненную на земле.

Очень хитро использовывала буржуазия и школы для своих целей. Там обучали детей тому, что есть люди белой и черной кости. Что люди белой кости рождены для того, чтобы командовать, управлять и блаженствовать, а люди черной кости рождены для того, чтобы работать и трудиться, молиться и в водке топить свое горе.

Ясно, что при таких условиях борьба рабочих была очень трудна. Мало встречали они вначале помощи и со стороны крестьянства. Буржуазия очень хитро и умело вела такую политику, чтоб как можно больше отделять рабочих от крестьян, чтобы сеять между ними вражду, ибо она прекрасно понимала, что, когда соединятся в мощном союзе рабочие и крестьяне, ее власти придет конец.

Несмотря, однако, на все козни буржуазии, росло рабочее революционное движение, росло сознание рабочих масс, и все меньше и меньше действовали на них угрозы попов и полиции. Медленнее рабочего пропикалась революционным сознанием работница. Над ее душой больше власти имела церковь. Всякая борьба грозила голодом и нуждой ее детям, и поэтому гораздо труднее было работницу втянуть в борьбу. Чем хуже становилось положение трудящихся, чем больше измывался над ними капиталист, тем больше росли отряды революционеров и тем больше вовлекалась передовая часть работниц в эту борьбу. Чтобы втянуть широкие массы работниц, было решено в 1910 г., по предложению тов. Клары Цеткин, праздновать ежегодно международный женский день.

Задачи международного женского коммунистического дня.

Международный женский день ставил себе целью привлечь внимание самых отсталых женских масс, работниц и крестьянок, к той борьбе, которая вокруг них развертывается, об'яснить им, что их место в рядах борцов, которые строят лучшую, счастливую жизнь для себя, для них и для детей.

В этот день коммунистические партии привлекают внимание трудящихся женщин к общей борьбе рабочего класса, в этот день коммунистическая партия привлекает внимание всего рабочего класса к нуждам работниц и крестьянок, как наиболее угнетенной части трудящихся.

Этот день является мобилизацией широких масс трудящихся вокруг Коминтерна для борьбы за окончательную победу трудящихся во всем мире.

Как праздновался международный женский день в царской России.

Трудно было при царском режиме праздновать международный женский день в России. Полицейские шпионы и жандармы следили за каждым движением коммунистической партии и беспощадными арестами прекращали всякую попытку организации работниц и крестьянок. Но, несмотря на это, коммунистической партии удалось уже в 1913 году созывать в международный день большие собрания работниц в крупных городах и вербовать среди них борцов за новую жизнь. В 1917 г. работницы Ленинграда выступили в международный день, одними из первых, застрельщиками февральской революции. Этот день всегда помогал партии вовлекать массы работниц в революционную борьбу, группировать их вокруг себя.

Невзирая на преследования полиции и жандармов, шли работницы на зов партии, и тысячи отважных борцов выдвинули они в Октябрьские дни на борьбу за рабоче-крестьянскую власть, за диктатуру пролетариата.

Задачи международного женского дня в СССР.

„Большевистская советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожены советской властью полностью“, писал Ленин в 1921 г. к международному женскому дню.

Уничтожение неравенства женщины перед лицом закона было одной из важных задач Октябрьской революции, но отнюдь не исчерпывающей.

Провести это равенство в жизнь, внедрить в сознание масс трудящихся равноправность и равноценность работницы и крестьянки, ее прав и обязанностей участвовать в строительстве страны, — явилось задачей не менее сложной и трудной.

Мало провозгласить права, надо научиться ими пользоваться. К моменту Октябрьской революции у нас оказалось 34.000.000 неграмотных и масса малограмотных женщин. У работниц не было навыков, опыта в общественно-политической жизни, уверенности в своих силах.

Вовлечь массу работниц в общественно-политическую жизнь, помочь ей поднять свой культурный уровень, ликвидировать свою неграмотность, поднять квалификацию своего труда, выдвинуть работницу на ответственную работу, действительно научить „каждую кухарку управлять государством“ — вот задачи, которые поставила себе компартия и советская власть.

Для этой цели необходимо было найти подход в массе работниц, активно заинтересовать их общими задачами коммунистического строительства.

Одновременно с этим встал вопрос о раскрепощении работницы, о строительстве общественного воспитания, общественного питания и пр.

Над разрешением этих задач коммунистическая партия и советская власть неуклонно работают все годы.

Рядом специальных мер удается компартии привлекать к этой работе все большие и большие массы работниц. Делегатские собрания работниц организуют десятки тысяч их, выдвигают сотни и тысячи в ряды партии, в активную работу по строительству страны в различных областях.

В международный женский коммунистический день партия, профсоюзы, советская власть подводят итоги тому, что сделано за истекший год для фактического осуществления равноправия работниц и крестьянок. В этот день компартия мобилизует женские массы вокруг очередных задач международного рабочего движения и РКП.

В этот день работницы СССР отдают себе отчет в том, что они являются отрядом рабочего класса всего мира, что их окончательная победа неразрывно связана с победой мировой пролетарской революции.

Вот почему в этот день больше, чем когда бы то ни было, протягивают работницы СССР свои руки труженицам Запада и Востока, и зовут их на путь борьбы и победы.

Международный женский коммунистический день на Западе и Востоке.

Все еще стонут под ярмом капитализма миллионы трудящихся на Западе и Востоке. Буржуазия, стремясь во что бы то ни стало удержать власть в своих руках, не останавливается ни перед какими мерами и средствами. Она удлиняет рабочий день и сокращает заработную плату, этим перекладывая на плечи рабочего класса все тяготы и разорение после империалистической бойни.

Все глубже и глубже становятся противоречия между различными хищниками. Чем больше производится товаров, тем больше растут богатства, тем острее становится вопрос о том, куда все эти товары сбывать. Для буржуазии всего мира самым больным является вопрос о новых рынках, о новых колониях. Старые колонии уже поделены между империалистическими государствами, новых придумать не может и самый хитрый, самый предприимчивый буржуазный политик. И снова и снова сгущаются грозовые тучи, все чаще и чаще возникают угрозы новой войны, которая, по мнению буржуазии, является единственным исходом из создавшегося положения, ибо новая война выбьет из седла, даст на растерзание более сильных какую-нибудь более слабую страну.

Рабочие на Западе все еще не освободились полностью от влияния своих соглашательских и предательских вождей, но с каждым днем растет влияние Коммунистического Интернационала, с каждым днем все больше и больше убеждаются рабочие в том, что только путем советской революции, что только под руководством коммунистической партии, путем

классовой борьбы, а не соглашательства с буржуазией, сможет рабочий класс действительно улучшить свое положение, свергнуть буржуазию, положить конец новым войнам, нищете и разорению трудящихся масс.

В международный женский коммунистический день коммунистические партии на Западе ставят своей задачей выяснить трудящимся женским массам, что их место — в рядах борющихся под знаменем Коминтерна передовых рабочих. В этот день коммунистические партии вовлекают новые и новые ряды пролетарок в революционную армию, в этот день коммунистическая партия более четко, чем когда бы то ни было, раз'ясняет рабочему классу, и в первую очередь широкой массе трудящихся женщин, что только коммунистическая революция даст им полное раскрепощение, даст им возможность свободной жизни для них и для детей их.

В колониальных и полуколониальных странах Востока, где мировая буржуазия с особой силой безудержно измывается над угнетенными народностями, трудящаяся женщина находится в самых неслыханных, нечеловеческих условиях угнетения. Международный женский коммунистический день является там днем, который выводит угнетенную труженицу Востока на улицы, открывает перед ней великий пример Советских Социалистических Республик, где труженица Востока уравнена по закону во всех правах с рабочими и крестьянами всей страны, где она медленно, но упорно и настойчиво, вовлекается в строительство новой советской страны.

Международный женский коммунистический день в СССР в 1925 г.

Ежегодно к международному женскому дню коммунистическая партия и советская власть выдвигают не только основные вопросы раскрепощения работницы и крестьянки, большего вовлечения их в активное строительство страны; в этот день коммунистическая партия выдвигает перед трудящимися вообще, и перед женской частью их в первую очередь очередные вопросы партии и советской власти, очередные задачи международного рабочего движения, привлекая к ним внимание и активное содействие женских масс.

Перед компартией и советской властью СССР в 1925 г. стоит основной вопрос укрепления экономической и политической смычки между рабочим классом и крестьянством, усиления работы в деревне, укрепления низового советского аппарата в деревне, вовлечения лучших крестьян и крестьянок в партию и в советское строительство.

К международному женскому дню партия призывает широкие массы рабочих и работниц активно принять участие в выполнении этих задач и действительно став лицом к деревне, выполнить основной завет Ильича в деле укрепления рабоче-крестьянского союза.

В переживаемый период социалистического строительства перед партией и советской властью стоит основной вопрос поднятия и укрепления

хозяйства, поднятия культурно-политического уровня широких масс. И к международному женскому дню коммунистическая партия и советская власть выдвигают особенно настойчиво эту задачу перед трудящимися и в первую очередь перед работницей, крестьянкой и труженицей Востока.

В этом году в день восьмого марта больше, чем когда-либо, глаза трудящихся будут обращены туда, на Запад и на Восток. Туда должны будут нестись из Советской страны бодрые слова призыва к борьбе. В этот день работницы и крестьянки особенно чутко и внимательно прислушиваются к тому, что делается в буржуазных странах, как мобилизуются в этот день широкие массы работниц и крестьянок под боевыми знаменами Коминтерна для окончательной победы над буржуазным миром.

В этот день увидят трудящиеся, как во всех уголках мира твердой поступью идут в ряды борцов новые и новые рати работниц и крестьянок, как крепнет сила борющегося пролетариата, близится его победа.

В этот день работницы и крестьянки будут думать о том, кто вел их, как и всех трудящихся, к борьбе и победе — будут думать о любимом вожде и учителе, о тов. Ленине. И повторят миллионы уст великую клятву — дело Ленина довести до конца.

Х. Диамент

В клуб, работница!

Если женский вопрос для рабочего класса во всех странах является еще до сих пор вопросом политическим, т.-е., вопросом борьбы за политическое право своих жен, сестер и матерей,—то у нас, в Советской России, данный вопрос является чисто бытовым. Октябрьская революция, ленинская партия, строящая и осуществляющая заветы своего вождя в деле строительства советского государства, давно на своих знаменах начертила лозунг о равенстве женщин, лозунг, который не только будет осуществляться в далеком будущем, но который стал фактом сегодняшнего дня.

Разве мы не являемся свидетелями, как вчерашняя кухарка, по выражению Ильича, принимает участие в руководстве нашим государством, разве мы не наблюдаем, как армия сознательных работниц и крестьянок увеличивает революционные ряды. Сколько их, делегаток, проводниц нового быта, носительниц новых идей в массах! Сколько их, содействующих строению новой жизни, освобождающей человечество, в том числе и женщину, от закабаления, от гнета, от старого уклада, которым были порабощены женщины-работницы как в обществе, так и в семье!

Но для проведения в жизнь всех постановлений советской власти о работницах и крестьянках мало одного законодательства о равноправии женщин, мало рекламирования этих прав; необходимо еще и поднять культурный уровень, степень сознательности самих работниц и крестьянок, чтобы они знали и поняли всю значительность этих достижений.

Буржуазная лже-наука не раз обвиняла коммунистов, что их идеи, их программа разрушают семью и общество. Но эта ложь давно опровергнута. Мы все помним и можем наблюдать это сейчас,—в капиталистических странах,—как капиталисты в корне подрывают рабочую семью и пролетарскую общественность, как, провозглашая именем бога мораль любви к ближнему—для других,—сами грабят на все лады. Но, впрочем, для сегодняшнего дня и для нас это может служить предметом воспоминаний о том, как мы боролись за рабочее право.

Сегодня же мы скажем:

8-е марта является не только международным женским днем, днем борьбы за осуществление нового быта, для искоренения всего отжившего, отсталого в нашей среде. Хотя и это не мало. Мы еще не достигли того

уровня, когда рабочий и крестьянин смотрит на свою жену, на свою сестру и на свою мать, как на равных себе. Ведь, не так уж давно мы ушли от старой жизни, так ярко обрисованной в „Матери" Горького. Вспомните картину двух миров, отца и сына. Как они относились к матери, к женщине.

Первый — пьяный после ночного разгула в кабаке,— выливает всю свою злобу на порабощенной женщине, второй — сын, представитель возрождающегося рабочего класса, выказывает пример чуткости и любви к матери. Так любить могут только революционеры, и это равноправное отношение к матери, как к человеку, должно было ее привлечь на сторону борющихся. Как будто бы старая проблема, но на самом деле она актуальна и в данный момент.

Вопрос об отношении к женщине-работнице, как к своему товарищу, является вопросом быта, и ответ на этот вопрос необходимо дать 8-го марта в рабочем клубе. Как это сделать?

Само собою понятно, что этого достигнуть можно при умелой постановке работы, таким образом, чтобы была выявлена вся активность работницы в культурном строительстве ее предприятия и рабочего класса в целом. Надо показать результаты вовлечения женщины в советско-политическую общественную работу. Нельзя забывать слов Ильича: „Большевистски-советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщины так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия, ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно, гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном, семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью".

Так по закону. Но этот закон сотням женщин, работниц и крестьянок, неизвестен. Необходима широчайшая кампания по раз'яснению и популяризации советского законодательства в этой области. Пускай каждая работница знает, где она может найти защиту своих элементарных прав. А клуб может очень много помочь в этом отношении. Посредством лекций-бесед, докладов, справочной работы, можно ознакомить и приблизить работницу ко всем мероприятиям советской власти, связанным с улучшением быта рабочего класса.

Возьмем другой момент. Сколько в нашей среде отсталого, порочного, напоминающего картины минувшего прошлого! Клуб посредством живой газеты, агитсудов, стенной газеты, должен выявить и бичевать все эти устарелые бытовые явления; должен помочь сбросить оставшуюся гниль, как-то: пьянки, матершины и пр., оскорбляющее чувства солидарности пролетариата. И проводником всего этого должна стать работница. Но для того, чтобы она умела заставить себя слушать, она должна стать культурнее, грамотнее. Грамотнее еще потому, что при посредстве грамоты она может приблизиться к производству, и лишь только тогда работница будет иметь возможность полностью пользоваться своими правами

когда она займет одинаковое положение в производстве и промышленности с мужчиной. Но это очень много зависит от степени квалификации и технических знаний работницы. И, очевидно, и здесь для клуба много работы по раз'яснению и вовлечению женщины в вопросы производственно-хозяйственного строительства. Вовлечение работницы в производственно-технические кружки, устройство уголков, степень участия работниц в производстве на фабрично-заводской выставке, в постоянном раз'яснении текущих хозяйственных задач, все это должно стоять в плане работы клуба. Словом, вся работа клуба должна постоянно базироваться на необходимости удовлетворения культурных потребностей рабочих и работниц.

Задачи, стоящие перед нами 8-го марта, являются задачами повседневными и должны проводиться круглый год.

Целый год мы должны говорить о вовлечении работницы в общественную деятельность, каждый день вопросы борьбы за коммунистическое воспитание детей, вопросы о пролетарской этике и семье, об отношениях рабочего класса к старым формам брака, должны стоять в круге практических мероприятий работы клуба. Но, поскольку день 8-го марта стал днем революционной традиции, постольку необходимо выделить его в специальную клубную работу.

Материалом для программы вечера 8-го марта может послужить вся история классовой борьбы рабочего класса, история особенно выделившихся героинь-революционерок, украшающих страницы истории революционного движения.

И не только их, но и рядовых работниц, выдвигающихся среди рабочего класса и начинающих понимать пути своего общественного раскрепощения.

Так, можно использовать рассказы рабочих писателей, рисующих быт женщины. Возьмем хотя бы рассказ Александра Скворцова „Ленинка“ [1]). Сколько красоты, сколько чувства! Кто из нас забыл январские дни 1924 года, дни, которые потрясли весь мир и вызвали новый пролетарский приток в ряды коммунистической партии. Они породили новое название „ленинцев“, и „ленинок“... „И — подобно разбушевавшемуся урагану, с сердец человеческих срывающему как крыши домов будничные мечты, заботы и радости, неслось неумолчно: — Ленин — Ленин — Ленин. Надя внезапно остановилась. На уголках губ сверкнула улыбка.

— Почему же мне так больно... Ведь, я не комсомолка и не коммунистка... Никогда не видела Ленина... А так жалко, как будто сразу все родные и любимые умерли... И боязно штой-то...

Потупилась и снова пошла вперед, с каждым мгновением ускоряя шаг. В памяти вспыхнуло.

„... Обоганные, склизкие, как спины жаб, стены. Желтый мерклый свет. Сгорбленный черный отец. Черные, сучковатыми корягами, пальцы.

---

[1]) „Ленинка“, „Рабочий Читатель“, № 2.

Мать — худая, как доска. Слезы. И каждодневный черный звериный рык: „Ничто мне не мило. Не жисть, а каторга. И пью. Себя пропиваю. Жисть злющую, паскудную, пропиваю“...

Вот картина глубокого пролетарского переживания, заставляющего нас вспоминать наши переживания, совместно со всеми пролетарками, и это не может в нас не породить нового отношения к женщине, как к товарищу в борьбе за одно дело. И невольно повторяешь слова т. Безыменского:

„Мы гордо стали на путь огнистый,
Бессмертной мыслью мы все горим.
Мы — воля к жизни. Мы — коммунисты.
И мы добьемся, мы победим!
Все побеждая, все достигая
Единой волей души стальной,
Пойдем же рядом, душа родная,
Одной дорогой, к мечте одной“.

Много еще ценного для клубной работы мы можем найти в этом сборнике. Особенно стоит остановиться на организации выставки женщины-работницы в революционном движении. Используя биографический материал в сборнике, дополняя его материалом об участии работницы данного предприятия в рабочем движении и в отдельных достижениях в области рабочего быта, мы получим полную картину, необходимую для освещения задач 8-го марта. Не менее важно использование этого дня для вовлечения работниц в активное руководство клубной работой и через нее—во всю общественную жизнь предприятия и советской власти.

Стихи

А. Жаров. Марш матерей и сестер.
Гр. Буревой. Работница в подполье.
А. Безыменский. Работнице.
А. Благов. Песня работницы.
Д. Бедный. Девичья песня.
За букварь.
К коммунисткам.
На свет.

Александр Жаров

Марш матерей и сестер

Гниль отошедших лет —
На мировой костер...
Громче гуди по земле
Шаг матерей и сестер.

Не затих пожар еще.
Гулок вражий гам.
Шагом марш, товарищи,
К новым берегам.

Жизнь нам не будет тесна.
Тяжесть веков — под откос.
Здравствуй, товарищ весна, —
Время зачатий и гроз...

Солнышко, радостью лей
С фабрик, заводов и нив
На колыбели детей
Несен весенних разлив.

Не затих пожар еще,
Гулок вражий гам.
Шагом марш, товарищи,
К новым берегам.

Знаем, над нами горит
Зарево новых битв.
Надо в семье крепить
Коммунистический быт.

В прошлое кол забей
Его заметай следы.
Ленинцы, знайте: в борьбе
Ленинки встанут в ряды...

Не затих пожар еще,
Гулок вражий гам.
Шагом марш, товарищи,
К новым берегам.

Дочь городов и полей,
Глубже в грядущее взор...
Громче гуди по земле,
Марш матерей и сестер.

Гр. Буревой

Работница в подполье

Испытать пришлось много... Ох, много...
Партработнице, нашей сестре.
Не одной из них вышла дорога
Под петлю или тайный расстрел.

Сколько их, юным сердцем горячих,
В ссылках, тифом сгубила зима,
Сколько вешал Николкин палач их
И глотал крепостной каземат.

Да, уж было „трудов" царским стражам...
Прели крепости, кровью сочась...
Разве с ссыльным иль каторжным стажем
У нас мало работниц сейчас?..

Бередя свою старую боль, я
Хочу крикнуть в фабричную даль:
По примеру работниц подполья,
Куй сердца свои, женщины, в сталь!

Выжги пятна отгнившего быта,
Плесень рабства... Смывай ее слизь!..
В ногу с теми, кто в битве испытан,
Завоевывай новую жизнь!

А. Безыменский

Работнице

Пойдем же рядом, душа родная,
Одной дорогой к мечте одной,
Судьбу и счастье свои сливая
С рабочим классом, с его судьбой.

И если, к цели идя за ними,
Один устанет и упадет,
Другой поддержит, другой поднимет,
И тот воспрянет и вновь пойдет.

Но я не мыслю, чтоб мы устали.
Никто не может остановить
Души рабочей — души из стали,
Она не может не победить.

Мы гордо стали на путь огнистый.
Бессмертной мыслью мы все горим.
Мы — воля к жизни. Мы — коммунисты,
И мы добьемся, мы победим!

Все побеждая, все достигая
Единой волей души стальной,
Пойдем же рядом, душа родная,
Одной дорогой к мечте одной.

А. Благов

Песня работницы

Сколько света, сколько солнца
На четвертом этаже.
За машиной у оконца
Мне работа по душе.

С холостого на рабочий
Сдвину полосу ремня,
Закружится, что есть мочи,
Вместе с валом шестерня.

Не заметишь оборота...
Только пылью порошит.
Я, довольная работой,
Улыбаюсь от души.

Ох, свивайтесь без остатка
Нити тонкие мои.
Я отныне кандидатка
В члены ленинской семьи!..

Д. Бедный

Девичья песня

При долинушке стояла,
Калину ломала.
Я калинушку ломала.
В пучечки вязала.
Я в пучечечки вязала.
Край дорожки клала.
Край дороженьки я клала,
Примет примечала.
Как я богу тут молилась:
„Боже ты мой, боже!
От Еремы вести нету
И от Вани тоже.
Вы, солдатики родные,
Живы ли вы оба?
Сердце, сердце, подскажи мне,
Кто ж моя зазноба?“

Письмецо прислал Ерема.
Белые листочки.
Как прочла письмо Еремы,
Не спала две ночки.

Мне писал-писал Ерема:
„Машенька ты, Маша!
Как у нас теперь в столице
Заварилась каша:
Спор большой, неразбериха,
Да промеж полками:
Кто эс-эрами доволен,
Кто большевиками.

Журавля эс-эры хвалят:
Хороша-де птица!
Да на что журавль нам в небе,
Коль в руках — синица!
С богачами нам бороться
Надо осторожно.
Час не ровен, и синицу
Потерять, ведь, можно.
Надо десять раз отмерить
Маленькою меркой.
Я, Машутка, стал эс-эром,
Будь моей эс-эркой!

Большевистские ребята—
Много в них размаху:
Дать хотят народу столько,
Что помрешь со страху:
Неча, бают, плесть нам лапти
Из худого лыка!
Сам народ себе хозяин,
Сам себе владыка!
Вся земля ему и воля!
Богачам с приплодом
Будет, дескать, по — былому
Помыкать народом!

Большевистскими полками—
Вот какие страсти—
Нынче сброшены с насесту
Все чины и власти.
Шла с властями злая битва.
Большевик отпетый,
Друг-приятель наш Ванюша
Ранен в битве этой".

Как Еремино письмо я
Все прочла до строчки,—
А потом ревмя-ревела,
Не спала две ночки.

Как на третью-то я ночку
Косы расчесала,
Да всю роченьку Ванюше
Письмецо писала.

Ах, калинушка-калина!
Было ль во примете?!
Нет Ванюши мне дороже
Никого на свете.

Были б крылья—полетела б
Я к Ванюше птичкой.
Не хочу я быть эс-эркой!
Буду большевичкой!

Д. Бедный

За буквари

Зверь — не зверь, всего книжонка
Всполошила всех Ерем:
— Вот беда! взбесилась женка:
Занялася букварем!

— У моей, брат, те же штуки.
Просто плюнуть да бежать!
— Много ль надоть им науки,
Чтоб уметь детей рожать?!

— Бабу след от книг отвалить:
Знай свое веретено!
— С бабой грамотной не сладить!
— То-то, братцы, и оно!

Как же быть-то?!
Споры жарки,
Но сошлися все на том:
— Буквари все на цыгарки!
— Ну, а баб... учить кнутом!

Если б в селах были сходы
Из одних таких Ерем,
Не видали б мы свободы,
Выли б с барами, с царем.

На Ерем на всех издевки
Надо плюнуть: дикари.
Смело, бабы, тетки, девки,
Все — садись за буквари!

Д. Бедный.

К коммунисткам

Сейте разумное, доброе, вечное!

Н. Некрасов.

Когда проснулся темный раб,
Свет не дошел еще к рабыне.
Будите ж, сестры, „темных баб“,
Во тьме коснеющих поныне.

Вокруг десятков героинь
Мятутся душ слепых мильоны.
Им поп гласит: „аминь, аминь“,
И заставляет бить поклоны.

Лукавым веря словесам,
Отравлены поповской ложью,
Глухие к новым голосам,
В слепом порыве к небесам
Они бредут по́ бездорожью.

Все, кто прозрел, идите к ним,
К заблудшим сестрам на подмогу,
И покажите выход им
На нашу светлую дорогу.

Д. Бедный

На свет*)

Распроклятое ты наше житье женское.
Распроклятое бабье житье.

(Из народных песен).

— „Всю те спину всполосую!“
Раз'ярясь, как дикий зверь,
Дочь раздетую, босую
Батя вытолкал за дверь.
Вьюжный зимний день морозен,
Дышит холод ледяной.
Уж как грозен, грозен, грозен,
Грозен батюшка родной!

Говорил сосед соседу,
Опрокинув рюмок пять:
— „Бей, сосед, жену к обеду,
Перед ужином — опять!
Мужичонкой станет хилым
Тот, кто водочки не пьет.
Век жене не будет милым,
Кто жены своей не бьет!“

Свекор злой трясет бородкой,
Брешет сыну про сноху:
„Будешь няньчиться с молодкой,
Беспременно быть греху!
В ней сидит, видать по роже,
Бес такой, что уй-ю-ю!
Слышь, держи жену построже,
Как держал я мать твою!“

*) Переложено на музыку. Ноты в конце.

Две старушки у обедни
Скорбью делятся одной:
Эту — зять побил намедни,
Эту — сын побил родной.
К темным ликам дым кадильный
Вздохи женские несет:
— Ох-ти — знать, лишь холм могильный
От побоев нас спасет!

В церкви кто учил, не поп ли:
„Баба — грех, соблазн и гнусь“?!
Долго ль будут бабьи вопли
Оглашать родную Русь?
Бабы, выпрямите спины
И вводите баб в Совет!
Знайте, сестры, что дубины
Уж ничьей над вами нет!

Знайте, сестры: для народа
Самый злой и страшный враг —
Ночь, не знавшая исхода,
Вековой туман и мрак.
Обрели теперь мы крылья,
Рабский сбросили завет.
Приложите ж все усилья,
Чтоб нам вырваться на свет!

Рассказы

М. Борецкая. Гнев народный.
Луиза Мишель. Коммуна 1871 г.
Лиссагарэ. Луиза Мишель перед военным судом.
Л. Сейфуллина. Перегной.
А. Неверов. Двенадцать часов.

Мария Борецкая

Гнев народный

(Отрывок)

В конец улицы в нерастаявших обрывках утреннего тумана далеко и мохнато растянулся от угла набережной продовольственный хвост. Точно пестрые комья шерсти, отрывались от хвоста закутанные фигуры женщин, иные одиночками понуро разбредались по улице и переулкам, другие вливались в толпу, копошившуюся против хвоста на другой панели.

Толпа была небольшая и только что стягивалась, — задние группы еще выходили с набережной, из-за угла темно-красного большого дома.

— Ого! Там, кажется, волнуются?

— Ну, да... волнуются!

— Как не волноваться-то? — подхватила проходившая мимо женщина и остановилась у калитки желтого двухэтажного дома, показывая из-под большой серой шали в корявой руке корявый кусок хлеба.— Вот он, батюшка наш, из-за чего волнуемся. Иные бабы всю ночь простояли, а хлеба хватило только на двадцать человек.

— А толпа там откуда? — спросил Сергей.

Уже взявшись за ручку калитки, женщина оглянулась, поморгала слезящимися глазами и смиренно произнесла:

— Бог знает откуда. Говорят, фабричные.

— Ага! Должно быть, женский день справляют.— догадался Эдуард и, позабыв о Замойском, быстрее зашагал вперед, с интересом оглядывая других попадающихся навстречу женщин.

Одиночками их прошло еще около десятка, и все они были в старых, но уже давно не новых для питерских улиц, одеяниях. Пестрые ворохи шалей, одеял и разных тряпок были намотаны поверх шуб на их понурые фигуры. Одна чахлая очередница тащила на себе дырявый пролежанный матрац, оставляя на панели след из мелких истлевших стружек; у другой выглядывала из-под шали рыжая подушка... На пятнистых измученных лицах белыми луковицами торчали отмороженные носы, синие губы и подбородки тряслись от стужи. Но это шли еще самые счастливые: у них на руках был хлеб.

Перейдя переулок, Сергей и Эдуард свернули на мостовую, так как панель уже была занята народом и постельными принадлежностями запас-

ливых хозяек, пришедших сюда еще при свете звезд. Продовольственный хвост походил на ночлежку, — нехватало только нар. Истлевшие сенники и матрацы были раскиданы прямо на снегу, под коричневым забором дровяного двора и под бурой стеной трехэтажного дома с двумя вывесками над первым этажом.

Продежурившие всю ночь женщины и дети приплясывали на стылом снегу под аккомпанимент ропота и дрожи; иные, сжимаясь комочками, мерзли на своих заиндевелых постелях, стонали, плакали ледяными слезами, но не расходились, еще чего-то дожидая.

А дожидать было нечего. На крыльце, под кренделем с облезлой позолотой, торчала украшенная красными аксельбантами тучная фигура городового. И зычный голос заглушал крики женщин, столпившихся у крыльца:

— Куда лезете? Заперто! Им говорят: заперто, а они прут. Ну, и народ же!

И впрямь, народец, - ухмыльнулся в кудлатую бороду дворник, стоявший с метлой и железной лопаткой над кучей сметенного мусора и ледяных осколков.

Дальше чистить панель было невозможно: лопатка везде натыкалась на постельный хлам и топтавшиеся ноги. И, забрав свои инструменты, дворник безнадежно махнул рукой и пошел к дровяному двору, угрюмо бормоча:

— Ай да и бивак же раскинули. Не на войне, а прямо что в походе. Ну, и бивак же... пропади ты пропадом!

Подхватив эти жалостные и сердитые слова, Сергей с иронией взглянул на своего спутника.

— Да, это вам не ваша прелестная квартирка!

Но Эдуард не слышал. Он смотрел на другую сторону улицы, где против кренделя с облезлой позолотой высилась над воротами темно-красного углового дома дуга из проволочной сетки. На дуге черным полукругом красовалось название фирмы: „А. Фидлих и К°. А у ворот гомонило около сотни женщин, напирая на сторожа, охранявшего калитку.

Вот несколько сустливых фигур проскользнуло за спиной сторожа в калитку.

Должно быть, снимать пошли, — догадался Эдуард и решительно шагнул к крыльцу трактира рядом с булочной. — Постоим тут!

— Пожалуй. А мы не опоздаем в Думу?

— Не беспокойтесь. Наздеваетесь еще там в кулуарах... Интересно знать, что это за фабрика?

— Гм... Фидлих... кажется, картонажная, — неуверенно ответил Сергей, останавливаясь на крыльце около дверей, от которых так и разило запахом тухлой снеди, кожаных рукавиц и дубленых полушубков.

Приятели заняли у трактира наблюдательный пост в то время, как городовой из-под кренделя уже перескочил на противоположную панель.

Расширяя толпу локтем, он тыкал перед возбужденными лицами белой перчаткой, замусоленной от всяких рукоприкладств, и стращал казаками

— Кого дожидаетесь? Ишол, ши-ол! Казаки шутить не любят. Разойся!

Толпа не слушала и бурно протестовала. Смех, крики, брань смешивались с зычным рычанием блюстителя порядка. Высокая женщина в серой кацавейке подняла руку, собираясь говорить, но матерый локоть сбил ее с места; а из тесной кучки у фонарного столба, куда кувырком отлетела спихнутая оратория, кто-то визгливо крикнул:

— У, хрюкало! Еще и лягаться!

— Пожалуй, дело дойдет до свалки, — сказал Сергей, приглядываясь к суматохе, поднявшейся в этой кучке.

Там уже мелькали поднятые кулаки. А тут, у булочной, занявшая место под крыльцом какая-то хохотунья, уперев руки в бока, кричала через смех:

— Господин городовик, а, господин городовик! Чем с бабами-то воевать, шли бы на войну. Ей-богу! С немцами... куда как сподручнее.

Вокруг нее поднялся хохот, прерываемый стонами и кашлем. Но вот хохот смолк. От толпы на середину улицы метнулась зеленая клетчатая шаль, прикрывавшая чуть не до пят щупленькую женскую фигуру. Красное лицо под шалью пыхнуло зноем глаз; пронзительный голос пересек остальные звуки:

— Эй, тетки, разве не слышите! Итти надо. Чего еще жметесь к стене, как овечки?

В хвосте подняли головы.

— После обеда, может быть, дадут, — покорно отозвалась старушка, сидевшая в ногах у присмиревшей хохотуньи на полосатом тюфячке.

Над ее головой тощая, молодая, захватив грудь, выбросила с надрывным кашлем:

— Талончик, может быть... Кха-кха! Замаялась!.. Ох, господи! За грехи, видно.

— Талончиком не накормишь ребятишек, — смело продолжала оратория в зеленом. — Кукиш на воде, вот что дадут. А тут товарки с гильзовой фабрики пришли и дельно говорят: если мы сами не фабричные, так мужья у нас фабричные. Пойдем дружно с ними и будем требовать хлеба.

— Хлеба и мира! — выступила от фонаря работница в серой кацавейке, да ей опять помешал городовой.

С рявканьем он оттолкнул ее назад и бросился на мостовую к оратории в зеленом. Но две пустые ломовые подводы, медленно подъезжавшие к трактиру, преградили ему путь.

— Ишь, сыч, расходился-то как, — ткнул в его сторону кнутовищем сидевший на первой подводе молодой парень.

А в хвосте ближе к булочной уже гомонили на разные голоса. Кто бранил, кто осмеивал товарок, бросивших такой дерзкий призыв: требо-

вать хлеба, да еще и мира. Немногие женщины их поддерживали. Но почти все голоса сливались в общей ненависти к блюстителю порядка и в буйной жажде досадить ему и тем, кто его сюда поставил, за это долгое изнурительное стояние перед пустой лавкой: за озноб, полученные в эту ночь; за стоны детей, не евших хлеба и накануне, и за эту „анафемскую, проклятущую войну", высасывающую из народа и кровь, и пот, и слезы.

— Это мы сами знаем, что и мир тоже давно бы надо заключить, — ораторствовала уже без смеха недавняя хохотунья. — Вот она где сидит, война-то! Только анафемы-фараоны ее не чувствуют... Вот бы на войне поставить ему кровососные банки. Рыло-то, смотрите, скоро треснет от жира.

И, показав ненавистному рылу кукиш, она сорвалась с крыльца на мостовую. С ней еще несколько бойких баб обступили ораторшу в зеленом:

— Да куда итти-то? Скажи толком... Ну, и пойдем, а куда?

У той у самой еще не было ясного представления о том, — куда итти. Она замялась. Беспомощно оглянулась, точно искала ответа на голодные думы в этой голодной улице с облезлыми остовами домов, с черными конурами внутри этих скелетов, обвеянных запахом тухлятины и гари. И нашла.

За дровяным двором в отдалении коричнево дымили трубы какого-то завода, застилая яснеющее поднебесье копотью. Маленькая женщина посмотрела на этот дым, и ее скрытые руки взметнулись под шалью, точно крылья.

— Конечно, не фараонам пятки лизать! Вон куда! Вон хоть к тому заводу. Мой муж хоть на Петербургской стороне работает, но все равно: с ближних начинать надо. Эй, тетки!

За спиной у нее мелькнули замусоленные белые перчатки, но чья-то прыткая рука уцепилась за красные аксельбанты, и женщины со смехом и визгом затерли городового. Ораторша в серой кацавейке теперь уже без помехи подбежала к булочной и начала говорить о хлебе и мире, о международном дне работниц, о революции, о свободе.

— Ну-ка, ну-ка, товарки, кто из вас поворотливее?

Пока она с прибауточками говорила, распахнулась железная калитка в воротах, увенчанных проволочной дугой с „Фидлихом и К°". Точно копна сена, подхваченная потоком, сначала вынырнул со двора сторож в дубленом тулупе, потом оживленными группами стали выбегать картонажницы. Толпа суетливыми кучками раскинулась от панели до панели, запрудила узкую мостовую.

Крыльцо под крендилем опустело, и полиявший крендель подернулся живой позолотой лучей, брызнувших через улицу из голубой расселины над черной крышей картонажной фабрики. Под коричневым забором дровяного двора как-то неопределенно зашевелились сенники и полосатые матрацы, заволновались пестрые вороха шалей и одеял. И весь длин-

ный мохнатый хвост начал разлезаться, точно дырявая шерстяная вязь при растяжке.

В неугомонном говоре и шуме раздались удаляющиеся крики хором:

— Хлеба! Хлеба!

По обеим панелям и по средине улицы двинулась толпа к ближнему переулку, и смятый женщинами городовик уже не страшал их казаками. Задор его вдруг исчез. Понуря голову, он потерянно блуждал среди дороги, разыскивая что-то в бороздах унавоженного снега, и сорванные аксельбанты красными змейками свешивались с груди его на опущенные полы шинели.

— Ишь, сыч, свистульку, видно, потерял, — догадался, останавливаясь рядом с Сергеем, молодой парень, только что сошедший с ломовой подводы.

— А без свистульки и всякого рыску лишился, — выглянул из-под морды лошади другой, бородатый, ломовик.

Привязав ее за ременные поводья к фонарному столбу перед трактиром, он также наблюдательно остановился у крыльца. Постоял с полминуты, зорко и с хитрецою следя за нестройной процессией, и, когда неумолчные крики заплескались уже в переулке, решительно хлопнул рукавицами по отдувшимся бокам полушубка и, уходя в трактир, тоном старого вещуна сказал товарищу:

— А бунт беспременно будет. Помяни мое слово, Митрей! Уж коли бабы за что взялись...

И Сергей, покидая крыльцо, согласился с мнением извозчика:

— Да-а, тетки подают сигнал. Что-то будет...

Луиза Мишель

Коммуна 1871 г.

(Отрывок)

...Женщины не спрашивали себя — возможно ли данное дело, а полезно ли оно: они добивались его осуществления.

Однажды нашли, что в Монмартре слишком мало госпиталей. Я и одна, тогда еще совсем молодая девушка, член общества начального образования, решили создать еще больницу.

Денег не было ни копейки, но для образования фонда мы придумали следующее:

Мы взяли с собой высокого национального гвардейца, с лицом, похожим на гравюру 93-го года; он шел вперед, примкнув штык к ружью. Опоясанные широкими красными шарфами, держа в руках специально приготовленные для этого случая кошельки, мы все трое с мрачным видом отправились к богачам. Начали с церквей. Национальный гвардеец шел посредине, стуча ружьем по плитам; мы шли по бокам, и собирали пожертвования у всех, начиная с священников алтаря. Богомольные дамы, бледные от ужаса, дрожащими руками опускали деньги в наши кошельки. Некоторые давали охотно, некоторые из страха, но деньги были собраны. Больница была основана.

...В другой раз, не помню уже где, — в думе или в комитете Общественной Безопасности, я встретила несчастных женщин улицы, они обливались слезами, так как их не желали допустить к уходу за ранеными.

Бедные женщины рассказали мне о своем горе. Я обещала им, что люди Коммуны признают справедливость их просьбы, и она будет удовлетворена.

Не знаю, что я говорила в их защиту; но горе несчастных женщин поразило меня в самое сердце, и мне удалось найти слова, которые тронули душу моих слушателей. После этого женщины были направлены в дамский комитет, члены которого были достаточно благородны, чтобы встретить их самым радушным образом.

Когда бедняжки узнали, что просьба их принята, они вновь залились слезами; то были слезы радости.

Словно дети, они хотели сейчас же надеть красные пояса. Как могла, я разделила им свой.

— Мы не заставим Коммуну краснеть за нас, — говорили они мне.

И, в самом деле, все они погибли в майскую неделю.

С одной только пришлось мне свидеться вновь в тюрьме Шантье: она рассказала мне, как две из них были убиты ружейными прикладами в тот момент, когда подавали помощь раненым.

...Среди этих бесчисленных и неведомых мертвецов были и такие, которых где-то ждали свои, ждали еще долго, пока не уставали ждать. Бросали ждать — и все-таки продолжали надеяться.

Луиза Мишель, прозванная „Красной Девой", одна из виднейших коммунарок; приговорена к ссылке в Новую Каледонию.

Луиза Мишель перед военным судом в 1871 г.

Луиза Мишель в 1901 г.

На общие могилы приходили женщины. Под своими старыми платками они прятали семена цветов и украдкой разбрасывали их по дорогим местам.

И семена давали пышные всходы; кое-где зажгли цветы, как капли крови... За женщинами стали следить: их подвергали грубейшим оскорблениям. И, все-таки, могилы неизменно покрывались цветами.

Одной из таких женщин была г-жа Жантиль. Ее муж сражался еще в революцию 48-го, а, может быть, и 30-го года. И, вот, в течение многих лет после Коммуны, она оставляла свою дверь незапертой, чтобы муж ее мог войти к ней, никем не замеченным.

Он пережил июньские дни и вернулся к ней однажды вечером: почему же не вернуться ему и еще раз — после майских дней?

В центральной тюрьме Оберив — старом замке, обращенном в смирительный дом и исправительное заведение, мы ожидали казенного судна, которое должно было нас отвезти в Новую Каледонию. Когда Августина Шиффон прибыла сюда, то, надевая на руку свой острожный номер, она воскликнула: „Да здравствует Коммуна!“ — Помнится, мой номер был 2182. Две тысячи сто восемьдесят один человек прошли передо мною все двери тюрьмы! Какая вереница!

Клара Фурнье, артиллеристка-наводчица (служила во флоте Коммуны).

Гортензия Давид, артиллеристка-наводчица (служила во флоте Коммуны), приговорена к ссылке.

Г-жу Лемель судили сравнительно очень поздно. Она не хотела пережить Коммуну и заперлась в своей комнате с жаровней горящих угольев. В это время к ней явились, чтобы арестовать ее. Она была спасена от смерти, чтобы предстать перед военным судом.

В ожидании суда ее поместили в больницу; несколько раз ей предлагали устроить ее побег, но она отказывалась.

Когда г жа Лемель прибыла в Оберив, мы все встретили ее криком: „Да здравствует Коммуна!“. То же самое мы сделали, встречая Экскоффон, г-жу Пуарье и одну старушку, которая сражалась еще в Лионе в те времена, когда рабочие шелковых фабрик писали на своих знаменах: „Жить, работая, или умереть, сражаясь“. Имя этой старушки было г-жа Делетра. Она все свои силы отдала борьбе за Коммуну.

Лиссагарэ

Луиза Мишель перед военным судом

...„Я не хочу защищаться, я не хочу и того, чтобы меня защищали,— восклицает Луиза Мишель.— Я всецело принадлежу социальной революции и готова принять на себя ответственность за все свои действия. Вы упрекаете меня за участие в казни генералов. Я отвечу вам: они осмелились стрелять в народ, и будь я там, я не задумалась бы приказать стрелять в тех, которые отдавали такие приказания.

„Поджоги в Париже? Да, в этом я принимала участие. Я хотела задержать вступление версальцев преградой из огня. Сообщников у меня не было; я действовала за свой собственный страх.

Обвинитель Дальи требует для подсудимой смертного приговора.

Луиза Мишель.— Вы именуете себя военным судом: вы выдаете себя за моих судей, но действуете более открыто, нежели „Комиссия помилований". Я требую от вас казни в Сатори, где уже пали наши братья. Надо изъять меня из общества: вам приказано это сделать. Ну, что ж! Комиссар республики прав. Так как всякое сердце, бьющееся для свободы, может рассчитывать только, повидимому, на кусочек свинца, то и я требую своей доли. Если вы оставите мне жизнь, то я не перестану кричать о мщении, и, чтобы отомстить за братьев моих, я потребую суда над убийцами из „Комиссии помилований".

Председатель.— Я не могу больше позволить вам говорить.

Луиза Мишель.— Я кончила!.. Если вы не трусы, убейте меня.

Л. Сейфуллина

Перегной

(Отрывок)

Один раз пришла к Софрону жена Семена Головина, прошение принесла о пособии, которое Софрон за мужа обещал, да выдать позабыл. Все слова в прошении к месту были подобраны, и буквы читать можно, вполне разберешь.

– Кто писал прошение тебе?

– А кто будет? Сама. Начетчики-те нашински, спасибо, с малолетства обучили. Все письма мужу на службу сама писала...

— Ну, ладно, будешь у нас по книжной части. Жалованье получишь, вот тебе и способье!

И назначил Головиху библиотекаршей. Комнату, для Антонины Николаевны приготовленную, заперли. Открывали только на случай приезда городских, а Головиха приходила с утра, свекора и ребятишек двух малолетних накормив. Сидела до полудня, потом опять домой шла, кончала с обедом и до вечера опять в библиотеке.

Обязанности свои она выполняла старательно. Сказал ей Софрон, что надо в тетрадку на дом выданные книги записывать. Так и делала. И неровным, но разборчивым, почерком записывала в тетради:

„Качеров молоканский поп узял откуда появились люди на земле".

„Дед Евстроп узял без заглавию".

Книги давать на дом очень не любила, выбирала только старенькие и без картинок.

– Наляпаете еще чо на книжку! Не трогай — пущай стоит! Вот эту можно.

Два раза в неделю мыла в библиотеке полы, и в эти дни посетителей не пускала.

– Пущай обсохнет! Завтра придете.

Сама очень любила смотреть картинки в иллюстрированных журналах. Читала мало — некогда. Больше, сидя в библиотеке, занималась починкой и вязаньем крючком кружев на продажу и узорчатых чулок, которые в моду в деревне пошли. Очень боялась ребятишек и парней. Оглядывалась за ними к книжному шкафу.

– Упрут чо, и не опомнишься!

Но отучить их от библиотеки не могла. Они были самыми частыми посетителями. Барабанили на пианино, смотрели картинки и читали книжки. Мужики занимались больше газетами. Заовражинские приходили слушать. Кто-нибудь из небесновцев читал обычно газету вслух. Головиху скоро одобрять начали. Баба разумная, со всеми соглашается. Начнет Кочеров говорить, что оттого неустройство у нас, что бога забыли и божьего слова не знают, Головиха вздохнет и поддакнет:

— Совсем народ спутался! А без богу как?

Говорит Софрон, что попы обман делали, народ обирали, тоже головой кивнет:

— Сказано, у попа глаза завидущи, руки загребущи.

Когда Интернационал пели, она подпевала. В церковь ходила по праздникам нередко. Уважительностью своей всем угождала. Платье и при муже носила по городскому образцу, только кофточку на-выпуск. Теперь голову стала держать и в комнате непокрытой, а волос не взбивала. Добро библиотечное зорко хранила. Это тоже ценили мужики:

— Домовитая баба попалась.

А. Неверов

Двенадцать часов

(Рассказ крестьянки)

Корову я доила рано утром. Гляжу, Николай бежит босиком.

— Где Володимир?

Думала я, случилось чего, спрашиваю:

— Зачем тебе?

— Арестуют нас сейчас: казаки сюда приехали.

Не успела я опомниться, Николая уж нет. Выбежал и калитку не затворил. Оставила я ведро под коровой, бегу в избу. Дрожу вся, и язык не владеет. Глаза разбегаются в разные стороны. Увидала ружье на стене, сунула под кровать без памяти. Очень уж испугалась. Бывали казаки проездом у нас, знала я — хорошего не будет. Тормошу Володимира, а он, как нарочно, уснул крепким сном. Схватила за руку, кричу:

— Володимир, Володимир, проснись! Казаки приехали.

Вскочил он, как был, и обуться не успел. Глядим, Ванюшка Черемнов с мешочком бежит, запыхался.

— Скорее, солдат, скрывайся — обыски будут делать.

Ребятишки проснулись в суматохе, маленький заплакал. Мне бы на руки его взять, чтобы не плакал, да разве есть когда? Ножик ищу, хлеба отрезать Володимиру на дорогу. Не догадаюсь целую горбушку дать, а мальчонка-малыш кричит на всю избу.

Большенький тоже заплакал. Такой крик поднялся — чужие люди под окошками начали останавливаться. Схватил Володимир пиджачишко рваный, говорит:

— Ты, Настасья, не бойся. Я на болоте буду сидеть до вечера. Вечером наведаю тебя. Станут спрашивать казаки, куда я делся, говори — ничего не знаешь. Тебя они не тронут — женщина ты.

Надавал мне таких советов, а я и не помню ничего. Вышла на двор, ведро с молоком на боку лежит, корова к воротам подошла, рогами калитку отворяет. В избе ребятишки плачут. Хожу, как дурочка, и сама не знаю, за что взяться. Выглянула на улицу — там галдеж стоит. Кто в эту сторону бежит, кто — в ту. На меня показывают пальцами. Подбежала Анна, шабриха, спрашивает:

— Мужик твой скрылся?

Тут опять немного опомнилась я. Поглядела спокойно, говорю:

— Чего ему прятаться? Чай, он не вор.

— Большевик он у тебя.

Не пойму сразу, чего хочет Анна, а она с добром ко мне. „Я, говорит, никому не скажу. Если дома спрятала его, пускай перепрячется. Найдут казаки — не помилуют". Подошла Наталья, Николаева жена, мигает мне через плечо: айда посекретничаем. Увела меня на двор, спрашивает:

— Чего будем делать?

А я и сама не знаю, говорю ей:

— Нас не тронут, женщины мы.

Наталья тогда рассердилась на меня.

— Какая ты надежная, Настасья! Разве можно оставаться на глазах у всех? Один Прокоп утопит нас с головой за наших мужиков. Сколько хлеба отобрали они у него для неимеющих?

— Так чего же будем делать?

Спрятаться надо нам.

— А ребят куда?

Ребят оставим на денек, их не тронут. Уйдут казаки — вернемся. Не уйдут, попросим бабушку Фектисту поглядеть.

Слушала я Натальины слова и так расстроилась сердцем, хоть самой зареветь впору. Шутка ли дело — из своей избы бежать! Да и куда я пойду? Мужики — солдаты, они ничего не испугаются, могут оборониться, если кто нападет. Дома оставаться — тоже боязно стало. Злые есть среди казаков. Натравят на меня, скажут им: это — жена большевика, самого главного коновода.

Только хотела пойти к бабушке Фектисте, чтобы поглядела за моими ребятишками, слышу — кричат на улице:

— Казаки по избам ходят!

Бросилась я в сени, выскочила на двор. Пометалась из угла в угол, опять прибежала в избу. Схватила маленького на руки, большенькому сказала:

— Иди к бабушке Фектисте, сиди там целый день. Я приду скоро.

Он плакать начал, у меня сердце разрывается. Подумала-подумала, говорю себе:

— Что будет, то и будет. Никуда не пойду.

Выпила с обоими ребятишками во двор, погнала корову в стадо, а стадо давно за околицу выгнали. Корова не идет, упирается. Хлыщу ее прутиком по спине, приговариваю:

— Иди, иди!

Навстречу мне Лаврентий без шапки, косым глазом усмехается. Володимира очень не любил он и радовался больше всех, когда казаки приходили. Остановился около меня, ехидничает.

— Куда коровенку гонишь?

И что со мной сделалось — сама не помню. Подняла я голову на Лаврентия, да прямо в глаза и говорю ему:

— Косой бес, не радуйся!

Домой я не вернулась. Гляжу, Прокоп идет с двумя казаками — так во мне и упало все. Ребенок на руках камнем лежит, другой за подол держится. Двигаю ногами, ничего больше не вижу. Вся улица туманом покрылась. Иду по дороге, а кажется — в яму падаю. Храбрюсь все-таки, сама себя подбадриваю. Пересекли казаки дорогу мне, говорят:

— Айда с нами!

— Куда?

— В теплое место.

Я заупрямилась, один казак за руку дернул.

— Не ломайся! Сама знаешь, куда тебя вести надо. Сказывай, где мужа схоронила?

Тут и я притворилась маленько.

— Что вы, родимые! Разве спрашивают нас мужики, где они хоронятся? Сами ищите, я ничего не знаю.

— А если мы тебя заставим сказать?

Опять я притворилась.

— Как вы меня заставите сказать?

Один казак плетку показал.

— Вот этой штукой: она всем бабам языки развязывает.

Другой казак, постарше, изругался.

— Не разговаривай много с чортовой бабой. Веди в сарай, там скорее скажет.

Так и задрожала я вся. Поправила платок, говорю:

— Вы хоть детей моих не пугайте. Чего я такое сделала, чтобы в сарай меня?

— Ладно, не разговаривай.

Увидала я, как Прокоп притворно над бедой моей вздыхает, словно смелее стала. Взяла большенького за руку, утешаю.

— Ты, Ваня, не бойся, это дяденька нарочно пугает нас.

А он — даром маленький: восемь лет ему — знает, какие казаки. Вцепился в подол мне ручонками, побелел весь. Ведет казак по улице меня, народ смотрит. Кто жалеет втихомолку, кто радуется. Дошли до избы, где бабушка Фектиста живет, упрашиваю я казака:

— Обожди немного, ребятишек оставлю старухе. Куда с ними пойду? Неужто и на них вину будете искать?

Казак кричит:

— Ты, тетка, меньше говори. Жалобами меня не тронешь, а тебе за это хуже будет.

Стала целовать маленького я и вдруг заплакала. Что со мной сделалось? Не могу не могу успокоиться. Тут еще ребятишки мои крик подняли в два голоса, словно ножами режут. Как я шла потом, — не

помню. Запер казак меня в павлов сарай на гумне, сижу, как крыса в ловушке. Слезы прошли уж, не плачу. Думаю, как беде своей помочь? Посидела в одном углу, в другой пересела. Ах, мучители! Такая меня злость взяла, стала я землю под плетнем ковырять, чтобы убежать из сарая. Наковыряла пальцами маленькую ямку, бросила. Какой толк! Без лопатки все равно ничего не сделаешь. Сижу, думаю. Неужто пытать они меня будут? Этак я и Володимира выдам, и Николая. Неужто не вытерплю? Ущипнула себя за руку двумя пальцами—больно. Еще сильнее ущипнула—терплю. Узнать хочется: буду или не буду кричать я, если меня пытать станут. Всякие мысли пришли в голову. Увидала булавку на груди у себя думаю: „Дай, еще булавкой уколю себя хорошенько". Ткнула в бок посильнее—вскрикнула. Нет, не стерплю. Прислонилась головой к плетню и давай плакать. Всю жизнь свою вспомнила: как девчонкой была, как замуж выходила за Володимира, как на войну провожала его при царе. Стоит Володимир перед глазами у меня, упрекает:

— Смотри, баба, не поддавайся страху. Расскажешь казакам, где я скрываюсь,—оба мы пропали.

Чего только не передумала я за это время. То покажется, — нашли Володимира, связанного ведут на расправу. То ребятишек своих увижу раздавленными, то верхом себя на какой-то лошади. Скачу будто бы по-казачьи в седле, за плечами ружье володимирово, а за мной народу видимо-невидимо. Не пойму вот теперь: каким-то вроде начальником сделалась я, командую, и все меня слушаются.

Долго сидела в сарае, слышу, голоса кричат на гумне. Поглядела сквозь плетень, казак ведет Наталью, Николаеву бабу. Мне бы испугаться надо, а я обрадовалась. Ладно, думаю, две будем сидеть, чего-нибудь придумаем. Отпер ворота казак, говорит:

— Пожалуйте, барыня, отдохнуть.

Поглядели мы с Натальей друг на друга, встали рядышком. Глаза у нее большие, губы дрожат. В моих глазах—чувствую—слезы. Вот Наталья и говорит мне, когда одни остались:

Что, не тронут нас? Если мы будем сидеть курами в этой ловушке, достанется нам и почище.

— А куда мы отсюда уйдем?

— Надо поглядеть.

Я и не знала раньше, что Наталья такая смелая да ловкая. Забралась она на плетень до самой крыши, шепчет оттуда:

— Вылезти можно—крыша некрепкая. Ты согласна?

Вот тут я и задумалась. Словно камень на шею повесила она мне. Здесь оставаться — страшно: а ну как на самом деле казаки выпытывать будут про мужиков? И бежать отсюда страшно: увидят, как мы в крышу полезем, — застрелят на месте. Сами если спасемся, как бы ребятишкам чего не сделали. Наталья торопит.

— Ну, как же ты? Решай!

Может быть, не согласилась бы я, да Володимир опять встал передо мной.

— Беги, Настасья, лучше будет.

Наталья крышу соломенную продырявила, высунула голову, смотрит. Никого, — говорит, — нет.—А гумна у нас на задах. Тут, и правда, никого не бывает. Весь народ толпится на улице.

— Ну, — говорит Наталья, — я прыгаю. Торопись за мной скорее.

Только вылезла я на крышу, слышу: бац из ружья! У меня и в глазах потемнело. Грохнулась на землю, встать не могу. Наталья кричит надо мной:

— Вставай, вставай! Это на улице стреляют.

Бросилась она к речке, прямиком по гумнам, я — за ней. Бегу, земли под ногами не чувствую. Сердце задохнуться готово. Забежали в чей-то предбанник, сидим. Слушаем, не гонится ли кто. Тихо кругом. Дольше оставаться в предбаннике — боязно, найти могут нас. Чего тут делать? Заварили кашу, надо дохлебывать. Наталья говорит:

— Теперь нет нам ходу назад, пока казаков не прогонят.

— Куда же нам итти?

— Айда через речку на тот берег. Можа, Володимира с Николаем увидим, около них не страшно будет.

Вот какая меня злость взяла на этих казаков! Подоткнули юбки, пошли. Я уж и бояться не стала, говорю Наталье:

— Придется нам вместе с мужиками воевать.

Наталья поддакивает.

— Ну да, придется. Сами казаки на это вызывают.

Идем тихонько, будто не прячемся, разговариваем. Вышли на другой берег, пошли на болото отыскивать Володимира с Николаем. Ходили-ходили, — разве найдешь? Кричать громко нельзя. Время с обеда пошло. Сели в глухой кустарник, сидим. У меня слезы на глазах показались. Наталья спрашивает:

— Ты что плачешь?

А мне и стыдно перед ней, и ребятишки стоят на уме. Слышим, крадется кто-то за нами. Вот как я испугалась! Вскочила бежать, а из кустарников Володимир глядит. После все смеялся надо мной:

— Можешь теперь воевать?

Так мы с ними и пробыли целых двенадцать часов в болотных кочках, пока казаки не ушли из нашего села.

Инсценировки

Ф. Ильинский. День работницы.
Мария Розен (по Горькому). Мать.
Саша Красный. Лицом к деревне.
Депо агиток. „В старый быт должен кол быть вбит".
Аверьянов и Наврозов. „На-ка вот — одинаковы".

Ф. Ильинский

День работницы

В 3-х отделениях.

1. Агитпарад.
2. Быто-обзор из записной книжки Рабкора в 3-х сценках.
3. Персонажи с хор. пением и пролетарская клятва.

1-ое отделение.

Участвуют: Рабкор. Завклуб. рупор 1-й, рупор 2-й, Предфабком, Библиотекарь. Коммунистка, Рабочий, Работница, дети, Мишка, крестьянки, коллектив и голоса из зала: 1-й, 2-й, 3-й, хор женщин.

(Рабкор и Завклуб перед занавесом).

Завклуб. Республика советская, трудовая.
Призыв Ильича не забывая.
По распоряжению ЦК Компарта,
На восьмое марта
Об'являет ко всеобщему вниманию
Однодневную массовую кампанию
Международного дня работниц и крестьянок.
От пролетарских дворцов до землянок.
Всем, всем, всем, повсюду,
Всюду и везде,
Всему пролетарскому люду —
Верному красной звезде —
Пусть станут понятны, как дважды два,
Товарища Ленина слова:

Рупор 1-й. „Дело советской власти будет доведено до конца,

„ 2-й. Когда в нем примут участие миллионы и миллионы работниц и крестьянок".

Зав клуб. На этот зов —
Все, как один,
От всех станков,
Со всех равнин —
Рабочий класс несметный
Бросит клич ответный.

Кол. декламация (за сценой или из зала). Помните и выполняйте завет Ильича о работнице и крестьянке.

Занавес открывается.

(Под звуки Интернационала вносят три плаката).

1-й плакат (под первый куплет Интернац.). Работницы и крестьянки, Ленин умер, но жива созданная им Коммунистическая Партия. Стройтесь в ее ряды!

2-й плакат (под второй куплет Интернац.). Начатое Лениным раскрепощение трудящейся женщины доведем до конца.

3-й плакат (под третий куплет Интернац.). Работницы и крестьянки!
Помни завет Ильича—строй новую жизнь.

Зав клуб. Вы не скажете ли мне,
Сами, женщины, сейчас,
Чем вы прежде в жизни были
И какой был взгляд на вас?

Женщина (из публики). Были в жизни мы доныне
Подневольные рабыни.
Изнывая от работ,
Рабства мы терпели гнет.
Нас, как гражданок, забыли.
Все пути пред нами были
Навсегда закрыты, скрыты.
Люльки, печки да корыта
Были нам даны в удел.
Не живя вне этих рамок,
Исполняли роль мы самок,
Вот и весь печальный сказ
Вам, товарищи, про нас.

Зав клуб. Всем нам очевидно.
Сколько незавидна
Скотская доля
Труженицы поля.

Чтоб к женщине выяснить отношение,
Прочту я вам выдержку из прошения
Отбывшего каторгу подневольную,
Отпущенного на волюшку-вольную,
Крестьянина православного —
В эпоху царизма недавнего:
„И прошу вашего высокородства
Выдать мне для домообзаводства
Корову и бабу на вольное поселение.
Корову для пользы, бабу для увеселения".

Голоса из зала:

1-ый. Бабе много чести.
Корова на первом месте.

2-ой. В бабе какой, мол, толк.
Волос долог, да ум короток.

3-ий. Курица не птица,
Баба не человек.
Эта небылица
Из века в век,
Из уст в уста,
Повторяется народом сироста.

4-ый. И швец,
И жнец,
И в дуду игрец,
Баба — на все руки.
В кабале муженька терпела муки
Из века в века.

Завклуб. Чтоб не утомить вас своим разговором,
Познакомлю я вас, товарищи, с рабкором.
Бытообзор он сценку за сценкой
Покажет вам с дельной, короткой оценкой.

2-е отделение.

Рабкор (перед занавесом). Я - рабкор. Вам это слово
Неожиданно и ново.
Дам на это свой ответ:
Я — сотрудник всех газет.
Я — всевидящее око,
Барометр и ватерпас,
Не люблю писать без проку,
И пишу не в бровь, а в глаз.

Сам живу в быту рабочем,
Сам рабочий от станка.
Хоть пишу я между прочим,
Но зато наверняка.
Но-пустому не обижу.
Без вины не сокрушу.
Все, что слышу, все, что вижу,
Наспех в книжку заношу.
Свою книжку записную
Я представлю вам живьем,
Окуну вас в явь дневную
В быто-жизни водоем.
Пусть картинки жизни быта
Здесь мелькают, как кино,
Быта старого корыта,
Новый быт — веретено.

Итак, приступаю.
Место уступаю
Супругам рабочим,
Мужу и жене.

(Занавес открывается. Сцена — каморка рабочего).

Работница. Ох, нет моей мочи,
Тяжко мне,
Беда.
Придешь с работы —
По дому заботы,
Туда, сюда.

Рабочий. Будет плакаться, ныть, стонать,
Мне ли этого не знать.
Я, ведь, не жрамши сижу-то, чай...
Вместо обеда чай да чай.
Моешь им, чаем, кишки-то, моешь,
Да нешто это харчи!
А ты еще тут поешь.
Молчи!

Дети. Маменька, дай поесть,
Хлеб-то ведь есть.
Маменька, есть хочу...

Работница. Я вот вам покричу,
Голоштанная рать.

Рабочий. Не орать...
Орут круглый день...

Работница. Я вот вам пору!

Рабочий. Сниму вот ремень
Со стены.
Спущу штаны.
Да и выдеру.
Со мной короткий разговор.

Работница. Убирайтесь на двор...

Дети. Есть-то охота...

Работница. У-у... злая рота...

Дети. А ты покорми...

Рабочий. Уйми ты их, уйми.
Что же это такое,
И дома нет покоя.
Ад кромешный...

Работница. Не надрывай, сердешный.
Душу мою не надрывай...
Вчера спекла каравай,
А нынче уж весь...

Дети. Маменька... есть...

Рабочий. Невмочь мне плач ваш, невмочь...
Пошли прочь. (Прогоняет детей.)
Работаешь, как вол,
А нехватает на стол.

Работница. Что ж это такое:
Жизнь, нешто, это...
Не знаешь покоя
Ни зиму, ни лето.
День изо дня
Работа, страшная,
Как бессмертный, рабочий
Ворочай да ворочай...

Рабочий. На то вы и бабы.

Работница. Эх, кабы
Вас, мужчин, да на нашу долю...
Наплакались бы вволю...

Рабочий. Изобью... Не вякай...

Работница. Не запугаешь дракой.
Не впервой, чать.

Рабочий. Молчать...
Смо-отри-нини...
Чорт тебя подери...
Исколошмачу.
Как клячу.
Сказал, не вякай.

Работница. Да я с такой собакой
И говорить-то не хочу.

Рабочий. Исколочу!

Работница. Молчи, сатана!

Рабочий. Жена ты мне, аль не жена...

Занавес.

Рабкор (перед занавесом). После такого словесного состязания
Началось телесное истязание.
Муж жену,
Об'явив ей войну.
Поверьте,
Избил до полусмерти.
Так время от времени
Бил он ее да бил.
Жена от непосильного бремени
Выбивалась из сил.
Рада бы подработать излишек.
Да как одних оставить детишек...
Капут приходит семейству рабочему:

Жить так дальше невмочь ему.
Не остались без участия
Советские власти.
Принимая, мол, в соображение,
Что в семейном положении
Трудно классу рабочему,
Сумеем помочь ему.

Кол. декламация. Организовывайте коллективные столовые и детские дома.

1-й и 2-й рупоры. Нужно организовать
1-й рупор. Общественные столовые.
2-й » Товарищеские харчевни.
1-й » Детские дома, ясли.
2-й » Общественные прачешные.
1-й » Общество деятелей нового быта.
2-й » Общество искоренения ругани.

1-й рупор. Театр революционного быта.
2-й » Клубы так, чтобы они смогли вступить в борьбу с мещанской семейной обстановкой.

Кол. декламация. Помните тов. Ленина и учите детей итти по стопам его.

Рабкор. И наступила жизнь новая,
Предверье нового быта.
Ясли и общественная столовая
На фабрике были открыты.
Живет дружно рабочая чета,
Жизнь-то прежней не чета.
И на ребят не нарадуются родители.
Да вот сами поглядеть не хотите ли.
В этом деле поможет нам профсоюз.

Занавес открывается.

(Рабочий с женой в столовой. Входит крестьянин).

Рабочий. Сколько лет, сколько зим,
Дядя Максим.

Работница. Наше вам почтение.

Крестьянин. Хороша у вас столовая:
И обед тут, и чтение.
Удивляюсь, право слово, я...

Рабочий. Садись да обед заказывай.

Работница. Вместе обед складней.

Крестьянин. Ну, как живешь, рассказывай!

Рабочий. Живем помаленечку с ней.

Крестьянин. Слыхал, что больно неладно.

Работница. Было дело... Теперь складно
Живем, как нельзя дружней.

Крестьянин. Вот как!
По случаю чего же так?

Рабочий. Жизнь была суровая,
Нездоровая.

Работница. На фабрике за работой
И дома с заботой...
Да выручили ясли и общественная столовая.

Рабочий. Бывало, в обед
Сто бед,
А в ужин —
Сто дюжин.

А теперь и горя мало:
Придешь с нея в эту вот залу,
Все тут, как следует.

Крестьянин. И жена тут обещает?

Работница. И очень довольна.

Крестьянин. Оченно, оченно, брат,
Я за тебя рад.
Что ж, пообещаю,
Посижу.
Домой приеду,
Своим расскажу:
Вот, скажу Дуне я—
На фабрике коммуния,
И тебе газета, и тебе продовольствие.
Одно, можно сказать, удовольствие.

Рабочий. Ясли тоже большая подмога.

Работница. Ребята обуты, одеты, сыты.
Отошла от нас эта тревога.

Рабочий. Ну, а ты-то как? Ты-то?

Крестьянин. А у меня, милой мой, отчасти
Дома в семье тоже напасти.
Жизнь, можно сказать, безотрадная,
Работников двое — жена да я.
Сейчас, к примеру, рабочая пора,
Как, скажем, уйдешь со двора,
Замучила вконец детвора.
В рабочую пору работы тьма-тем,
А куда деться с грудным дитем!
Уж такая-то канитель,
Ей-богу, право!
Грудной младенец трех недель
И подростков целая орава.
Живем-то мы с Дуней дружно.
Бабенка-то на работу ловка, как и я.
Делает все, что нужно.
Ко всему есть сноровка у нее.

Работница. Сноровка-то, дядя Максим, сноровка,
А все с детворой неловко.
Устроили бы ясли себе
В какой-нибудь порожней избе

Для облегчения женской доли,
Чтобы работать вольготней ей в поле.
Каждая, скажем, женщина-мать
Может в ясли ребенка сдавать.

Крестьянин. Это все, может, и расчудесно.
Да разве вы не знаете наших мужиков!

Рабочий. Обычай этот, конечно, нов,
Вам об нем еще неизвестно,
А в чужих краях повсеместно
Имеются такие дома.

Крестьянин. Эх-ма!
Говорите-то вы складно,
У вас-то вот все ладно.
Вам, фабричным, повезло.
Да фабрика — не то, что село.

Рабочий. Рабочему фабричному пролетарию,
Надо итти навстречу аграрию.

Крестьянин. Это мне ни к чему.
Чтой-то не пойму.
И правильно, может, оно.
Да слово-то мудрено.
Нам оно не в привычку.

Рабочий. А слышал ты про смычку
Крестьянина с рабочим?

Крестьянин. Слыхал между прочим.

Работница. Ну, вот бы и в путь-дорогу,
В этом деле дать помогу.
Наши учреждения вам не откажут.

Рабочий. Все, что надо, покажут.
Вот, милый ты мой.
Придешь домой,
Собери на сход
Народ
И сделай предложение.

Крестьянин. Спасибо на уважении
И на добром совете,
Поговорю в сельсовете.
Столовые... ясли... кооперативы,
Вот хорошо бы, ей богу, право...

Работница. Ай да дядя Максим! Браво...

Рабочий. Вот, брат, как ты заговорил.

Крестьянин. Глядят на нас, как на дурил.
А вот, скажем, Владимир Ильич...
Мог он предвидеть все и постичь.
Мы Ильичу вот как доверяли...
Все на его усмотрение вверяли.

Работница. Из году в год, не спеша, понемножку,
К свету Ильич проторил нам дорожку.

Занавес.

Рабкор (перед занавесом.) Не люблю словесного моря я.
И моя немудрая история.
Что на сцене мы видели здесь,—
Пусть отрывки все это и смесь —
Все ж не в бровь, так сказать, бьет, а в глаз.
В женский день призывая всех вас
Открывать на местах учреждения,—
Для семейных это — путь возрождения.

Рупор 1-й. Задача сознательных работниц помочь остальным избавиться от кухни.

Рупор 2-й. Общественное питание первый шаг к раскрепощению работницы.

Рабкор. Чтоб от семейной обузы
Освободиться, в профсоюзы
Вам надо, женщины, вступать.
Для вас нет проще ничего,
Как членами войти в него.
Со стороны взглянуть вам должно,
Как это просто и несложно.

Занавес открывается.

(На сцене фабричный комитет. У стола—председатель фабзавкома, около Рабочий с женой).

Предфабком. Здорово, приятель.
Зачем пришел?

Рабочий. Да вот, товарищ-председатель.
Жену привел.

Предфабком. Это твоя жена?

Рабочий. Сама она.
Хочу записать и ее в профсоюз.

Предфабком. Вошли во вкус?

Работница. Через него мы свет увидали.
Как детишек с рук сдали.
Так пошло у нас все чередом...
А допреж был такой содом...

Предфабком. Где работаешь? Примем с охотой.

Работница. Да на ткацком теперь работаю.

Предфабком. Позвать сюда Мишку.

(Входит Мишка).

Мишка. Я здесь.

Предфабком. Выдай ей членскую книжку.

Мишка. Есть.

Работница. Век нас гнули в рог бараний.
Были мы, как слепые щенки.
А как нынче вошли в сознанье,
Так всю жизнь берем с руки.
Я сама из рабочего класса,
Как слепая, с рожденья была.
Где мне знать, что рабочей массе
Власть советская наша дала.

Рупор 1-й. Будь сознательным членом профсоюза, развивай промышленность, выполнишь завет Ильича.

Колл. декламация. Укрепляя промышленность, осуществим смычку с крестьянством.

Рабкор. Сказать, товарищ, вправе я
Что у нас в стране равноправие
Всемерное проведено,
Поскольку необходимо оно.
Работница, мать, жена,—
Дождалась, наконец, она
Конца многотрудной напасти.
И, по воле советской власти,
Со всеми, товарищи, вами
Своими правами
Она
Уравнена.

Голоса из залы
1-ый. В чем ее права?
2-й. Как отыскать их?
3-й. Где?

Рабкор. Тринадцатая глава
Кодекса законов о труде.

Зав.клуб. Весь перечень законоположения,
В виде приложения,
К нашему выступлению
Вывесим для вашего ознакомления.

(Наиболее важные выдержки из кодекса законов о труде работницы или вывешиваются на стене, или даются на экране с об'яснениями).

Библиотекарь. Товарищи, прошу я слова.
Ведь книга — знания основа,
Лишь в ней найдете вы всегда
По всем вопросам, без труда,
Необходимые вам знанья.
Всем надо обратить вниманье,
Чтоб сбить невежества вериги,
На пользу, что несут нам книги.

Рупор 1-й. Безграмотность злейший враг трудящихся.

Рупор 2-й. Долой безграмотность среди женского пролетариата.

Колл. декламация. Исполним завет Ильича и будем учиться, учиться, учиться.

(Библиотекарь раздает листовки и знакомит с литературой по женскому вопросу).

Рабкор. Я, пользы вашей же желал,
Вам коммунистку показу.

(Группа женщин).

Коммунистка. С тех пор, как в партию вошла я,
Других в сознанье привожу,
Уж мне, подруженьки, поверьте.

1-я женщина. Своя сестра, чай, не соврет.

Коммунистка. Верна я партии до смерти,
Иду сознательно вперед.

2-я женщина. Тебе-то мы, касатка, верим.

1-я „ Таких, как ты, немного есть.

Коммунистка. Для вас открыты также двери,
И вас могу я в них провесть.

1-я женщина. Маленько боязно, да что ж.

2-я „ Пойду, коль ты займешься с нами,
И нас до дела доведешь.

Коммунистка. Зову, так значит, доведу.

1-я женщина. Решаюсь я...

2-я „ И я иду...

(Уходят за коммунисткой).

Рупоры 1-й и 2-й. Работницы и крестьянки. в наш международный день
объединяйтесь вокруг Коминтерна. несущего раскрепощение всем трудящимся.

Колл. декламация. Сегодня 8-е марта.
Праздник трудящихся женщин.
Сестры. победой Компарта
Труд ваш будет увенчан.

Работница (назвала). Крестьянка. докажи. что и ты в исполкомах. селькомах. посевкомах. уметь быть такой же полезной. как и на пашне и в избе.

Рупор и коллективная декламация. Чем скорее вступят на путь борьбы работницы и крестьянки всех стран. тем скорее осуществится победа коммунизма.

3-е отделение.

Рабкор (перед занавесом). Из этого быто-обзора
Ясно без разговора.—
Выполняйте сплеча
Завет Ильича.
Верю. — в „восьмое марта“ я —
Почернеет большевистская партия
Много женских сознательных сил.
И все то. что Ильич возгласил.
Как стоял во главе над страной.
В жизнь вольется широкой волной.
И смычка рабочих с крестьянами
Маяком разгорится над странами.
К маяку ж из заветной дали
Трудовые придут корабли.

Завклуб. Эй. граждане! Товарищи! Братва!
Сюда идут герои торжества.
Наш праздник заключить уместней
Многоголосной женской песней.
Ведь. песня спутник женской доли.
В избе. над колыбелью. в поле.
В пыли фабричной за станком.
Везде мы слышим нам знакомый
Напев из детства. женский. милый.
То развеселый. то унылый.

(На сцене сзади становится хор. впереди персонажи в костюмах. Их встречают декламацией).

Колл. декламация. Да здравствуют герои торжества международного—
Праздника „8-е марта“ — женщины-пролетарки!

Х о р. (поет на любой мотив).
Мы все, женщины, несем свой женский труд,
Отдаем себя на всеобщий суд.
В странах женского бесправия.
Мы добьемся равноправия.
И, поднявши агитацию, тогда
Проведем эмансипацию труда.
Нас грядущее и манит и зовет.
День работницы навеки да живет.
Да живет наш светлый праздник мировой,
Наш весенний женский праздник молодой.

Завклуб.
От всех присутствующих здесь
Привет вам всем и поздравленье.

Кол. декламация. (отдаленный клич).
Да здравствует международный день пролетарки и труд ее!

Завклуб.
И свой привет единодушный
Бросает в радио эфир,
Волной колеблемый воздушной
Вперед несется он в весь мир.

(Отдаленная музыка Интернационала).

Завклуб и Рабкор. Внимание... Интернационала
Мы слышим отдаленный рост.
Меж странами и нашей залой
Возник незримой связи мост.

Рабкор.
Страна великого титана,
Вождя коммуны — Ильича.
Восторг подымет во всех странах
К творцу незыблемых начал.
Под эти пламенные звуки,
Свершимте клятвы ритуал.
Пусть, как один, подняв руку,
Клянется наш рабочий зал.

Рупор 1-й, 2-й, коллективная декламация и участвующие.
Клянемся помнить заветы Ильича
И итти по его стопам.

Рабкор, завклуб и все участвующие.
Клянемся, клянемся, клянемся.

(Оркестр, отдаленно игравший Интернационал, после ритуала клятвы, гремит полнозвучно).

Занавес.

Мария Розен

Мать

Инсценировка по М. Горькому

в 6 картинах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мать — Власова.
Сын ее — Павел.
Товарищ сына — хохол Андрей.
Весовщиков Николай — рабочий.
Саша — подпольная работница.
Рыбин, Ефим.
Игнат, Яков.
Савелий
крестьяне.

Работницы, рабочие, крестьяне, крестьянки.

КАРТИНА 1.

Вечер. Комната рабочего. Мать сидит у стола и вяжет носки. Входит Андрей.

Андрей. Ну, мать, повидались?

Мать. Повидалась.

Андрей. Довольны?

Мать. Чем довольной-то быть. Морили три часа, пока допустили, разговору дали пять минут.

Андрей. А кто свидание давал?

Мать. Надзиратель, толстый такой с рыжей квадратной бородой. Выкрикнул фамилию мою, оглянул с ног до головы и говорит: „Иди за мной"... Сам вперед пошел. Прихрамывает, да чуть идет, с прохладцем таким, так и хотелось толкнуть его в спину, чтобы шел побыстрей.

Андрей. А свидание было за решеткой?

Мать. Нет, в комнатке, маленькой такой. Вхожу, стоит Павел, улыбается, протягивает руку. Схватила ее, засмеялась и не нахожу слов, только тихо говорю: Здравствуй. — Здравствуй. — А хромой тут как тут: „Мать, но, между прочим, разойдитесь, чтоб между вами было расстояние". И громко зевнул, и еще противней стал.

Андрей. А Павел?

Мать. Успокойся, говорит, мать. И отступил. Как, говорит, дома, как здоровье? Думала, что другое спросит еще. Молчит. Я, значит, говорю: „Скоро ли выпустят они тебя? За что посадили? Ведь вот бумажки эти опять появились“... Глаза у Павла радостно блеснули. Опять? — говорит. А хромой снова тут как тут: „Об этих делах запрещено говорить. Можно только о семейном“... (Передразнивает ленивую речь надзирателя). Взяла меня тут обида, рассердилась. — А это разве не семейное? — говорю. А он опять: „Это я не знаю. Только запрещается. Насчет белья и пищи можно. А больше ни о чем!“ — Ну, хорошо, — говорит Павел. рассказывай о семейном. Что ты делаешь?

Я думаю: ну, хорошо же, проведу я тебя, рыжего, и говорю: — Ношу на фабрику все это, — маленько остановилась и добавила с усмешкой: — щи, кашу, всякую Марьину стряпню... и прочую пищу! Вижу, понял Павел, что за пища, хочет засмеяться, да удержался. Волосы взбил и ласково, как никогда не слыхала, говорит: — Это хорошо! Хорошо, что у тебя дело есть, — не скучаешь! Да, не скучаешь? — А я в ответ: — А когда листки-то появились, меня тоже обыскивать стали! А хромой уже с обидой: „Опять про это! Я говорю: нельзя! Человека в тюрьму посадили, чтоб он ничего не знал, а ты — свое. Надо понимать, что нельзя“.

(Андрей, все время молча шагавший по комнате, весело смеется).

Мать. И смешно тебе. А меня зло берет. Вот и Павел не рассердился нисколько. — Оставь, — говорит — мама! Ну, спасибо. спасибо, голубушка. Ты не беспокойся. Скоро меня выпустят... Обнялись и поцеловались. Вот всего и было. А ловко я ему сказала про пищу? Сразу понял. За то и приласкал так. Никогда раньше этого не делал.

Андрей. Эх, вы! Кто чего ищет, мать — всегда ласки.

(Стук в дверь. Хохол подходит и отпирает. Входит Весовщиков Николай с узелком под мышкой. в шапке, сдвинутой на затылок, весь в грязи).

Весовщиков. Иду, — вижу — у вас огонь. Зашел поздороваться. Прямо из тюрьмы! (Схватив руку Власовой, сильно трясет ее). Павел кланяется! (Нерешительно опускается на стул).

(Матери он не нравится и встречает она его неприветливо, но поклон сына делает Весовщикова родным. Андрей при последних словах Весовщикова уходит).

Мать (ласково улыбаясь). Осунулся ты! Давайте, Андрюша, напоим его чаем...

Андрей (из-за сцены). А я уж ставлю самовар!

Мать. Ну, как Павел-то?... Еще кого выпустили или только тебя?

Весовщиков. Павел сидит, терпит! Выпустили одного меня. (Подняв глаза и смотря в лицо матери, сквозь зубы) — Я им сказал — будет, пустите меня на волю... А то я тут убью кого-нибудь... и себя тоже! Выпустили.

Мать (боязливо отодвигаясь).
М-м-да-а!

Андрей (из-за сцены). А как Федя Мазин? — Стихи пишет?

Весовщиков. Пишет. Я этого не понимаю! (Качает головой). Он — что чиж. Посадили в клетку — поет. Я вот одно понимаю, домой мне итти не хочется...

(Андрей входит с самоваром, ставит на стол, собирает посуду).

Мать (задумчиво). Да ведь что там дома-то у тебя? — Пусто, печка не топлена, застыло все...

Весовщиков (помолчав) Да, холодно, должно быть. На полу мертвые тараканы валяются и мыши тоже померзли. Ты, Пелагея Ниловна, позволь мне у тебя почевать, — можно?

Мать (быстро, чувствуя неловкость, начинает хозяйничать).
А, конечно, батюшка.

Весовщиков. Теперь такое время, что дети стыдятся родителей своих...

Мать (вздрогнув). Чего?

Весовщиков. Дети начали стыдиться родителей, говорю! (Вздохнув).- Ты не бойся, это не для тебя. Тебя Павел не постыдится никогда. А я вот стыжусь отца и в дом этот его не пойду больше. Нет у меня отца и дома нет! Теперь отдали меня под надзор полиции, а то я ушел бы в Сибирь... Я бы там ссыльных освобождал, устраивал бы побеги им...

Андрей. Ты что проповедуешь?

Мать (уходя) Надо поесть чего-нибудь приготовить...

Весовщиков (пристально всматриваясь в хохла).
Я так думаю, что некоторых людей надо убивать.

Андрей. А для чего?

Весовщиков. Чтоб их не было... И если мой отец вор...

Андрей (тихо) Aral

Весовщиков. А Исаю Горбову я башку оторву, увидишь.

Андрей. За что?

Весовщиков. Не шпион, не донося. Через него отец погиб... через него он теперь в сыщики метит.

Андрей. Вот оно что!

Весовщиков. Болит. Все мы сволочи друг другу, вот что я скажу! А что ты мне можешь сказать? Ну-ка?

Андрей (ласково). Ничего я тебе не скажу! Спорить с человеком в такой час, когда у него в сердце все царапины кровью сочатся — это только обижать его, — я знаю, брат.

Весовщиков. Со мной спорить нельзя, я не умею!

Андрей. Каждый из нас проходил голыми ногами по битому стеклу, каждый в свой темный час дышал вот так, как ты...

Мать (за сценой). Андрюша! Неси картошку.

(Андрей уходит. Оставшись один, Весовщиков оглядывается, вытягивает ногу, одетую в тяжелый сапог, посматривает на нее, наклоняется, ощупывает руками толстую икру, медленно подымается и подходит к зеркалу. Входит Андрей с котлом горячей картошки и мать с караваем хлеба).

Весовщиков (ухмыляясь и качая головой).
Давно я рожи своей не видал, а скверная у меня рожа.

Андрей. А что тебе до этого?

Весовщиков. А вот, Сашенька говорит: лицо—зеркало души!

Андрей. И не верно! У нее самой нос—крючком, скулы — вожницами, а душа, как звезда.

(В это время все усаживаются к столу. Весовщиков берет большую картошку, круто солит кусок хлеба и спокойно, медленно начинает жевать).

Весовщиков (набивая рот).
А как тут дела?

Андрей. Ничего, подвигается дело. Медленно, но верно.

Весовщиков Долго все это, долго! Скорее надо.

Андрей. Жизнь не лошадь, ее кнутом не побьешь!

Весовщиков (упрямо). Долго! Нехватает у меня терпения. А когда драться будем?

Андрей. До того времени нас не однажды побьют, это я знаю. А когда нам придется воевать,— не знаю! Прежде, видишь ты, надо голову вооружить, а потом руки, думаю я...

(В маленькой комнате чувствуется напряжение мать и хохол мельком поглядывают на гостя и друг на друга).

Весовщиков. Я бы спать лег. А то сидел, сидел... вдруг вынуждение пошел. Устал!

(Встает и уходит в кухню. Слышно, как он там возится. Мать прислушивается).

Андрей. Тяжелый парень!

Мать. О, Господи! Сколько людей на свете... и всяк по-своему стонет! А где же те, которым радостно?

Андрей. Есть уже и такие, есть! И скоро много будет их... ах, много!

КАРТИНА II

Та же комната. Сидят Андрей и Павел. Дверь открывается, входит мать и останавливается на пороге, ошеломленная неожиданной радостью Павел сидит спиной к двери и не видит ее.

Андрей (увидев ее). Вот она!

(Павел быстро оборачивается и его лицо вспыхивает чувством, обещающим что-то большое матери).

Мать. Вот и пришел,— в дома! (Бормочет, растерявшись от неожиданной радости, и садится. Павел наклоняется к ней бледным, губы вздрагивают. Секунду он молчит. Мать так же молча смотрит на него. Хохол, тихо насвистывая, проходит мимо них и уходит).

Павел (радостно, низким голосом).
Спасибо, мама! Спасибо!

Мать. Христос с тобой! За что? Зачем?

Павел. За то, что помогаешь нашему делу. Спасибо. Когда человек может назвать мать свою и по духу родной — это редкое счастье. (Пауза). Я молчал, мама, я видел — многое в моей жизни задевает тебя. Думал — никогда ты не помиришься с нами, не примешь наши мысли, как свои, а только молча будешь терпеть, как всю жизнь терпела. Это тяжело было.

Мать. Андрюша очень много дал мне понять. (Идет глазами к Андрею).

Павел (смеясь). Он мне рассказал про тебя!

Мать. Андрюша даже грамоте хотел учить...

Павел. А ты сконфузилась и сама потихоньку стала учиться?

Мать (смущенно). Уж он подглядел! Позвать бы его! Нарочно ушел, чтоб не мешать. У него матери нет...

Павел (отворяя дверь). Андрей! Где ты?

Андрей. Здесь! Дрова колоть хочу...

Павел. Время!.. Иди сюда!

Андрей. Иду...

(Приходит не сразу, а войдя, говорит хозяйственно).

Андрей. Надо сказать Николаю, чтоб дров привез, мало дров у нас. Вы видите, венько, какой он, Павел? Откормили бунтаря...

(Мать смеется. Стараясь спрятать свое счастье, переводит разговор на другое).

Мать. Давайте обедать! Ты, Паша, ведь не ел еще?

Павел. Нет. Я вчера узнал от надзирателя, что меня решили выпустить, и сегодня не пилось и не елось.

(Мать хлопочет с обедом. Она ходит взад и вперед, поглядывая постоянно на сына).

Павел. Первого встретил старика Сизова — увидал он меня, перешел дорогу, здоровается. Я ему говорю: вы теперь осторожнее со мною, я человек опасный, нахожусь под надзором полиции. Ничего, говорит. И знаешь, как он спросил о племяннике? Что, говорит, Федор хорошо себя вел?

Андрей. Как это?

Павел. Лишнего чего, говорит, не болтал против товарищей?

Мать. Скоро Федю выпустят?

Павел. Всех выпустят, я думаю! У них никаких улик нет, кроме доноса Исая, а он что же мог сказать?

Мать (подавая на стол горячее). Садитесь.

(Пауза. Все садятся за стол).

Андрей (сонно продолжая свои мысли). Так-то, бабуля! Толстенькие человечки — главные греховодники и самые ядовитые насекомые, кусающие народ. Французы удачно назвали их буржуа. Запомните, милая бабуся: буржуа. Жуют они нас, жуют и высасывают...

Мать. Богатые, значит?

Андрей (смеясь). Вот именно! В этом их несчастье. Если, видите ли, в пищу ребенка прибавлять меди, это задерживает рост его костей, и будет он карликом, а если смолоду отравлять человека золотом, душа у него становится маленькая, мертвенькая и серая, совсем, как резиновый мяч ценою в пятачок.

Павел. А знаешь, Андрей, всего больше те люди шутят, у которых всегда сердце поет.

Андрей (помолчав и прищурив глаз). Это не так! Будь твоя правда, вся Россия со смеху помирала бы!

(Входит Саша).

Саша (входя). Здравствуйте, товарищи. Ну, не стану вам мешать, кушайте на здоровье.

Мать. Милости просим с нами.

Саша. Нет, спасибо. Я на минутку. (Сделав знак Павлу). Забегу потом.

(Павел встает и уходит вместе с ней. Мать и Андрей продолжают молча сидеть, прислушиваясь к голосам за дверью).

Саша (за сценой). Павел, вы понесете знамя?

Павел. Я.

Саша. Это решено?

Павел. Да, это мое право.

Саша. Снова тюрьма? (Пауза. Нерешительно). Вы не могли бы.

Павел. Что?

Саша. Уступить другому?

Павел. Нет.

Саша. Подумайте, вы такой влиятельный, вы так нужны, вы столько можете сделать на свободе, — подумайте!

Павел. Нет. Я не откажусь.

Саша. Даже если я буду просить, — если я...

Павел (быстро). Вы не должны так говорить.

Саша. Я человек!..

Павел. Хороший человек. И поэтому.. Поэтому не надо так говорить!

Саша. Прощай!

(Павел входит в комнату. Здесь мать сидит в испуге. Прежней радости нет)

Мать. Паша, что ты хочешь делать?

Павел. Когда? Сейчас?

Мать. Нет...

Павел. Ага! Первого мая? Я понесу наше знамя. Я пойду с ним впереди всех...

(Мать выражает испуг).

Павел (глядя ее руку). Это мне нужно, пойми, мама. В этом... счастье!

Мать (подняв голову, медленно, стараясь спокойно).
Я ничего не говорю, Паша... Я тебе не мешаю.

Павел (вздохнув и выпуская ее руку). Есть любовь, которая мешает человеку жить!..

Мать (вздрогнув и стараясь скрыть печаль). Я понимаю, Паша. Иначе тебе нельзя.

Павел. Не горевать тебе, а радоваться надо бы... Когда будут матери, которые и на смерть пошлют своих детей с радостью?

Андрей. Гоп, гоп! Поскакал наш пан, подоткнув кафтан!

Мать. Разве я говорю что-нибудь? Я тебе не мешаю. А если жалко мне тебя, — это уж материнское.

(Матери хочется плакать. Желая скрыть это от сына, она быстро поднимается)

Мать. Ай, батюшки, забыла я... (Уходит).

Андрей. Хорош.

Павел. Нужно всегда твердо говорить и да, и нет.

Андрей. Это ей?

Павел. Всем! Не хочу ни любви, ни дружбы, которая цепляет за ноги!

Андрей. Герой! Пойди, скажи все это Сашеньке. Это ей надо было сказать.

Павел. Я сказал.

Андрей. Врешь! Ей ты говорил ласково, ей говорил нежно. А перед матерью выявил героизм — как же... (Разговорившись окончательно) Но, пойми, козел, — героизм твой стоит грош!

(Мать, быстро входя, старается скрыть заплаканные глаза).

Мать. У-у, холодно! А весна. Все переменилось. Люди стали горячей, погода холодней. Бывало, в это время тепло стоит, небо ясное, солнышко...

(Молчание. Она стоит среди комнаты).

Андрей. Слышал? Это надо понять, чорт.

Мать. Андрюша! Вы уж не кричите на него! Вы старше...

(Голос матери вздрагивает. Чтоб скрыть это, берет платок и кутается в него).

Что это, как озябла я!

КАРТИНА III

На сцене толпа рабочих и работниц, среди них мать. Павел с красным знаменем. Тут же Андрей. Можно устроить так, чтоб толпа собиралась из-за кулис и из зрительного зала, чтобы оратор говорил оттуда же.

Павел (вскочив на возвышение) Товарищи, мы решили открыто заявить сегодня, кто мы. Мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя труда, правды и свободы!

(Он поднимает знамя. Показывается белое древко. Оно покачнулось в руках Павла. Несколько рук подхватывает его. На первом плане мать. Гул толпы).

Андрей (вскакивая). Товарищи! Мы пошли теперь на открытую борьбу. Длинен и труден наш путь. Далеко от нас наша цель, терновые венцы — близко! Кто не верит в силу правды, в ком нет смелости до смерти стоять за нее, кто не верит в себя и боится страдания — отходи от нас в сторону! Мы зовем за собой тех, кто верует в победу нашу. В ряды, товарищи! Да здравствует праздник свободных людей!

(Толпа сливается, строится и затягивает: „Отречемся от старого мира" и т. д. Мать идет сзади, стараясь не потерять из виду Павла. Толпа прибывает, песня звучит сильней. Вдруг вбегает женщина и дикий женский голос прорезает пение).

Голос. Митя! Куда ты?

Мать (к плачущей женщине). Пусть идет, — вы не беспокойтесь. Я тоже очень боялась, — мой впереди всех! Который несет знамя — это мой сын!

(Проходят вслед толпе).

Другой голос. Разбойники! Куда вы? Солдаты там!

Рабочий. Ничего не боятся! А мой сынок в могиле, — заявила его фабрика, да!

(Проходит. Слышно пение, выстрелы, снова пение и, наконец, толпа начинает врываться на сцену).

Один голос. Она рота у школы палит, а другая у фабрики.

Другой. Губернатор приехал!

Третий. Все-таки бояться стали нашего брата! И войско, и губернатор.

Женский голос. Родные! Убили, убили!

Другой. Еретики! Бога не боятся, против царя пошли!

Третий. Ох, родные...

(Толпа все прибывает. Мать в изнеможении стоит, прижавшись к столбу. Показываются Павел, Андрей и другие. В руках Павла попрежнему красное знамя. Тихо и среди тишины торжественно раздается: „Вы жертвою пали"... Много голосов подхватывает. Снова строятся в колонны, но показываются солдаты. Раздается команда: „Расходись! Не толпись").

Старший (указывая на Павла).

Возьмите у него, поручик, это!

(К Павлу подскакивает офицерик, схватывает рукой древко и визгливо кричит: „Брось!")

Павел. Руки прочь!

(Знамя продолжает развеваться).

Старший. Взять их!

(Несколько солдат выскакивают вперед. Один из них замахивается прикладом, знамя вздрагивает и наклоняется).

Мать (отчаянно). Сынок!

Павел (спокойным голосом).

До свидания, мама! До свидания!

Андрей. До свидания, ненько моя!

(Мать поднимается на носки, замахивает руками, стараясь увидеть их. Арестованных уводят, толпа расползается).

Мать (крича звериным, воющим, душу раздирающим голосом).

Родные мои! Паша! Андрюша!

КАРТИНА IV

Лес. Вечер. Шалаш из жердей и ветвей, стол из трех нестроганых досок, положенных на козлы. За столом Рыбин, весь черный, в расстегнутой на груди рубахе, Ефим и еще двое молодых парней. Показываются мать и Саша, одетые богомолками, с мешками и палками. Рыбин первый замечает их, и приложив ладонь к глазам, молча ждет.

Мать (еще издали). Здравствуйте, братец Михайло!

(Рыбин встает, не торопясь идет им навстречу, улыбаясь, гладит бороду).

Мать (подходя). Идем на богомолье. Дай, думаю, зайду, навещу брата! Вот моя подруга, Анной звать.

Рыбин (усмехаясь и кланяясь Саше). Не ври, мать, здесь не город, вранье не требуется. Все свои люди.

(Ефим, сидя за столом, зорко рассматривает странниц и что-то тихо говорит товарищам. Когда женщины подходят к столу, он встает и молча кланяется им. Остальные сидят неподвижно, как бы не замечая гостей).

Рыбин. Мы тут живем, как монахи. Никто не ходит к нам, хозяина в селе нет, хозяйку в больницу увезли, и я теперь вроде управляющего. Садитесь-ка за стол. Чай, есть хотите? Ефим, принес бы молока.

(Не торопясь, Ефим идет в шалаш, странницы снимают с плеч котомки, один из парней, высокий и худой, встает из-за стола, помогает им, другой, коренастый и лохматый, облокотясь на стол, задумчиво смотрит на них, тихо мурлыкая песню).

Рыбин (указывая на высокого и худого). Вот этого звать Яков, а тот Игнат. Ну, как сын твой, мать?

Мать (вздохнув). В тюрьме.

Рыбин. Опять в тюрьме?

(Игнат перестает петь).

Яков (беря палку из рук матери). Садись, бабушка!

Рыбин (Саше). А что ж вы? Садитесь.

(Саша молча садится на обрубок дерева и внимательно разглядывает Рыбина).

Рыбин (усаживаясь против матери). Когда взяли? Не везет тебе, Ниловна.

Мать. Ничего.

Рыбин. Ну? Привыкаешь?

Мать. Не привыкаю, а вижу, нельзя без этого!

Рыбин. Так! Ну, рассказывай.

(Ефим приносит молока, споласкивает чашку, наливает в нее молоко, подвигает Саше. Делает все молча, внимательно слушая мать).

Мать. Выступили 1-го мая. Павел знамя нес, впереди шел. Брось, кричит офицер. Ну, он не бросил. Ну, да что рассказывать, окружили и погнали.

Рыбин. Вот оно как решили, — открыто!

Ефим. У нас, если б такой парад устроить, — на смерть избили бы мужика!

Рыбин. А теперь что ж?

Мать. В Сибирь или в каторгу сошлют.

Рыбин. Вот как?! А знал он, когда шел, что грозит ему?

Мать. Не знаю, не скажу.

Саша (громко). Знал!

(Все замолчали, не двигаясь, как бы застыв).

Рыбин (к парням). Вот, ребята, видали? Знал человек, что его штыком ударить могут и каторгой попотчуют, но — пошел! Надо было ему итти — пошел. Мать на дороге ему ляг, — перешагнет и пойдет. Пошел бы. Ниловна, через тебя?

Мать (тяжело вздохнув).

Пошел бы!

(Саша молча гладит руку матери и, сердито нахмурив брови, в упор смотрит на Рыбина).

Рыбин. Это — человек!

(Пауза. Яков, отшатнувшись от дерева, шагает в сторону и останавливается).

Яков (сухо и громко). Это против таких нас с Ефимом пошлют?

Рыбин. А ты думаешь, против кого?

Ефим (угрюмо). Я все-таки пойду в солдаты.

Игнат. Кто отговаривает? Иди. (В упор глядя на него). Только когда в меня стрелять будешь, цель в голову, не калечь, а сразу убивай!

Рыбин. Погоди, ребята! (Указывая на мать.) Вот женщина! Сын у нее, наверное, пропал теперь.

Мать (с тоской). Зачем ты это говоришь?

Рыбин (угрюмо). Надо! Ну, что ж, убили ее этим? Ниловна, ты книжек принесла?

Мать (взглянула помолчав, а затем).

Принесла.

Рыбин (ударив ладонью по столу). Так! Я сразу понял, как увидал тебя, — зачем тебе итти сюда, коли не для этого? Видали? Сына выбили из ряда — мать на его место встала! (Выпрямившись и зловеще грозя рукой). Они не знают, что сеют их слепые руки. Они увидят это, когда возрастет наша сила и начнем мы косить проклятые тропы. Увидят!

(Вдали раздается кашель).

Рыбин. Вот еще один, идет. Игнат, схлопочи насчет чая. Мы тут по очереди хозяйство ведем. Сегодня Игнат нас кормит и поит.

Игнат (усердно разжигая костер).

Сегодня я бы уступил свою очередь.

Ефим. Всем гости интересны.

Яков. Я тебе помогу, Игнат.

(Он уходит в шалаш. Выносит оттуда каравай хлеба и начинает резать его на куски раскладывая по столу. Ефим усаживается рядом с Сашей. Кашель слышится совсем близко. Показывается молодой сгорбленный человек, — больной, едва двигается, опираясь на палку).

Рыбин. Пришел „свидетель". Я бы его водил по городам, ставил на площади, чтобы народ слушал его.

Савелий. Вот и я!

(Он останавливается, кашель душит его. Все молча смотрит на него).

Книг принесли для народа?

Саша. Принесли.

Савелий. Спасибо... за народ. Сам он еще не может понять пользу книги, не может поблагодарить, так вот я за него благодарю.

(Он дышет быстро, хватая воздух короткими, жадными вздохами. Голос у него прерывается, костлявые пальцы бессильных рук ползут по груди, стараясь застегнуть пуговицы пальто).

Саша. Вам вредно быть в лесу, сыро здесь.

Савелий. Для меня уж нет полезного! Разве что смерть. Для народа могу, как свидетель, пользу принести. Вот, поглядите на меня. Мне двадцать восемь лет,— но помираю! А десять лет назад я без натуги поднимал на плечи по двенадцати пудов,— ничего! С таким здоровьем, думал я, лет семьдесят пройду до кладбища, не спотыкнусь. А прожил десять и больше не могу. Обокрали меня хозяева, сорок лет жизни вырвали, ограбили,— сорок лет!!!...

Рыбин (глухо). Вот она, его песня!

Савелий. Это не моя песня, ее тысячи людей поют, только про себя. А надо кричать, бороться, надо кричать!

(Он кашляет, сгибаясь, и весь вздрагивает).

Ефим. Мое горе — мое дело. Чего кричать?

Рыбин. Не понимаешь? Тут не свое горе — общее. Человек примерил глубину и захлебнулся, теперь кричит миру: эй, не ходи этим местом!

(Пауза. Яков кладет на стол лук, ставит квас и молоко).

Яков (подходя к Савелию).

Иди, Савелий, я молока тебе принес.

(Савелий отрицательно качает головой Яков берет его под мышку, и подводит к столу).

Савелий. Холодно.

(Яков помогает ему встать и отводит к костру, приносит из шалаша подстилку, расстилает ее у костра, укладывает больного и снова садится рядом с Сашей. Костер освещает их лица).

Саша (тихо) Народ собирает силы. Соберет и встряхнет этот мусор. Мы не одни. Всюду идет борьба. Поднимаются народы против своих угнетателей. Поднимутся и сбросят их и... (тихо запевает, потом подхватывают другие).

И настанет пора,
И проснется народ
Могучий, свободный и сильный, (и т. д.).

КАРТИНА V

Площадь постоялого двора большого села. На одном конце окно и крыльцо избы, на другом — волостное управление. Входит мать, озябшая, усталая после длинной дороги. Таща тяжелый чемодан, она поднимается на крыльцо и входит в избу. Появляется у окна избы. По площади пробегает урядник, за ним сотские, несколько крестьян и крестьянок, и скрываются. К окну (к матери) подходит девушка.

Мать (ласково) — Здравствуй, умница!

Девушка. — Здравствуйте! Сейчас разбойника поймали, ведут!

Мать. — Какого же разбойника?

Девушка. — Я не знаю.

Мать. — А что он сделал?

Девушка. — Не знаю! Только слышала: „поймали". Сторож из волости за становым побежал и крикнул: поймали, ведут!

(Мать высовывается в окно. На площади появляются крестьянки и крестьяне. Некоторые идут медленно и степенно, другие торопливо застегивают на ходу полушубки. Остановившись у крыльца волости, все смотрят по одному направлению. Девушка, оглянув толпу, бежит ближе к волости. Мать, накинув шаль, появляется на крыльце. По середине площади идет Рыбин, руки у него связаны за спиной, рядом с ним шагают двое сотских. У крыльца волости толпа молча ждет. Мимо избы проходит крестьянин и тоже останавливается недалеко от матери).

Мать. — Это что ж?

Крестьянин. — А вот — глядите.

(Оборачивается. Подходит другой и тоже останавливается. Вдруг над молчаливой площадью раздается голос Рыбина).

Рыбин. — Православные! Слыхали ли вы о грамотах, в которых правда описалась про наше крестьянское житье? Так вот, за эти грамоты страдаю, это я их в народ раздавал!

(Толпа теснее окружает Рыбина. Лицо Рыбина избито, глаза блестят. Мать поднимается на носки, вытягивает шею, надеясь, что и он ее увидит).

Рыбин. — Крестьяне! Бумагам этим верьте, я теперь за них, может, смерть приму: били меня, истязали, хотели выпытать, откуда я их взял, и еще бить будут, — все стерплю.

(На крыльце волостного правления появляется, пошатываясь, урядник).

Урядник. — Это кто говорит?

(Вдруг скатывается с крыльца, схватывает Рыбина за волосы, дергает и толкает.)

Урядник. — Это ты говоришь, сукин сын, это ты?

Рыбин. — Вот глядите, люди добрые!

Урядник (ударяя его в ухо). — Молчать! (Рыбин шатается, но удерживается на ногах)

Рыбин. — Связали руки и мучают, как хотят.

Урядник. Сотские! Веди его! Разойдись, народ!

(Урядник прыгает перед Рыбиным, как цепная собака. Властным движением бьет его в лицо, в грудь, в живот).

Голос из толпы. Не бей!

Другой. Зачем бьешь?

(Толпа прибывает. Урядник вбегает на крыльцо. Мать безмолвно продолжает стоять в ужасе).

Урядник. (с крыльца и грозя кулаком).
Веди его сюда! Я говорю...

Голос из толпы. Не надо! Не допускай, ребята! Уведут туда, забьют до смерти. Да на нас же потом скажут, мы, дескать, убили! Не допускай!

Рыбин. Крестьяне! Разве вы не видите жизни своей? Вас душат, топчут ногами, обманывают.

Голоса из толпы (перебивая друг друга).
— Правильно говорит человек! Станового зовите! Где становой?
— Говори! Не дадим бить...
— Развяжите руки ему.
— Не надо этого, братцы!
— Развязать,— чего там.

Рыбин (громко, покрывая все голоса). Больно руки мне. Не убегу я. От правды моей не скроюсь.

(Несколько крестьян, хорошо одетых, солидно отходят от толпы в разные стороны. Но плохо одетых людей все прибавляется. Они кружат, волнуясь, около Рыбина, развязывают ему руки, а он стоит среди них, подняв руки над головой и потрясая ими).

Рыбин. Спасибо, люди добрые, спасибо! Мы сами должны друг дружке помогать. Кто нам поможет?

(Мать сходит с крыльца, но так ей еще хуже видно, и она снова поднимается на крыльцо).

Рыбин (продолжает). Крестьяне! Ищите грамотки, читайте, не верьте начальникам и попам, когда они говорят, что мы бунтовщики и безбожники. Грамотки говорят о жизни вашей, зовут вас об'единиться, не слушаться врагов ваших.

Голос из толпы. Слушай, православные.

Другой. Эх, брат, пропадешь ты!

(Показывается становой пристав, фуражка на боку, ус закручен, лицо тупое. В руке шашка. Толпа расступается, шум смолкает. Мать делает резкое движение броситься в толпу, но остается стоять).

Пристав. Что такое? (Меряя Рыбина глазами). Почему не связаны руки? Сотские! Почему?

Сотский. Были связаны, народ развязал.

Пристав. Что? Народ? Какой народ? (Тыкая пашкой в крестьян.) Это — народ? Ты, Чумаков? Ну, кто еще? (Дернув другого за бороду). Разойдись, сволочь! А то я вас, — я вам покажу!

(Говорит спокойно, властно, бьет привычным, ровным движением. Люди отступают, опустив головы).

Пристав (к сотским). Ну, вы что же? Вяжи! (Рыбину). Руки назад, — ты!

Рыбин. Не хочу я, чтоб вязали руки мне! Бежать не собираюсь и не дерусь, — зачем связывать меня?

Пристав. Что?

Рыбин. Звери! Довольно вам мучить народ!

Пристав (свистящим от изумления голосом).
А-а-ах, сукин сын! Ка-акие слова?

(Быстро и ловко ударяет Рыбина по лицу).

Рыбин. Кулаком правды не убьешь! И бить меня не имеешь права.

Пристав. Не имею? Я?

(Снова замахивается. Рыбин приседает, удар не касается его, и пристав, покачнувшись, едва удерживается на ногах).

Рыбин. Не смей, говорю, бить меня!

(Толпа ближе обступает Рыбина. Пристав оглядывается).

Пристав (коренастому крестьянину).
Никита! Дай ему в ухо!

(Никита — крестьянин — подходит к Рыбину и лениво ударяет его).

Пристав. Разве так, сукин сын? Бей, говорю!

Крестьянин (шагнув в сторону и угрюмо).
Не буду больше.

Пристав. Что?

(Лицо пристава вздрагивает, он топает ногами и, ругаясь, бросается на Рыбина. Рыбин покачнувшись, замахивает рукой, но остается стоять. Но с вторым ударом пристава опрокидывает его и начинает бить и топтать ногами. Толпа враждебно смотрит и угрожающе начинает надвигаться на пристава. Он замечает это, отскакивает, вынимает шашку из ножен, размахивает ею).

Пристав. Вы так? Бунтовать? А-а? (Отступая). Хорошо! Знаете ли вы, сволочь проклятая, что он — политический преступник? Против царя идет, бунты заводит! А вы его защищать? А? Бунтовщика? А-га-а!

Голос из толпы. Коль провинился — суди!

Другой. А не бей!

Третий. Дьяволы! Мучители наши!

(Рыбин поднимается и вытирает избитое лицо. Взгляд его скользит по лицу матери. Она вздрагивает, двигается к нему. Он отворачивается. Через несколько минут взгляд его снова скользит по лицу матери, и губы кривятся в улыбку. Мать кивает головой. Но тут же вырастает около Рыбина крестьянин. Мать быстро отворачивается. Какая-то женщина приносит ведро воды и начинает обмывать лицо Рыбина).

Пристав. Давай подводу под арестанта. Эй! Чья очередь! (Пауза). Я тебя могу ударить, а ты меня нет, не можешь, не смеешь, болван! Сотские, ведите на подводу!

Рыбин (снова связанный). Верьте человеку, который приносит вам правду. Идите за ним, с ним. Что вам терять? Идите дружно все вместе, тогда вас никто не победит!

Пристав. Молчать, собака! Сотский, гони лошадей!

КАРТИНА VI

Вокзал. Входят люди с узлами в руках, тяжело одетые. Они неуклюже застревают в дверях, ругаются, и, бросив на пол или на лавку вещи, начинают устраиваться, кряхтя и охая. Мать и Саша сидят у входа.

Саша (вставая и пожимая руку матери). Ну, прощайте, мать. Вернетесь — может, будем знать, куда его сошлют и поедем вместе все.

Мать. Нет, не сейчас. Потом, когда родятся у вас дети, приеду к вам, буду нянчиться с ними, и заживем мы там не хуже здешнего. Работу Паша найдет, руки у него золотые.

Саша (пытливо). А вам разве не хочется ехать сейчас за ним?

Мать (вздохнув). На что я ему, только помешаю в случае побега. Да и он не согласился бы.

Саша. Не согласится...

Мать (с гордостью). К тому же я при деле.

Саша. Да! Это хорошо! (Вдруг вздрогнув). Жить он там не станет. Он уйдет, конечно.

Мать. А как же вы? И дети в случае?

Саша. Не знаю, там увидим. Дело прежде всего. Он не должен считаться со мной. Я ведь его товарищ прежде всего. Он должен быть свободным.

Мать. Милая вы моя. Трудно-то как вам будет.

(Показывается Весовщиков. Саша первая замечает его).

Саша. Ну, вот и Николай с чемоданом. Прощайте, мать. Не надо нам вместе всем сидеть.

Мать. Прощайте. Приеду я к вам, а, может, тоже поплывет.

(Саша уходит. Николай Весовщиков входит с чемоданом в руках, быстро оглядывается и подходит к матери, за ним следит шпион).

Весовщиков (подойдя к матери).
В Москву?

Мать. Да.

Весовщиков. Вот!

(Он ставит чемодан около матери на лавку, быстро вынимает папиросу, закуривает, приподнимает шапку и отходит. Мать гладит рукой чемодан и, довольная, рассматривает публику. Шпион подходит близко к матери. Он смотрит на нее одним глазом из-за воротника. Рука матери, держащая чемодан, вздрагивает. Шпион внимательно следит за ней, отходит в сторону и подзывает сторожа).

Шпик (указывая на мать). Вон она. Хорошо бы узнать, что в чемодане, что-нибудь наверняка.

Сторож. Как узнаешь?

Шпик. Скажи, что воровка, видел, как украла.

Сторож. Ладно.

(Шпион скрывается. Сторож подходит к матери).

Сторож. Воровка! Старая уж, а туда же.

Мать. Я? Я не воровка, врешь!

(Дергает чемодан, он открывается).

Мать (взмахивая над головой пачкой вынутых прокламаций). Глядя! Глядите все!

(Поднимается переполох. В толпе движение и шум).

Голос из толпы. Что такое?

Другой. Вот сыщик...

Третий. Что это?

Четвертый. Украла, говорят...

Пятый. Она?

Шестой. Почтенная такая... Ай-ай-ай!

Седьмой. Кого поймали?

Я не воровка!

Мать. (Более спокойным голосом). (Толпа теснее ее окружает).

Вчера судили политических, там был и сын мой — Власов. Он сказал речь, — вот она! Я везу ее людям, чтоб они читали ее.

(Кто-то осторожно тянет бумаги из ее рук, она взмахивает ими в воздухе и бросает в толпу).

Голос из толпы (пугливо).

За это тоже не похвалят.

(Бумаги хватают, прячут за пазуху, в карманы. Мать энергично их разбрасывает, сопровождая каждую пачку словами).

Мать. Бедность, голод и болезни — вот что дает людям вся работа! Все против нас — мы надрываем всю нашу жизнь, день за днем в работе, всегда в грязи, в обмане,

нашими трудами тешатся и об'едаются другие и держат нас, как собак на цепи, в невежестве и страхе! Ночь — наша жизнь, темная ночь. Страшный сон она! Разве не так?

Голос из толпы (глухо). Так.

Шпион. Заткни глотку ей.

(Сзади в толпе около шпиона появляются два жандарма. Мать торопится раздать прокламации).

Мать (разбрасывая прокламации). Берите, все берите! Чтоб изменить эту жизнь, чтоб освободить всех людей, воскресить их из мертвых, как я воскресла уже. Пришли люди, светлые, чистые люди! Они несут нам правду. Они согреют, оживят, освободят нас от угнетения. Верьте этому! Идите вместе все за одно...

Голос из толпы. Браво, старуха!

Жандармы (расталкивают толпу, она неохотно уступает дорогу). Разойдись!

Голос из толпы. Уходи, старуха!

Другой. Сейчас возьмут!

Третий (жеманно). Ах, дерзкая...

Жандармы (приблизившись к матери). Прочь! Разойдись!

(Жандармы толкают толпу, люди падают, поднимаются, покачиваются, едва удерживаясь на ногах).

Мать (охрипшим, надорвавшимся голосом). Слова сына моего, честные слова рабочего человека, неподкупной души! Узнавайте неподкупное по смелости, бесстрашию.

(Ее толкают в грудь. Она покачивается и садится на лавку. Жандармы вновь толпу, разбросывают людей, срывают шапки. Приблизившись к матери, один хватает ее за ворот).

Жандарм (встряхивая мать). Молчи!

Другой. Иди!

Мать. Не бойтесь ничего! Нет муки горше той, которой вы всю жизнь дышете...

Жандарм. Молчать, говорю!

(Жандармы схватывают мать под руки и, крупно шагая, тащат).

Мать. Мука, которая каждый день тихонько гложет сердце, сушит грудь.

Шпион (забегая вперед и грозя ей в лицо кулаком, визгливо). Молчать ты, сволочь!

Мать. Правды не убьете!

Шпион. Собака! (Ударив ее в лицо). Так ее, стерву старую!

(Он еще и еще раз ее ударяет.

Голос из толпы. Не смей бить!

Шпион. Что такое?

Голос из толпы. Ах, ты, мерзавец!

Другой голос. Дай ему!

Мать. Не зальют кровью разума! (Ее толкают в шею, в спину, бьют по плечам, по голове. У двери она вцепляется руку

Мать (схватившись за косяк, с горящими глазами).

Морями крови не заглушите...

(Жандарм ударяет ее по руке, хватает за горло и душит. Она хрипит.

Голос из толпы. Несчастная.

(В толпе громкое рыдание).

Саша Красный
Из репертуара
„Синей Блузы"

Лицом к деревне

Инсценировка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Работницы-коммунистки.
Работницы-беспартийные.
Крестьянки.
Комсомолки.
Жены рабочих—домашние хозяйки.
Рабочие.
Красноармейцы.
Дед-раешник.
Феминистка, отрицательный тип, одета в мужской костюм, манеры мужские, большущие очки, зонт, как можно комичнее грим.

Примечание. Число участвующих может быть увеличено или уменьшено соответственно наличию сил в кружке. Текст должен быть руководителем так перераспределен, чтобы не нарушалась цельность инсценировки.

Перед поднятием занавеса на авансцене появляется коммунистка.

Коммунистка. Сегодня, в день 8-го марта,
Слушай деревни и заводы,
Как жили крестьянки и пролетарки
В прежние темные годы.

Занавес поднимается.

Явление первое

Выходят крестьянки, у каждой за спиной тяжелые кипы сена, в руке серп. Падая в изнеможении, жалуются).

1-я крестьянка. Женская доля печальна,

2-я крестьянка. Женская доля горька.

Все. Только льется отчаянно
Слез соленых река.

3-я крестьянка. Труд непосильный гнет спину.

2-я крестьянка. От тяжести стынет кровь.

3-я крестьянка. Сердце б кусками вынуть,
Когда мучить станет свекровь.

1-я крестьянка. В поле работа до ночи,
А всю ночь — лучинка, игла.

2-я крестьянка. Тяжело штопать мужу онучи,
А у мужа тяжелый кулак.

3-я крестьянка. Женская доля печальна,

4-я крестьянка. Женская доля горька.

Все. Только льется отчаянно
Слез соленых река.

(Появляются работницы, в руках молоты.)

1-я работница. Тяжела твоя жизнь, сестра.

2-я работница. Но слезами ли волю давать?

Все. А легко ль у станка с утра
Двенадцать часов простоять!

3-я работница. Хозяин, как клоп, моей кровью
Жиреет. Без прибыли — мига нет.

Все. Заболеешь — не моргнет бровью,
На улицу без жалости выкинет.

4-я работница. Тут не к чему оханье,

5-я работница. Голод, холод — не шутка.

1-я работница. Уродлива — просто сдохни.

2-я работница. Красива — иди в проститутки.

3-я работница. Слезой не прогонишь беду.

4-я работница. Не помогут ни бог, ни крест.

Хор (за сценой.) В 1910 году
В Копенгагене первый съезд.

Явление второе

Рабочий (знакомясь с плакатом „Первый съезд работниц в 1910 г. в Копенгагене"). Работницы и крестьянки! Ваше освобождение от векового рабства возможно лишь с переходом власти в руки трудящихся. Первый съезд работниц

в Копенгагене в 1910 г. постановил считать 8-е марта днем солидарности работниц и крестьянок всего мира. Запомните этот день. Наша задача — уничтожить привилегии классов, наций и полов. Наш путь — путь к коммунизму через диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. РКП — авангард всемирного пролетариата — зовет вас стать в ряды бойцов за лучшую жизнь, жизнь без угнетения человека человеком. Союз Серпа и Молота — залог победы.

(Во время слов рабочего женщины постепенно поднимаются, приближаются к нему, становятся по сторонам. Уходят с пением Интернационала. Серп и молот скрещиваются).

Явление третье

(Выходит рабочий с плакатом „Дело освобождения работницы и крестьянки — дело всех трудящихся").

Рабочий. В 1911 году в Европе работницы праздновали 8-е марта. В одной только Вене в демонстрации участвовало 30.000 работниц. В 1913 г. впервые был отпразднован этот день в России. Черные дни реакции заставили работниц пойти на хитрость. В помещении Калашниковской биржи в Питере было устроено „научное утро по женскому вопросу", окончившееся арестом многих участниц. С 1913 по 1917 г. царская полиция в день 8-го марта была на-чеку. Демонстрации не удавались. Но вот — грянуло 8-е марта 1917 г., по старому стилю — 23-е февраля.

Явление четвертое

(Выходят работницы-комсомолки).

1-я работница. Все, что веками ныло в груди,
Вырвалось в серое небо,

2-я работница. Не зная, что ждет впереди.

Все. Мы требовали: „мира и хлеба"!

3-я работница. Из душных корпусов заводов
Волною влились в улицы.

1-я работница. На дыбы встали годы,

Все. Надоело горбами сутулиться.

Рабочий. Тысячи, миллионы, много их—
Из подвалов и щелей льются.
И вперед баррикадной дорогой —

Все. В революцию!

(Уходят с пением Интернационала).

Явление пятое

Выходят работницы-коммунистки, работницы беспартийные, крестьянки, рабочие, красноармейцы, комсомолки, домохозяйки. Одна из них держит плакат „К 1-му июня 1924 г. — 200 тысяч делегатов".

Коммунистка. Восемь лет прошло.
Несмотря на множество рогаток,
Теперь СССР насчитывает

Все. 200 тысяч делегатов.

Красноармеец. Работница в Красной армии
Долг выполняла честно.

Все рабочие и красноармейцы. Совместный врагу нанесли удар мы.
И в СССР — ей первое место.

Коммунистка. Крестьянка, дай руку смелее.
Тьму руби с плеча.

Все. Звезда коммунизма алеет
И ведет по пути Ильича.

Рабочий. Смычка сапога с валенком —
Основа Советов Союза,

Все. Ошибка в деревне маленькая —
Опаснее двухсот Юзов.

Крестьянка. По темным крестьянским селеньям,
Работница, смычку куй,

Все. И с научной точки зрения
Учи разводить кур.

Комсомолка. Дома комсомолку-дочь
За собрания бьют втихомолку.

Все. Наш долг — ей помочь,
Вступиться за комсомолку.

Коммунистка. Учеба — победы знамя,
С учебой — арче дни.

Все. Разгрызем „молодыми зубами
Науки гранит".

Работница. Раздувай мех огня,
Крепи будущего гайки.

Домашн. хозяйки. Сегодня вопрос дня —
Раскрепощение домашней хозяйки.

Рабочий. Крестьянка, иди в советы.

Красноармеец. Работница, иди в госорганы,

Все. Иначе равноправия нету,
Иначе смычка сорвана.

Крестьянки и работницы. Мы твердо встали на ноги,
Не быть у бога в плене нам.

Все. Эй, работницы и крестьянки!
В партию Ленина!

Явление шестое

(Выходит дед-раешник).

Здравствуйте, ребятки! Что за беседа
Без раешного синеблузного деда?
Видите, пронюхал мой нос,
Что сегодня разрешается женский вопрос.
У нас этот вопрос-то
Разрешается очень просто.
А там, в Европах, место в жизни
Буржуйки добывают феминизмом.
Сейчас вылетит такая стрекоза, —
Товарищ из Англии привез показать.

(Выходит феминистка).

Феминистка (Поет на мотив английской национальной песни „Типеррери“). Вот пред вами феминистка,
И не без причин:
Я драчунья, скандалистка
И гроза мужчин.
Что мне слезы, грезы, розы?
Бьет, ведь, больно стэк.
Женщина — запомни лозунг —
Тоже человек.
Натянула я брюки тоже,
Не вожусь уже с детьми,
И мужчин я луплю по роже,
Я феминистка, чорт возьми!
Не пойдем мы все на уступки,
Надоело нам дрожать.
Мы мужчин всех оденем в юбки
И заставим их рожать.

(Убегает).

Раешник. Ишь — вспорхнула и улетела.
Вот как нельзя смотреть на женское дело.
Ну, я сегодня не буду шутить,
Попробую серьезно размотать эту нить.

Зачем нам утомлять мозги и ноги,
А сядемте и подведем итоги.
Будем по пальцам просто класть,
Что сделала для женщины советская власть.
То да это сделать успела ли,
И что женщины для нее сделали.
Перво-наперво, важнейшее: именно,
Это женская беременность.
Ежели надо рожать работнице,
В прежние времена ей грозила безработица.
Пропустит неделю, гражданенка рожая,
А ее место — глядь — заняла другая.
Теперь же пусть хоть вся Европа перебесится.
Получаешь отпуск на четыре месяца.
Два после родов и два до.
Вот оно, милые, что!
А если безработица и нечего есть,
Так тут на то собес есть.
При советском строе законы особые,—
Сразу выдадут тебе пособие.
Потом для работницы и крестьянки теперя
Всюду и везде открыты двери.
Учись, грызи науки, что пирог сладкий,
Грызи,— и выберут тебя в делегатки.
Иди, работай, управляй советом,
При советах ни в чем тебе нет запрета.
Работай, организуй кооперацию,—
Потому это по твоей формации.
Будь для других хорошим образчиком.
Учи вежливости в кооперативе приказчика.
Ну, вот, например, в деревне
Триста хозяев — и все варят,
И каждая няньчит своих ребят.
Да и способности у всех разные.
У одной чисто, у другой — грязно,
Все заняты, у всех времени нету.
Где уж тут учеба, кооперация, советы?
А ведь посмотреть, так курам на-смех —
Пятеро поварих наварят на всех.
20 нянек из хороших матерей
Сразу вынянчат всех детей.
И буду твердить без устали снова я:
Даешь общественную столовую,
А детишкам детские ясли,
Да чтоб катались, как сыр в масле,

Да чтоб не вязали их пеленками,
Чтоб выросли здоровыми гражданенками.
Зажить по-хорошему, так-то,
Провести электрификацию, завести трактор.
А город - помогай деревне де-юре и де-факто.
И мы укрепимся в престиже
И к международной революции ближе.

Все. Правильно! Правильно!

Рабочий. Рабства бита карта,
Женщина не рабыня-львица.

Все. Праздник 8-е марта
Вписывает в историю страницы.

Красноармеец. Работницей был поднят Питер
В семнадцатом, помни это.

Рабочие и красноармейцы. Работницы, крестьянки, крепите
И теперь Ильича заветы.

Крестьянка. Ниже цены на товары,

Рабочий. Выше знамя коммунизма,

Рабочие и красноармейцы. Рушится мир старый.
Трудовая женщина с нами!

Работница. Крестьянка должна быть грамотна,

Крестьянка. Чтоб с работницей дружно взяться

Все. За стройку коммунизма фундамента
Через кооперацию.

Коммунистка. Печать сильнее танков,
Глазом все видит зорким.

Рабочие и красноармейцы. В селькорки иди, крестьянка,
Работница, иди в рабкорки.

Работница. Захлестывает устои старого
Волн революции рокот,

Крестьянка. Ширится нового зарево,

Все. Встает и женщина Востока.

Рабочие и красноармейцы. Мир угнетения древний
Пустим на-слом в борьбе,

Все. Коммунарки, лицом к деревне,
Деревни, лицом к РКП!

(Уходят все под пение „И вся-то наша жизнь есть борьба").

Дело агиток
в передаче
„Синей Блузы"

В старый быт должен кол быть вбит

Работница Катя (поет).

Сердце бьется дрожью сладкой,
Щеки пышут от огня,
На заводе делегаткой
Нынче выбрали меня.
Много силы в этом теле,
Много силы делу дам.
Что же я, на самом деле,
Не субтильная мадам.
Все, что надо, крепко сбито,
Щеки пышут, как в огне,
Ведь недаром мой Никита
Все вздыхает обо мне.
Я за то его не хаю,
Да и нету в том греха,
Я сама по нем вздыхаю,
Как кузнечные меха.
Ну, а в общем мы не тужим,
И зачем бы нам тужить,
Скоро станет он мне мужем
Буду вместе с ним я жить.

(Вбегает Никита).

Никита. Здравствуй, Катя!

Катя. Здравствуй, милый.
Что ты делал, где ты был?

Никита. Сделав все, что нужно было,
Ничего не позабыл.
Но теперь, тебе не скрою,
Всем заботушкам конец,
Завтра можем мы с тобою
Отправляться под венец.

Катя. Ну, уж нет, не для того я
Порешила вместе жить,
Чтоб с попом вокруг налоя
Хороводы разводить.
Нет, не в церкви, милый, сила.
Без нее живем и так,
Нам не нужны их кадила,
Чтоб вступить с тобою в брак.
Не согласен ты, Никита,
Отвечай же, не тая?

Никита. Я согласен, но сердита
Очень маменька моя.
Богомольная такая,
А язык, что острый нож,
И без церкви, дорогая,
С нею прямо пропадешь.

Катя. Или мне все это снится.
Или ты мой друг во сне.
Ты на маменьке жениться
Собрался, или на мне?
Нет, уж если руки наши
Расшатали старый строй,
То нельзя из-за мамаши
Возвращаться к жизни той.

Никита. Это верно, слишком много
Я и сам потратил сил,
Чтоб для матери и бога
Старый мир я воскресил.
Что же я, на самом деле,
Пячусь к старому, как рак.
Завтра встретимся в отделе,
Регистрирующем брак.

Катя. Значит, завтра спозаранку
Брак запишем, чином чин.
Я, как честная гражданка,

Никита. Я, как честный гражданин.

Катя и Никита (поют вместе). Значит, завтра спозаранку
Брак запишем, чином чин.
Ты, как честная гражданка,
Ты, как честный гражданин.

(Входит мать).

Никита. Вот я явился к вам, мамаша.
С своей женой, значит...

Мать. Так.

Никита. Уж, как хотите, воля ваша,
Но я вступил в законный брак.

Мать. Вас кто венчал, отец Виталий,
Отец Евлампий, Евдоким?

Никита. Да нет, нас в церкви не венчали.

Катя. Мы регистрировались с ним.

Мать. Пресвятая богородица,
Что же слышать мне приходится!
Что значит муж, что есть жена,
Вам церковь раз'яснить должна.
Скорее слушай, ты и он,
Великий божеский закон:
Жена не должна быть с мужем груба,
Жена должна быть для мужа раба,
Мужу даны над женою права,
Муж безголовый — и тот голова.
Он с первого дня и суров и крут,
Жене поручает домашний труд.
Всю жизнь, как встанешь, ходи на рынок.
Только не рви, дорогая, ботинок.
На рынке, не мешкая лишнего часа,
Купишь капусты, картофелю, мяса,
Масла, моркови, различной крупы, —
Жарить и парить и делать супы.

Катя. Никита, милый мой Никита,
Избавь меня ты от корыта,
От рынка, печки, кочерги,
Скорей уйти мне помоги!
Моя свобода, где ты, где ты?
Отсюда нету мне пути.
Я не могу прочесть газеты,
Ни в клуб на лекцию пойти.

Никита. Нет тебе работы кроме,
Как вести хозяйство в доме.

Катя. Никита, ты забыл о том,
Что государство тоже дом,
Что там мою работу ждет
Не только ты, а весь народ.

Мать. Нет, обязанность жены —
Штопать мужнины штаны.

Будет муж твой очень глуп,
Коль тебя отпустит в клуб.
Ты должна чинить рубашки.
Из-под чая вымыть чашки,
Также вымыть грязный пол,
Подобравши свой подол,
А для этого сейчас
Кипятком наполни таз.

Катя. Но скажите, разве мне
Помогать не должен муж?

Мать. Ну-ка, сын, скорей жене
Отвечай на эту чушь.

Никита. Давши в верности обет,
Приготавливай обед.

Мать. Бери кастрюли, миски, плошки,
Ножи, тарелки, вилки, ложки,
Готовь с усердием и кротко,
Чтоб не гремела сковородка.

(Появляются горшки).

1-й горшок. Я самый лучший из горшков,
Во мне, наверно, пять вершков.
Прошел я многолетний стаж
По лучшей варке разных каш.
Люблю я печку и золу.
Беру я женщин в кабалу.
Так повелось уже в веках,
Что мир жены стоит в горшках.

2-й горшок. Я ростом мал, но три вершка —
Вполне приличный рост горшка.
И если с виду мал мой рост,
Мой чин в семье не так уж прост:
Стою всегда я на полу,
Забравши женщин в кабалу.
Так повелось уже в веках,
Что мир жены стоит в горшках.

Оба горшка. Так повелось уже в веках,
Что мир жены стоит в горшках.

(Горшки исчезают).

Мать. Может тебе ученье впрок.
Испеки скорее нам пирог.

Катя. И так всю жизнь — горшок и миска.
Стирать белье, варить обед.
И твердо знать, что где-то близко
Есть вольный труд и вольный свет.

(Темно, занавес).

Никита (перед занавесом).
Прошло уже несколько лет.
Ну-ка, дайте нам снова свет!

(Занавес открывается).

Катя. Где ж краса моя и сила,
Где же молодость моя!
Хуже смерти и могилы
Труд домашний и семья.
(Поет Эх, ты, доля, доля злая.
Доля женская моя,
Где ты, молодость былая,
По тебе тоскую я.
Путь у жизни все короче,
Я слезами выжгла очи,
Плача ночи напролет.
Где ты, вольная работа,
Горько вспомнить мне о том,
Засосали, как болото,
Нас семья своим трудом.
Нет бороться больше силы,
И надежды больше нет.
В наши семьи, как в могилы,
Мы зарыты с ранних лет.
Эх, ты, доля, доля злая,
Доля женская моя.
Где ты молодость былая,
По тебе тоскую я.

(Входит рабочий с повесткой).

Рабочий Товарищ, на собранье в час
Повесткой вызывают вас.

Катя. Спасибо, я сейчас приду. (Рабочий уходит)
Идет золовка на беду.

(Входит золовка).

Золовка. Куда так рано собралась?

Катя. Я на собранье быть хотела.

Золовка. Вот это мило: в доме грязь,
Обед кипит, но горло дела,
Она нашла себе гуляны —
Итти на глупое собранье.

Катя. Как от ее мне скрыться глаз,
А то, наверно, скоро час. (Золовка уходит).
Ушла, бегу. (Навстречу ей муж).

Никита. Куда, куда ты?

Катя. Я на собранье.

Никита. Дудки, нет,
Поставь-ка на штаны заплаты.
Да незаметно, в тот же цвет.

Катя. Ужель всю жизнь свою жена
Работать на других должна. (Муж уходит).
Ушел, я их оставлю тут.
Пусть подождут хоть пять минут.

(Кидает брюки, хочет итти. Навстречу ей мать).

Мать. Куда ты собралась, невестка?

Катя. Да на собранье. Вот повестка.

Мать. Уж если время ты нашла,
То лучше в церковь бы пошла.
Ты жди меня на этом месте
С тобой пойду я в церковь вместе. (Уходит).

Катя Это какая-то каторга прямо. (Выбегают дети).

Дети (вместе). Мама, маманька, мамашенька, мама!

Первый. Маманька, не вели ему лезть.

Второй. Маманька, не вели ему бить.

Третий. Маманька, я хочу есть.

Четвертый и пятый. Маманька, мы хотим пить.

(Выбегают три горшка).

1-й горшок. Ждет тебя суп.

2-й горшок. Ждет тебя каша.

Дети. Мамаша, мамаша, мамаша, мамаша.

1-й и 2-й горшок. Мы любим печку и золу,
(поют). Забравши женщин в кабалу.

3-й горшок. Стою я вечно на полу,
Забравши женщин в кабалу.

Все горшки (вместе). Так повелось уже в веках —
Мир женщины стоит в горшках.

(Выходят муж, мать и золовка).

Муж. Штаны зашила?

Золовка. Пол подмыла?

Мать. Обед сварила? В церкви была?

1-й горшок. Ждет тебя суп.

2-й горшок. Ждет тебя каша.

Дети. Мамаша, мамаша, мамаша, мамаша.

(Общая пляска вокруг Кати).

Катя. Ни просьб мне иных, ни дел не счесть.
Выходу нет мне (удар в тарелки).

Голос по радио. Выход есть.

(От этого возгласа все персонажи, кружившиеся бешено, сразу останавливаются и в одно мгновение исчезают за кулисы).

Все разгримировавшись, выходят в торжественным маршем выходят по сцене и развертывают плакаты с лозунгами.

Все. Выход есть: в коммунальном быте
Новых женщин грядущая рать.
Как стирали белье в корыте,
Будет старую жизнь в государстве стирать
Упадут заржавленные узы,
Старых вер пошатнутся дубы,
И везде создадут профсоюзы
Коммунальный рабочий быт.

Один (с плакатом „Школы“).
Брызнет искрами знания факел
Будет женщин в кратчайший срок —
В сто раз больше на каждом рабфаке,
В сто раз меньше за штопкой чулок.

Все. И женщины к знанью придут и к свободе,
Домашнего груза на плечах не таская,
Когда организуется при каждом заводе —
Столовая, прачешная и мастерская.

Другой. (с плакатом „Столовые“).
Прошу у товарищей слова я:
Организована общественная столовая.
Не нужно варить ни супов, ни каш,
Все сделает повар, как следует, наш.
Не нужно на рынок ходить с утра,
Из бассейна таскать по четыре ведра.

Третий (с плакатом „Прачешная").

Женщине новая радость дана:
Общественная прачешная создана.
Не нужно тебе у корыта возиться.
Отстирывать грязные пятна от ситца.
А лишнее время, что будет без стирки,
Использовать можешь в театре и в цирке.

Четвертый (с плакатом „Починочные мастерские").

По тысяче починок за час отпуская.
Организована починочная мастерская.
Мастерская починок устроена эта,
Чтоб с иголкой вам не сидеть до рассвета.
Мастерская скорее, чем вы, во сто крат
Кладет миллионы миллионов заплат,
Часы, что терпли вы, штопая брюки,
Отдайте теперь изученью науки.

Пятый (с плакатом „Ясли").

Женщины, не для вас ли
Организованы общественные ясли!
Матери мероприятием этим
Больше не будут прикованы к детям,
Больше не надобно будет аборта,
Жены займутся общественным делом.
Дети взрастут — от науки и спорта —
Твердые духом и бодрые телом.

Катя

Кончен навеки семейный гнет.
Больше не будет домашних забот.
Идем мы твердыми шагами,
Не повернем с дороги вспять,
И скоро будем не горшками
А государством управлять.
А пока до свиданья.
Я иду на собранье. (Гордо уходит).

Все (поют).

Новый мир будет плавиться в горне,
Пусть никто за работой не спит:
Создавайте скорей и упорней
Коммунальный рабочий быт.

В. Аверьянов и А. Наврозов

На-ка вот—одинаковы!

Лубок в 3-х картинах

ДЕЙСТВУЮТ:

Максим Старобытыч.
Марья—его жена, работница.
Васька Метранпаж, рабочий-щеголь (месткомец).
Скоморох.
Хор и голоса из хора.

(Действие происходит в большой комнате Кровать, стулья, стол, самовар и корыто. Все действующие лица кроме Максима находятся на сцене).

Реквизит: чугун, грамота — свиток и кальсоны.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Скоморох. Бабам молодым, высоким, красивым.
Слепым, хромым, гнедым и сивым,
Позвольте представиться:
Участник Октябрьского пожарища,
Скоморох, шутник и, правда,—красавец!
Итак, товарищи!
Мне вчера показали советские карты.
Что сегодня день восьмого марта.
День работницы. Ильичу подарок—
Научить править государством кухарок.
Сочувствуя этому весьма, без подвох,
Я, советский скоморох,
В порядке женской конституции
Требую женотдельскую революцию.

Хор (поет). Баба бой, девка бой.
Ой, ой, ой.

Декламация. Церковь, кухню, старый быт.

Хор. Долой!

(Поет). Баба ах, девка ай,
Ай, ай, ай.

Декламация. Работнице клуб, газету, книгу.

Хор. Дай!

(Поет). Баба ой, девка ой,
Ой, ой, ой!

Декламация. Об'являем пивным и пьянству

Хор. Бой!

(Поет). Баба ах, девка ай,
Ай, ай, ай!

Декламация. Мировому об'единению женщин — Интернационал.

Хор. Играй!

(Музыка играет Интернационал).

(Неожиданно Скоморох срывается с места и бежит. Хор его задерживает).

Хор (речитатив). В чем дело, в чем?
Пожар, беда?
Сейчас начнем!..
Постой! Куда?

Скоморох (показывая на публику).
Смотри (называет фамилию). Сидит тут!

Голос из хора. Где, налево?

Скоморох. Да. Он насчет женского движения-то плут.

Голос из хора. Ну, и в чем дело?

Скоморох. Да в том, что нагорожу огород,
А потом,— пожалуйте, за две недели вперед.

Голос из хора. Небось, у нас, чай, Эр-Ка-Ка.

Скоморох. Ну, тогда так.

(Торжественно). Исполняя культкомиссии поведение,
Начнем представление.

(Входит пьяный Максим и поет).

Максим. Кому мои кудри.
Кому мои русы
Доставался чесать.
Доставались кудри,
Доставались русы
Красной девице чесать!

Скоморох. Максим Старобытыч, на пользу волосам
Изволю тебе рекомендовать:
Возьми гребешок сам
И начинай чесать.

Максим. А баба на что?

Хор (поет). Брякает дробью барабан.
Все платочки маковы.
Нынче баба не раба —
Стала одинаковой.

Максим. Что за мода пошла, за чортова —
Бабам, что ль, отпустить усы и бороду.
А мужику на плите блины перевертывать.
Чистить картошку, да мыть сковороду?
На-ка вот — одинаковы!

Марья. Родила меня мать
Не для того, чтобы пеленки стирать.
А таких дураков, как ты,
Перевести на новый быт,
Научить ценить в жене товарища, друга,
А не даровую прислугу.
Тьфу ты, пьяница!

Максим. Ага, значит, баба к воле тянется!?
Ну, шалишь, дудки!

(Вынимает из кармана колбасу и бутылку водки и протягивает Марье)

На колбасу и зараз поджарь —
Со мной плохи шутки (икает).
А, не берешь, собачья шкура! (Икает).
Эх, если бы я был царь! (Икает).
Показал бы я тебе свою диктатуру (икает).

(Сваливается и засыпает).

Марья. Надрызгался дьявол, чорт!

Скоморох (показывая на Максима).
Видите, представление за первый сорт!

(Темнота).

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Та же комната. Максим сидит на троне и дремлет. На нем мантия из простыни. Стул поставлен на кровать. Рядом с ним худой, в очках, Васька Метранпаж. По бокам Марья, Скоморох и хор. Васька подходит к Марье.)

Васька (поет). Я безнадежно влюблен,
Марья Петровна, я таю.

(Показывая на Максима) Коли готовит вам он...
Я бесконечно страдаю. (Пауза.)
Пожалуйста, будьте добры, один поцелуй.
Пожалуйста, не губите жизнь молодую...

(Скоморох грозится)
Эй! С чужою женой не балуй!

Васька. Марья Петровна! Давайте мужа надуем.

Марья. Отойди! Все одинаковы и в праздник и будни.
Только и на уме, что одни блудни.

(Максим просыпается, трясет головой, чихает, что-то бормочет, потом оглядывает всех).

Максим. Мым, м-м-м. Мы, царь Максим Старобытыч миллионсотый,
Отказавшись для царства от всякой работы,
Состоя в чинах, почете и высоком градусе.
(топает ногой и кричит)
Марья! Радуйся!
Председатель общества пивных бутылок!

Скоморох (в сторону).
Заговорил, хоть чеши затылок.

Максим. Истребитель и враг горьких и сладких настоек,
Владетельный князь комода и двух коек,
Старых стульев, стола безногого
И 37 с половиной аршин жилого логова.
Великий князь и владетель жены Марьи.
Двух детей, кошки с котятами — царь я!

Васька (перебивая). Ваши светлые, царские очи...

Максим. Отстань, фельдмаршал!
(Продолжает). И прочее, прочее... прочее...
(К Скомороху). Ты, Скоморох, читай дальше.

Скоморох. Мы, царь Максим.
Постановляем сим:
Всем старобытникам нашим
Приказать женам начать варить кашу.
И во искоренение наблюдающейся вольницы —
Учредить суд над женщиной-работницей.
А посему назначаем в прокуроры обвинители
Фельдмаршала — нашего великого женопритеснителя.

(Васька посылает Марье воздушный поцелуй).

Он печатного станка рыцарь и паж —
Секретарь месткома — Васька Метранпаж.
А так как суд наш,— слепой и правый,
Завязать ему глаза — левый и правый.

(Скоморох завязывает Ваське глаза простыней).

Максим. Марья, жена, выходи!
Преступлениям твоим конца нет.
За все грехи работницу держи ответ.
Говори: кто тебя родил,
Какого племени и роду —
И вообще какой породы.
Сознаешь свою вину?
Отвечай! Ну!

Марья (поет на мотив „Сухой бы я корочкой питалась") Тобой бы я, милый, наслаждалась,
Мела, парила и пекла.
Я так бы дурой и осталась, —
Да революция пришла.
Генерь — свободная гражданка —
Я объявляю новый быт.
Кастрюли, щетку и лохань-ку
Переменила на наган.

Васька. Чтобы в согласии с законом определить —
Мужиком тебе или бабой быть.
По собраньям шляться или горшки мыть —
Начинаю судебное разбирательство.

Максим. Подать сюда вещественные доказательства.

(Приносит грязный чугун. Максим берет его в руки и поет на мотив „Блоха")

Чугун всему основа.
Эй, баба, не пищи.
Должны, ведь, быть готовы
К обеду каша, щи.

Смотрю, и слезы льются.
Нечищен ты, немыт.
От бабьих революций
Ты плесенью покрыт.

(Плачет навзрыд).

Вот подобающая мне корона!

(Надевает чугун на голову).

Скоморох. Незаменимое украшение трона!

Васька (к Марье Петровне шопотом). Марья Петровна, жду поцелуя!

(Скоморох встает на место Марьи и целуется с Васькой).

Васька (радостно). Осанна, аминь, аллилуйя!

Максим. Фельдмаршал, у тебя расстройство чувства!

Васька. Необходимая часть судебного искусства.

(К мнимой Марье). Обними меня, милая, жажду!

(Скоморох стискивает его изо всех сил).

Ой! хватит, довольно однажды.

Максим. Доказательство принести второе —
Увеличивает вину втрое!

(Торжественно вносят огромные кальсоны).

Васька (с благоговением принимает их и поет на мотив „Баядерки").

О, какое забвенье — эта пара кальсон!
Надевать наслажденье этот чудный фасон.
Если петли на месте, если пуговки все,
То кальсоны предстанут в необятной красе!

(Припев на мотив „Пупсика". Весело подпрысывает).

Кальсоны — наслажденье.
Кальсоны — красота.
Кальсоны — загляденье.
Кальсончики — мечта!

Максим. Для поддержки авторитета и тона —
Фельдмаршалу надеть кальсоны!

Васька (одевая кальсоны, с церемонным поклоном).

Верноподданнейшее спасибо, ваше величество,
За столь неустанное обо мне попечительство.

Марья. В голове одни пустяки.
Тоже еще мужики!
(К Ваське). Особенно ты, балбес чистокровный.

Васька. Марья Петровна! Марья Петровна!
(Лезет целовать Скомороха).

Максим. Фельдмаршал! Женоненавистник ты примерный.
Но целоваться с мужчиной все же скверно!

Васька (снимая повязку). (Резко).

Ага, так, Марья Петровна! Так! (Пауза).
Выношу приговор: итак,
После длительного совещания
И полного своей вины признания
В аннулировании домашних обязанностей —
Варева, стирки и прочих разностей,
Марья, жена Максима-царя,
Заключается в стены кухонного монастыря,
Сроком от 2-х до 5 лет —
Стирать белье, готовить обед,
Родить детей, целовать мужа,
Ибо его величеству это приятно и нужно.
А чтоб стало приятнее вдвое,
Присовокупить к сему должную долю побоев.

Скоморох (показывая на Ваську). Вот он, из тинов тин.
К новой жизни одним боком прилип.

(Васька направляется к царю передать на утверждение приговор).

Васька. Максим Старобытыч, миллион сотый.

(С него падают кальсоны, он путается в них и тоже падает).

(Про себя). Неожиданно зацепился за что-то.

(Смотрит на спавшие кальсоны).

(Резко) А, вот что! Пуговиц нет.
Набавляется тебе 10 лет.

Марья (сквозь слезы) Бесчувственные вы, собаки.
Пропала моя мечта о рабфаке!

Максим (встает, потом садится). Суд наш прав и скор.
Утверждаю этот приговор.
Мы, Максим (бормочет и засыпает),
...Постановляем это сим...

Скоморох. А возможны ли такие приговоры на факте —
Вы увидите, товарищи, в следующем акте.

(Темнота).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(На сцене темно Слышатся голоса: „скорей снимай", „осторожней, проснется", „ну, пушками не разбудишь", „застегни кофточку-то ему". Свет. Максим в женском костюме спит в том же положении, как и в первой картине).

Максим (бормочет во сне). Князь, владетель, жена Марья...
Дети, кошка, котята,.. царь я...
Теперь я холостая птица.
Бабу, значит, упрятал в темницу.
Будет теперь новая жена...

(Просыпается и садится, оглядываясь по сторонам).

Фельдмаршал, выпить бы вина!

(Толкая колбасу и бутылку ногой).

Что за чорт, царю на похмелье
Подавать госспиртовское зелье!
Фельдмаршал, Васька, оглохли словно!

(Входит Скоморох).

Скоморох. Здравствуйте, Марья Петровна,
Максим ушел, что ль, по делу какому?

Максим. У тебя, видно, не все дома.

Скоморох. Я, говорю, Максим Старобытыч куда ушел?

Максим (встает). Да ты что, с ума сошел?

Скоморох. Что-то не пойму я вас, Марья Петровна!

Максим. Да я — Максим, царь настоящий, кровный!

Скоморох. Что с вами? Скажите, что с вами?

Максим. Смотришь ладом или глазами?

Скоморох. Марья Петровна, вам что-то нехорошо!

Максим (бросается на него).
С глаз моих царских, дурак, пошел!

(Входит Марья).

Марья (в мужском платье). Что такое, опять скандалы?
Или вчера тебе мало попало?

Скоморох (обращаясь к Марье). Максим Старобытыч, не узнаю супруги вашей,
Была такая скромная, тихая Маша...
И вдруг...

Максим (перебивая). Я царь, я супруг! (Бегает и кричит).
Фельдмаршал, Васька Метраншаж!

Марья. Я вот собью твой бабий раж!

(Хватает его за шиворот и трясет).

Обед готов? Готова каша?

Максим. Васька, фельдмаршал!

Марья. Белье выстирал?

Максим. Спасите, товарищи министры!

Марья. Дура, оставь свою блажь!

Максим (к Марье). Васька Метраншаж!

Марья. Баба совсем у меня обалдела.
Мужа не признавать — разве дело?

Скоморох. Марья Петровна, это ваш муж законный.

Максим. Жена? Ты? Стража, пешая, конная!

(Входит хор).

Одна из хора. Маня, ты пойдешь в женотдел на собранье?
Сегодня у нас предвыборная кампания.

Марья. Что за собранье? У нее не стирано.

Максим (к хору). Где вы, черти, пропали? С-ми-рно!

(Все смеются).

Хор (поет). На заводе шум и гром.
Шестерни вертятся.
Сдуру баба мужиком
Стала притворяться.

Максим. Фельдмаршал. выручи. погибаю!

Васька. Марья Петровна. один поцелуй. страдаю!

Максим. Тьфу. тьфу. сон это иль явь?

Одна из хора. Марусенька. юбочку помяв!

Максим (оглядывая себя. кричит).
Караул! Батюшки! Бабой стал!

Васька. Один поцелуй в пурпурные уста...

Марья. Марья, любовника завела опять?
Сию минуту самовар поднять.

(Максим идет в угол комнаты, где, отдуваясь, ставит самовар

Васька (к Марье) Максим Старобытыч. эксплоатировать жен
У нас теперь запрещает закон.

Марья. У тебя для чужих жен уставы.
А своя, как собака на цепи, без права.

(Максим несет к столу самовар, из открытого крана течет).

Марья. Чортова кукла, зенками слабая,
Смотри, дыра не закрыта.

Максим. Я мужик, Максим, не баба я!

Марья. Поди, становись за корыто!

(Максим стирает белье и поет тонким голоском. Две последних строчки подхватывает хор).

Максим. Ах ты доля, моя доля.
У меня муж, словно зверь!
Ах, зачем же поневоле
Стал я бабою теперь?

Ах зачем ты, злая доля
До корыта довела?
Бабий век мой измозолят
Кухня, тряпки и метла!

Васька. Марья Петровна, вы поете, как птичка.

Максим (ударяя бельем Ваську).
Отойди, чорт, я стала большевичка.

Марья. Марья, купила дрожжей?

Скоморох. Вот школа для строптивых мужей!

Максим. Товарищи-женщины, разве не вправе я
Отстаивать женское равноправие?

Марья. Кому говорю, глухая тетеря?

Максим (бросая со злостью белье на под. пачек).

Мучитель, сам иди, дверь!
Плевать на твою кухню и дело.
Пойду запишусь в женотдел,
Чтоб мужик и баба одинаковы...

Марья (дергая Максима за бороду).

На-ка вот — одинаковы!

Максим (вскрикивает от боли, с удивлением хватает себя за бороду).

Ой, что такое, неужели борода?

(Радостно).

Она самая, конечно, да!

(Встает на авансцену перед публикой на колени).

Товарищи, я женщина тихая, слабая.
Скажите — мужик или баба я?

Скоморох.

Не подумайте, публика, что это конец,
Для женщины жизнь только начинается.
Марья на рабфак пошла, молодец,
А Максим по кабакам не шляется...
Царство Максима — пара кальсон.
Чугун, корыто,— конечно, сон.

Максим.

Смотрите, я раскаялся до конца.

Скоморох.

Вот из такого подлеца
Сделали образцового мужа...
Женщины, за работу дружно!

Хор (поет).

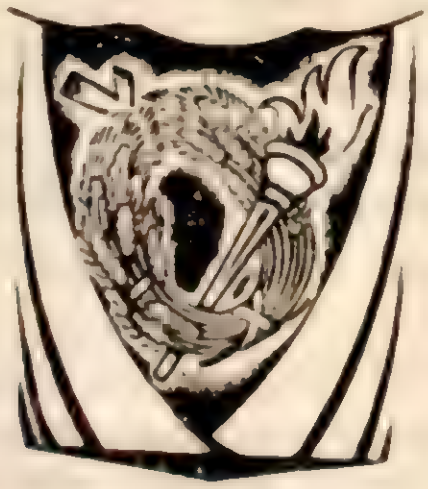
Баба ах, девка ай.
Ай, ай, ай.

Хор (декламационно).

Мировому об'единению женщин
Интернационал играй!

Интернационал.

(Занавес).



Материалы для инсценировок

Л. Сейфуллина. Виринея.

Н. Некрасов. „Кому на Руси жить хорошо" (отрывок).

А. Неверов. Жизнь так ведет.

Л. Сейфуллина

Виринея

(Отрывок)

... Вирку скоро обелили. Из города прислали, как беспаспортную, под здешний надзор на родину. А теперь, слышно, и документ есть у нее. Родня, понятно, к себе ее не приняла. Да она и сама не охотилась. На постройке работать стала. Зимой постройка на многих участках остановилась. Но около Акгыровки гору пробивали, туннель проводили. В бараках с беженцами Вирка теперь живет. Шибко гулять начала. Каждый праздник пьяная и буйно веселая. Между бараками за деревней своя улица. На ней пляшет, песни поет и с мужиками разгульными и с рабочими грешит. Господ, на диво всем, не допускает к себе, хоть многие из них любопытствовать стали. Сам земский приезжал в кухарки нанимать. Она к нему и разговаривать, было, не пошла. Силком притащили. Поглядела на него с усмешкой, пригладила растрепавшиеся волосы и сказала:

— Ты начальник, тебе сила дадена. Только не на меня. На меня, барин ласковый, теперь управы нет никакой, потому что мне уж все не страшно. Не пойду к тебе. Не застращаешь, не желаю.

Это при троих мужиках, да при урядннке. У земского краска в лицо пятнами кинулась. Сам себя в расстройстве за светлую пуговицу дернул.

— Что за околесицу несешь? Я и не думал грозить или звать насильно. Мне кухарка опытная нужна, вот и указали на тебя. Прошу прекратить глупые эти... возгласы. Не хочешь наниматься, не надо! Я думал, ты нуждаешься в работе.

— Работы на наш горб хватит. Вашему брату из-за работников за столь верст колесить не надо. Под боком найдутся, на слушок сами издаля спину свою притащут. Не ходит ведь хлеб за брюхом, сказывают. А я тебе не на работу, а на усладу...

— Пошла вон, дура! Такая дерзкая, скверная баба! Ты у меня смотри!..

Отозвалась от дверей. Не зло, а так, будто сама с собой говорила в раздумье.

— То-то, говорю, смотреть нечего. Ни тюрьмы, ни сумы, самой смерти теперь не боюсь. А тебя ославлю не по-хорошему. Заступников себе, коль захочу, найду. Видно, медовую больно мать меня выродила, и городские начальники липнут. Не топочи, ухожу...

В большом расстройстве уехал. Думали: конец Вирке. Сошло. Начальник и тот вязаться с ней побоялся. Или забыл. Слышно, докторицу молодую в больнице облюбовал, с ней утешился. А Вирку для услады в прислуги напимать еще один барин приезжал. Из дальнего участка, над многими инженерами главный. Строгий, с сединкой, господин настоящий, чистей всех здешних господ одетый. Руки держит так, будто замарать о других людей боится, и голову высоко несет. А к Вирке ласково, с усмешкой в усах, подсыпался. Вирка сразу его не отшибла. Спросила:

— А сколь жалованья положишь?

— Я, право, не знаю... Скажите, какую сумму вы считали бы достаточной? Готовить вы умеете и вообще... моим требованиям, кажется, удовлетворяете. Я люблю хороший стол и аккуратную, чистенькую, здоровую прислугу.

— Это уж как есть. Видала господ-то, — чую, что вам надо.

— Ну, вот. Очень рад. Я не скуп. Вам согласен платить двадцать рублей ежемесячно. Ну, разумеется, на всем готовом. Только предварительно я вас попрошу сходить к врачу, нет ли у вас чесотки или еще какой инфекции...

— А семейство ваше сколько человек?

— Я один, без семьи, на постройке. Вам не будет тяжело.

— Какая уж там тяжесть, одна сладость выходит. А прежней-то своей стряпке сколь платил?

— У меня повар военнопленный. Да вы не беспокойтесь — я говорю, что не скуп. Ему платил десять, а...

— Мне, стало, за бабью мою плоть десятку прибавки. Эх, ты, лафа бабам! Ну, я поляжу, у черного народу совесть потвердей господской. Жидка она у господ, са-авсем жидка...

— То-есть, позвольте... Я не совсем вас понимаю... Как?

— Из ученых ученый, а непонятливый. Семейство у него есть, а бабу-гулену не для блуда, а для святости жить в свой дом зовет! Нашинскому, из черного народу, совесть не дозволит про эдако дело голосом даже таким договариваться. Вот с того и мутит меня от вас. Эх, вы, господа! И в пакости — чисто в святости. Это только низкий народ грешит, а вы и в грехе спасаетесь. Я те разумытую харю твою разделаю! Навек отметины останутся! Я те приголублю, старый хрен! Не крича-ать! Эй, бабы, айдате в эту горницу! Скорей айдате, поглядеть, как господа... Не беги, растрясешься, навоняешь! Шкодить охота, дак ты так и сказывай, а не сиди с хорошим лицом, чисто хорошей жизни старатель.

Господин после рассказывал, как он от сумасшедшей спасался. С придыханием, сразу теряя важеватую манеру свою:

— Это удивительно! Положительно буйное сумасшествие! И притом эротомания... Удивительно — в простой среде такая изощренная... эротомания.

В деревню Вирка не ходила. И деревенские от нее сторонились. Баба такая, что лучше подальше от нее. Еще в какой-нибудь суд да следствие втянет. При встречах без разговоров и приветствий обходили. Только Анисья одна, бабенка отчаянная, раз из-за нестерпимого любопытства к Вирке в бараки в праздник прибежала.

В недлинные два ряда вытянуты бараки, похожие на кирпичные сараи. Маленькие слепые окна на самой земле. Теперь снегом чуть не наглухо забиты. Отрывать приходится, чтоб не сидеть и днем в темноте. Скаты у крыш крутые и остроребрые, как у скворечниц. Рухлядишка домашняя прямо на воле за бараками валяется. Дворов нет. А поодаль недостроенный высокий дом для будущего полустанка.

Пустыми, без окон еще, глазницами своими на норы человечьи пялится, крыльцом без дверей щерится. Около него на бревнах сбились кучкой мужики-беженцы и три военнопленных в чудных, коротких шинелях, а поодаль бабы. На солнце в нынешний теплый день из щелей своих повылезли. Анисью оглядели прищуренными от яркого снега глазами. Между баб живой говорок пробежал.

— Здравствуйте-ко, бабыньки! И где тут Вирка пашинская живет?

Молодая беженка, с головой, как колесо, от чудной недешевой повязки, из платка остренькое лицо выставила и засмеялась:

— За бараками, с той стороны поищай. Где плис да гулянья, там и живет.

Но Анисья зоркими глазами уже увидала далеко впереди Вирку. У барака стояла. Когда Анисья подошла, не услышала сразу. В сугробы, в степь смотрела. Лицо у нее было суровое. Бороздинка меж бровей резко обозначалась. Будто искала глазами чего-то в сугробах тех. Не нашла и шибко оттого растревожилась. Шубенка на ней была старая и платчишко на голове потертый, замаханный. Анисье неласковым ответила голосом:

— А, здравствуй, коль не шутишь. Чего пришла?

— Ишь ты, как заспесивилась! Поглядеть пришла, как живешь в развеселом-то житье. Чего башку воротишь? Я к тебе с хорошим словом, как бывалыча, а ты рыло в сторону. Другие-то бабы плюются, как кто заикнется про тебя, а я...

— А у тебя слюней мало? Жалеешь? Чего ты, Аниська, прибежала ко мне? Поглядеть, да потом языком чесать? Ну, гляди. Не впервой видишь. Какая была, такая и осталась.

— Нет, не такая. Поплоше и злее. Зря ты так-то со мной. Видно, девка, не сладко тебе и тут. Чтой-то ты обряду-то себе хуть не справишь? И в бедном житье ране почистей ходила.

— А кому обряда-то моя нужна? Да не больно много капиталу у меня, чтоб наряжаться. На харч достает, и то ладно.

— Вот, Вирка, с богом-то спорить как! Охальничаешь перед ним, не молишься, не каешься, он и забижает тебя. Нету тебе домотки, так катает тебя по разным местам. Э-эх, горькая твоя жизнь, баба! Право, горькая. Я позавидовать было шла, а теперь гляжу — плохо живешь.

— А ты больно хорошо? Все под богом плохо живут, Анисья. Каждого своя ржа ест. И который говорит, что хорошо живет, только тоскрится для веселости, об жизни об своей думку подальше загоняет, чтоб не точила. Вот, как ты.

— Чего это я плохо? Слава богу, в достатке и в своем угле. Без слезы, без хворобы, знамо, живой не живет. Разве, может, господа, а наш брат не живет. Ну-к што, ж? Я хорошо живу.

— И господа на таких же дрожжах, как мы, всходят. От бабьей да от мужичьей плоти. И у них печенка человечья тревожливая. Плачут и хворают. Как не плакать и не хворать? Только продовольствия себе много захватили, дак в сытом житье живут. Плакать-то плачут, да только от хорошего. Нам бы сейчас на их кус, дак мы бы не плакали.

— А что, Вирка, вот с того я и думаю: будто ты отроду и не урочна, а по-дурьи все делаешь. Про господ вот... Ведь, как сказать, слух у нас в деревне есть, что ты на гульбу охотлива. Дак по крайности гуляла бы с умом, достаток бы наживала. Вот и пожила бы в господском житье. Вот из Романовки Мотька так-то в город подалась, в хорошем заведении живет, так у ей платья шелковые, кольцо золотое. Приезжала на роздых, хвасталась. Да и здешние-то, которые около инженеров кормятся, поглядя. Что тебе обувка, что одежа, — завидки берут глядеть... А ты... Посмотришь, и прямо жалко. Ей-пра, жалко. Все одно, коль на то дело пошло, дак по крайности с пользой бы! Господа-то к тебе как льнут.

— А ты что же со своим австрийцем без пользы спишь? Тоже взяла бы да наживала на этом деле.

— Ах сравнила! У меня дом, хозяйство не порушены, и на улке петь пою и плясать пляшу, и на гумно лежать с разными не хожу. Австриец, что ж! Грех мой один. А так я венчанная мужу жена, детям мать и дому хозяйка. И всяк скажет: накостлива бабенка, а плюхой не назовет.

— Зовут. Я слышала, да ты и сама слыхала.

— Дак то со зла когда, а, все одно, мир меня за мужнину жену почитает, кличет по мужу, и я вровень с другими бабами иду. Не то есть грех, не то нет, — еще бабушка на-двое гадала. Никто меня за ноги не держал. А если я тебе сама что болтала, дак, может, так, для веселости вздуривала. Поди-ка докажи! А твое дело другое: все напоказ. И с Васькой, и с инженером с этим, и теперь. Не хочешь, да видишь. Одна такая во всей деревне, как бельмо на глазу. А на славу на такую шла, на страм перед людьми, дак уж за что-нибудь, а не дарма. А деньги да одежу да домашность заведешь, дак и при твоей жизни другим глазом мы на тебя глянем. За спиной скажем б...., а в глаза: Авимовна. Нет! Нет, Вирка, зря ты на меня косоротишься. Я тебе для твоего же добра советы даю. Другая так с тобой говорить не будет, а у меня сердце ласковое. Я никому зла не желаю.

— Ну, а у меня, Анисья, на эдакую ласку сердце неохотливое. Не жалей и не советуй. Иди-ка, баба, домой, гуляй себе по-своему, а меня не замай.

— Нет, не будет тебе доли. Ох, не будет. Больно уж запозиста. Высоко себя несешь, а все в дерьме хлюпаешься. Стой, стой!.. Еще на словечко одно.

— Еще не все выболтала. Много их у тебя. Такой же цепевый товар, как и ласка твоя. Чего тебе надо?

— Чего ты от господ шибко отбиваешься? Вот я никак не смекну. Желанного одного и середь мужиков у тебя нет. Ай по Ваське моховому после время сохнуть зачала, ай тот барин чем шибко изобидел, а?

Вирка скривила губы, глянула в любопытные Анисьины глаза и крикнула злым высоким голосом:

— Уходи, трепалка долгоязыкая! Не тебе на духу буду выкладывать, кого жалею, с чего пропадаю. Ну, повертывайся! И дорогу ко мне забудь. Была час, когда и ты мне мила была, а сейчас никто не мил. Сдохли бы вы всей Акыровкой, я бы возрадовалась. Чорт меня привязал к вам!

Круто повернулась и быстро в барак ушла. Целый день в углу своем на тряпье ничком пролежала. Баба-беженка, по бараку сожительница, долго на нее глядела. Потом спросила удивленно:

— Когда же ты, красавица, напиться-то успела? Я и не видела, а?

Не дождалась ответа, сплюнула и из барака ушла. Все разбрелись, одна Вирка осталась, да трое ребят. Назябшись на улице, на печку забрались, там шумели. Когда Вирка поднялась, старшая из трех, восьмилетняя Грунька, спросила:

— Отрезвела, тетенька? Гулять сейчас пойдешь? Мамка сказывала — кузнец около барака вьется, все тебя нюхает. А мне чудно! Чего же это он нюхает? Ходит да нюхает!

И засмеялась звонким детским смехом.

Вирка вздохнула и сказала устало, врастяжку слова:

— Ты не слушай, Грунька, чего большие бабы болтают. Не пересказывай мне. Мала еще, чтоб ихними пакостными словами материться. Ну-к, подвиньтесь, я с вами на печке посижу, погреюсь. Понастроили нашему брату хоромы, со всех щелей дует, а от солнышка в земь запрятали.

Грунька подперла щеку рукой и сказала по-взрослому, по-бабьи, подхваченные сегодня на-лету слова:

— А на улке-то тепло, солнышко нынче уж на весну, веселое...

И другим, живым своим голосом спросила:

— А чего ты нынче не гуляешь? Ох, и чудно ты песни пропьяный праздник играла. Пья-а-ная!..

Опять хохотом веселым залилась. И оба мальчишки поменьше вместе с ней. У Вирки тоска по лицу темным облаком, а глаза большие стали и нежные.

Погладила осторожно негую девчонкину голову. Самый маленький мальчишка в дреме детской, внезапно сморившей, к плечу ее привалился, передохнул и ровно задышал. Вирка, боясь шевельнуть плечом, чтоб не стряхнуть доверчиво припавшего к ней ребенка, тихо сказала:

— Грунь, про „Золотую зыбочку“ сказку слыхала?

— Ну-к, Вирка, тетенька... Ну-к, скажи...

И мальчишка постарше поближе придвинулся. У Вирки от горькой нежности сердце захолонуло. Ласкала детей несытым любовным взглядом и певучим хорошим голосом сказку сказывала:

— ...и скучно ей стало, и запечалилась, тишком слезу лила, тишком тую слезу рукавом смахивала, и вот спрашивает ее...

В этот праздник Вирка гулять на улицу совсем не вышла. Трезвая и сумрачная, рано спать легла. Но долго на тряпье своем ворочалась.

С Павлом встретилась на речке. Из проруби воду несла, а он к той проруби шел. Посмотрела равнодушно в его лицо и мимо было прошла.

— Стой-ко, спросить я тебя хочу.

Вирка приостановилась и спросила равнодушно и поспешно:

— Ну? чего надо?

В эти дни отдыха от тяжелого хмеля, от ругани и шума барака, от радости труда, который считала своим, Вирка о мужиках не думала. И про Павла совсем забыла. Оттого и отозвалась без злобы, без привета и без вызова.

— Аниська приедет, ты как? Опять назад в барак уйдешь?

— В бараке-то место у меня, видишь, не откуплено. Рассчитали с работы. Может, в участок, где господа есть, служить. Может, в город подамся. Запрет-то с меня снят теперь и документ есть у меня. А тебе что?

— А ко мне не поохотишься жить притти?

Вирка посмотрела прямо и пристально в его светлые, спокойные глаза.

— Хорошей бабы-то разве не найдешь? Жениться тебе надо. У тебя дети, свое хозяйство.

— Женюсь еще, коль приглянусь для себя. А хозяйство невелико. Лошадь и корова. У людей кормились без меня. За прокорм заплатил, пригнал. Вот и все хозяйство.

— Так и одни с девченкой управишься. Не такой достаток, чтоб работницу кормить.

— Без бабы нельзя. Женюсь, тогда и без работницы обойдусь.

— Девчонка у тебя большенька. Поди, уж двенадцатый год, аль боле? С ней управишься. Эдакая уж вполне хозяйствует.

— К тетке в город отправляю ее. Учить хочу. Два парнишки малолетних со мной только останутся.

— Ишь ты, тароватый какой! Денег, видать, много нажил? Девчонку учить! Уж хуть бы мальчишку, а с девчонки какой толк! Учи—не учи, все одно, под мужа пойдет, не сама голова.

— А уж это я по своему разуму. Как хочу, так и поставлю. Ты про себя говори, не охота, что ль, ко мне? Так трепаться-то лучше?

Вирка сердито сдвинула брови.

— Не больно зарюсь на нежирный-то твой кусок. Поди-ко, я баба бывалая, знаю, что жить в избу к себе не на одну денную работу зовешь. И ночью, чать, ублажать себя заставишь. Ну, а я гулять гуляю, когда захочу, а за кусок, аль за подарки на это дело меня не укупишь. Не пойду. Ищи другую.

Поправила коромысло на плечах и пошла.

— Погоди!

— Ну, чего еще? Говорю, неохота.

Павел помедлил, поглядел на нее и сказал просто, хорошим голосом

— Зря ты, баба, все на зло себе делаешь. Где лучше — не надо, я, мол, возьму, да в самое худо нырну. Слыхал я все про тебя. Говорить много неохота мне, а вот: ты работящая, не вовсе истаскалась еще. Живи и работай по своему природному делу. Даром кормить не стану, я не купец, не барин. А за работу накормлю тем, что и себе поесть добуду. Насчет приставанья, ночного дела, не зарекаюсь. Я молодой еще, ты молодая, рядом жить будем, как, чать, не распалиться? Но только говорю тебе не снасильничаю. Не захочешь — не надо. Только уж, это тоже не совру, с другими мужиками, пока в моей избе живешь, тоже чтоб греха не было. Живи тогда сухо, спасайся, для себя неволить не буду.

— Своя пакость не пахнет, чужая смердит.

— А уж это так. На другое я несогласен. Не стерпишь, уйдешь, не привязанная. А все хоть отдохнешь. И мне без бабы никак нельзя. С детями ты ласковая, я видал. Ты сряду эдак не отказывайся. Подумай ночче, а завтра скажешь.

Вирка мотнула головой. Потом тихо сказала:

— Люди смеяться над тобой будут. Много тут шумели про меня.

— А с того, что сама ты того боле шумишь. Поживешь тишком, и люди к тебе потише будут. Я вот гляжу, да думаю, что об грехе ем ты больше шумишь, чем грешишь. Много трепалась-то!

— Нет. С беженцем с одним, так на людях только со зла, а к себе не допущала. А с кузнецом вот, правда. Только много я охальничала пьяная на улице валялась и перед народом... нехорошо с мужиками озоровала. Да ты что меня, чисто поп на исповеди? Тьфу! И я-то расслюнявилась... Убирайся от меня, кобель ласковый! За тем же за делом ко мне, как и все, а с присловьем с каким. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Провались, окаянный, хуже всех стервецов ты стервец!

Шибко крутым под'емом от речки шла. Тяжести полных ведер не чуяла. Сердце колотилось в груди, и редкие у Вирки слезы глаза застлали.

И ночью плакала.

Утром рано постучала в окно Павловой избы.

Павел вошел в избу, как хмельной. На лице улыбка растерянная и глаза, как пьяные. Вирка удивилась. Месяц доживала бок-о-бок с ним, ни разу пьяным не видала. И от людей слышала: непьющий.

— Ты что, Павел? Выпил, что ли, у кого?

— Староста из волости вести такие привез, что все мужики, кто слыхал, чисто пьяные. Царя отменили!..

— Отменили? А как же? Другой, што ль, какой?

— Вовсе отменили, совсем без царя живем.

Вирка опустилась на скамью.

— Ровно на шутки ты, Павел, не охоч...

— Да никакие не шутки. Пакет староста из волости привез. За учительницей послали, сейчас на сходе вычитывать будет! Никакого нет царя! Один отрекся, другой отказался, а глядеть — посшибали их всех. Завтра в город поеду, все хорошенько разузнаю...

И вдруг добавил, будто невольно в радости открылся:

— Я-то знал... Ждали мы этого. Там в городе еще уповали. Ну, здесь с двоими тишком разговаривали. А слушай, Вирка, мужики-то не испугались. Право, я дивуюсь! Нисколько не испугались, сдивились только: как же это, царя осилили?

— Да у нас глухо, все одно, под кем жить, а по другим деревням, поди, воют и боятся. Ты нашему народу, вот мне хоть лучше, не про царя скажи, а становой как? Останется? Нашенское-то начальство, прежнее будет?

— Да нет! Становой-то сбежал, а урядников в подполье стребли.

— Вре-ешь?!.. Ну, вот это диво. Павел, это как же? Ну-к, где платок-то мой? На сходе-то когда вычитывать станут?

Народу в школу столько набралось, как никогда еще не бывало. Стояли на окнах, в сенях, у школы густой толпой.

Молоденькая белесая учительница слабым и дрожащим от волнения голосом читала:

— ... признали мы за благо отречься от престола государства Российского..."

В толпу доносились неясно только обрывки слов. Мужики задвигались. Один крикнул:

— Не слыхать! Не разбираем ничего. Мужчине отдай!

И в толпе подхватили:

— Пускай мужчина грамотный какой прочитает.

— Ну, знамо дело! Какой у бабы голос! Только визгать может. А ятно, громко где ей выговорить!

— Да кабы еще деревенская. А у этой „ти-ти"...

— Городской — жидкий голосишко!

— Айда, который у нас грамотный!

— Солдатов, солдатов вперед! Где солдаты, они разберут!..

— Да и то впереде. Где им теперь стоять, впереде и стоят.

— Пущай Пашка Суслов. Он шибко грамотный.

— Павел! Павел! Игде Суслов-то?

— Айда, вычитывай. Ну, от этого услышим, глотка широкая.

Павел, приподняв плечи, со строгим лицом, ясно и отчетливо стал читать запоздавшие в Акатыровку манифесты и газеты. Долго читал. Все время напряженная тишина стояла в классе. Плотной молчаливой стеной больше часу стояли мужики и бабы. В такой тишине в церкви никогда не стояли. Расходились тоже необычно тихо, с приглушенным разговором. Только молодой безбровый солдат с девичьим лицом перебегал от одной кучки людей к другой и захлебывающимся голосом говорил:

— Названье нижний чин отменяется. Теперь почетное звание — солдат! Нижний чин — нельзя! Какой тебе нижний? А кто верхний? Нету больше нижнего! Э-эх, я в Романовку сегодня. Этот, Копыршина Алексей Петровича сын, в прапорщики вышел, в офицеры. Вместе на побывку в одном вагоне ехали. Я ему говорю: „Стеша, дай закурить". А он мне: „Я тебе не Стеша, а офицер теперь, а ты — нижний чин, дисциплины не знаешь". При всем при вагоне я как скрасней тогда! Нарочно сегодня. А ну, скажи, мол, я теперь кто? Нижний чин... твою мать, на-ко, мол, выкуси! Был нижний чин, да весь кончился.

В эту ночь Павел с Виркой долго не спали. У них была общая постель. Тогда, как пришла жить к нему, спросил он ее, как спать укладываться собирались.

— Ну, как ты? Хозяйствовать только пришла, аль совсем как к своему мужику?

Вирка помедлила ответом. Потом просто и тихо сказала

— А ничего. Поживем вместе и поспим вместе. Только нехорошо как-то перед Анюткой. Большая уж она.

— Она уж спит.

— Все одно, нехорошо. Я вот девчонкой в первый раз как мать с отцом запримечала, с чего-то совестно и тут так дышать мне стало. А я совсем чужая, и слух про меня нехороший. Обидно ей за отца будет. Первые-то обиды живучи. Потом, пригобыкнет малость ко мне.

Но на ласку Виркину Анютка не поддавалась. Враждебными глазами за ней следила. На вопросы Виркины или совсем не отвечала, или грубо отзывалась. Когда увозил ее в город отец, она повернулась на дровнях и посмотрела на провожавшую их Вирку. Таким недетским, ненавидящим взглядом посмотрела, что у Вирки долго сердце щемило. И Анюткину детскую злобу, как самое большое, как кару за грех своей жизни, в сердце приняла. Пятилетний Семка и трехлеток Панька скоро привыкли цепляться за ее юбку, как раньше за мать цеплялись. Она их ходила на диво другим бабам. Аниська при встречах смеялась:

— Мы и то толкуем, чтоб все вдовцы не женились, а гулену нерадящую в матери детям наймали. Старательные попадают!

Издевались над Виркой недолго. Словами зря не сорил Павел, но слова знал веские. Оборвал одну, другую бабу, и притихли. У Вирки взгляд спокойней стал. Но как-то точно сблекла она в тягости. Говорила мало и часто подолгу задумывалась. С чего сердце в человеке такое несытое живет? Что ни пойдет, редкий-редкий раз веселится. А то все не то, все недохватка, горчит чем-то радость. Павел спокоен, на работу не ленив. Большой грамотности человек. Оттого, хоть беден, а люди не помыкают им. Побаиваются. И Вирку жалеет. В ту первую ночь, как Анютка уехала, с ним спать Вирка легла. Он так ласково с ней обошелся, что Вирка сдивилась. Даже Васька не смог бережно и как-то чудно с ней хорошим по-хорошему подойти. Словами Павел не нежил. Только и сказал тогда с горячим вздохом „Милка ты моя". А все же как-то, как с женой

прощеной, моленой, к первому к нему в постель легшей, а не как с гуленой мимошной. Вирка и обрадовалась и смутилась как-то. Смущенье радость сѐло. И с того самого дня, как виноватая. Будто чужую обряду надела тайком на себя. Увидят — со стыдом, с поношеньем сдерут. От этого между Павлом и Виркой все будто что-то стоит. Оболгалась раз, взяла напилась, как бывало. Пьяная ночью долго кричала:

— Чего ты себя перед всеми, как царь, носишь? Думаешь, я не вижу? Думаешь, больно я уж обрадела, что при себе держишь? Противна мне харя твоя зазнайстая, повадка вся твоя тихая. Уйду завтра! Глядеть на тебя не хочу.

Он спокойно расстегнул ремень и погрозил ей:

— Замолчи, а то выпорю, как собаку. Глядеть на пьяных баб не могу, блевать охота! Ложись на печку и больше не верещи. Отрезвеешь, тогда поговорим. Может, и сам выгоню.

Голоса не повысил, но сурово и отчетливо сказал. Глаза встретились: светлые его глаза потемнели. Но не разгорелись жаром, как у Вирки, а будто отверделн, без блеска сделались. И Вирка первая опустила свои. На утро долго маялась, собиралась уйти, но не ушла. А Павел, как обычно, говорил с ней, о чем дело говорить выходило. И ночью, в первый раз на плече у мужика, Вирка плакала:

— Я и сама не знаю, как мне с тобой жить... Вот когда так, как сейчас, согласна ноги твои мыть, да воду эту пить. А когда тошно мне с тобой, скушно, и убежала бы я от тебя, только бы не видеть.

Он отозвался тихо:

— Не мудри, да не дури. Живи и живи. Работу справляй, детей моих обихаживай и об себе старайся. Ну, спать я хочу. Хватит разговаривать-то! Сроду с бабами так не валандался. Спи!

Так и жили. Будто дружно, а не вплотную. Долгих разговоров и разговаривали. А ночью и вовсе. На поцелуи горяч и ласков, а на слова скуп. Но сегодня, лежа рядом, долго проговорили. И Павел больше, чем Вирка. Про город, про царей нехорошее, что узнал в городе, рассказывал. Про всю жизнь. Отчего трудный век человечий для бедного, для низкого на земле и совсем лих. О мужиках говорили. Вирка слушала его слова, как песню на близком, родном, но все же не на своем языке. Звуком, напевом трогает, а слова не все поймешь. Оттого еще слушать и слова понять охота. Но днем опять мало с ней разговаривал. Потом в город поехал и целых две недели проездил. Прохарчился в городе. Пришлось овцу, которую было завели, продать. Вирка сердилась, но ему сказать не посмела. Не жена — на срок взятая хозяйка! Пусть, как хочет. Опять друг от друга будто подальше подались.

— Куды лезете? Воевать не надоело? Солдаты чуть передохнули, а сколь накалечено! Вояку-то главного Николашку сдвинули куда следует, а вы дуром в тот же хомут, только с другой шлеей. Э-эх, мало вас нужда.

видать, забирала! За землю держитесь? А кто на земле хозяевать будет, коль война не скончится? Кто войну кончать хочет? Большевики, только они одни и стараются. А вы... „до победного конца!" Глядя, дадут вам конец. Расшеперились, а сами на смерть лезете.

За больное зацепила, но оттого еще больше разгневались. К ученым бабам, мужикам про общественные дела разъясняющим, привыкать уж стали. Но чтоб своя деревенская, да еще с зазорной жизнью недалеко за плечами, учить принила...

— Ах, ты, стерва... Чего еще разбирать-то хочешь?

— У большевиков все общее, бабы, сказывают, общие будут, так вот и охотится по прежней закваске!

— Чего с ней больно растабарывать. Стребай, поучи!

Трое наскочили бить. В ярости с необычайной силой от трех мужиков отбилась. Царапалась, кусалась. Хоть с разбитым в кровь ртом и с подбитым глазом, с ноющими боками, но живая и некалеченная вырвалась. А мужики, раззадорившись, к кузнице пошли. Там и произошла жаркая схватка.

Павел ругал Вирнею, плевался, а потом смеяться начал:

— Вот так оратор! Шибко ладошами били... только по ораторовой по морде. Все-ем собра-анием...

Долго на деревне бабы Вирку дразнили, как она мужиков учить ходила. Анисья даже плюнула с сердцем при встрече:

— Думала я все-таки, что толк в тебе есть, не вовсе дурная. А теперь гляжу: порченая. Совсем порченая. Не то, так это, а никак не живет в лад с правильными людьми.

Вирнея засмеялась.

В скорости после разговора с Вирнеей новую полицию из городу прислали. Солдат в волость стонять, чтоб назад в армию отправить. Полиция та ни с чем тайком ночью обратно выбралась. А все же волнение поило.

Пришел час, земля к себе мужиков затребовала. Сгасли в Актыровке споры и разговоры. В жильном мужичьем труде про всякие перемены забыли. И малоземельные, и батраки на чужом поле по-старому со всем соком, со всей силой в землю ушли. Брошенным без засева малый его надел только у Павла остался. На крестьянский с'езд в уездный город согласился. От волости послали. И до самой осенней уборки жизнь в Актыровке старым порядком шла. А осенью взбаломутились снова. Про выборы в Учредительное Собранье шибко загаллели. Павел надолго в волостное село перебрался. Совсем отшибся от хозяйства, и лошадь продали. Последний запас хлеба доедать стали. Вирка по людям работать опять ходила: ребят надо было кормить. Хоть кормили ее, но на работу брали. Коль хорошо для хозяйства старается, и сатану наймешь в жаркую пору. Павел опять в выборные попал. Листки принимать для Учредительного Собранья, в окружную комиссию. И это новое слово уж почти все в деревне узнали.

Поржавели листья у деревьев, стала стынуть земля. Солнце ласково тужилось, давало тепло, но уж чуялось, что не то оно, как летом. Смирное, без жаркости. И в воздухе печаль. Снимали хлеба. В осенней стрижке своей печальными стали поля. Павел из волости в Акгыровку приехал. листки с номерами привез. Много номеров, всех и не упомнишь, даже башкирский русским дали. В волость в назначенный день везти, в ящик складывать. Сначала шумели мужики, что не будут те листки отвозить, мытариться. Но опять суматоха за сердце забирала. Война все не кончалась. Из-за земли спор с башкирами пошел. Акгыровка на арендованной у башкир земле. Оттого и под названьем нерусским, под башкирской шапкой ходила деревня. Ак-гыр — белая лошадь. Белолошадовкой надо бы звать. Аренда кончилась. Башкиры грозили землю отобрать, меж собой делить. И деревню русскую обещали совсем уничтожить. Жатву с горем и с боем снимали. И про войну и про землю, мол, решит Учредительное Собранье. Оттого, как близко время ко дню выборов подошло, затревожились. Стали списки разбирать, какой к чему. Один только можно опустить. выбирать надо. Бабы к Вирке забегали, чтоб раз'яснила. какой листок опускать:

— Уж скажи, касатка! Как ни то помоги! Сперва было ровно совестно. Куды бабам лезть? А теперь мужики сами заставляют. а что к чему — не рассказывают.

— Вирка, какой из этих листков на конец войны? Ну-ка, расскажи.

— Слышь-ка, мужик велел мне первый опускать. Мы. мол, с хорошим достатком, нам номер первый. А я к тебе тайком: сын у меня еще не вернулся. Ты мне скажи, какой большевиковский-то. Я его тишком суну.

— Пятый, тетка, суй пятый. Против вашего брата он, а все одно — суй. На конец войны он.

— А пускай против. там разберемся. Сынок-от бы хоть вернулся. У отцов сердце твердое, а мать как замается, дак ни то листка — ножа вострого не побоится. Пущай, что хочут, делают, только бы живой воротился.

Бабы горились, что цифирь разбирать не умели.

— Какой он тут пятый, разве упомнишь с непривычки. Другие-то изорвать бы,— мужик ругается. Он за третий. Ну-к, Вирка. капни масляцем который пятый. Я его и положу.

— Павел сказывал, выкидывать будут меченые-то.

— А. небось, не выкидают. Много ль грамотных? Все пометят. А ты легонько. чтоб сгоряча не увидали. Вот где-нибудь в уголочку.

И Вирка капала. Помечала малой отметиной.

Всю свою жаркую страсть и тоску по Павлу Вирка в заботы и хлопоты по его делу вложила. Акгыровка стояла в стороне. Казаки расправу чинить в ней еще не появлялись. Но властно наложили руку на всех Павловых пособников кержаки с горы — Кожемякин и еще пятеро богатеев.

Ездили с возами в казачий лагерь, оттуда привозили приказы. Десятерых мужиков из акгыровской бедноты и восьмерых из бараков отвезли в город, в тюрьму. С десяток в волости пороли нещадно. Вирку тоже в волость таскали на допрос. Она отвечала сдержанно и покорно, чтоб Павла не подвести. Только глаза прятала:

— Ничего не знаю. Не венчанная, ведь, жена, так... полюбовница. Взял и уехал. Теперь, может, с другой тешится. Где, нету слуху. Я вот тяжелая, да еще двоих на меня кинул. Кабы знала где, сама бы хоть за себя наказала бы его. Не смолчала бы, выдала. Все одно, он со мной жить не будет.

Вновь поставленный председатель волостной управы кулаком по столу стукнул:

— Врешь, б...., потаскуха! Как провожала его, видали люди.

— Провожала, просила не бросать одну с детями, без всякого запаса. А куда уехал, не сказал.

Три дня в холодной при волости отсидела. Потом опять пытали мужики. Уж не про Павла, а про пособников его и про то, кто к большевикам сейчас льнет. Вирка упорно отзывалась незнаньем, только все на обиду от Павла жаловалась, что с детьми без помощи всякой бросил ее. Помаяли и отпустили. Тяжелевший с каждой неделей Виркин живот не мешал ей в потайных углах со своими видеться, быстро ходить и еще работой себе пропитанье добывать. А тут еще Павел два наказа в тайности выполнить велел. Один: за десять верст в деревню письмо верному человеку отнести. Другой: мужика одного целую неделю прятать. Когда первый наказ передали ей, вздохнула она. Потом сказала худощавому старику в беженской одеже:

— Сама пойду. Кого поцелешь? Сноровку надо, а главное, чтоб без страху.

И ходила сама за десять верст, будто бы в больницу. В том селе как раз больница была. Обратно чуть ноги тащила по неровной снежной дороге. Но дотащила, и концы чисто схоронила.

Другое было трудней. Но все-таки уберегла в подполье. Даже соседские бабы ничего не унюхали. И чем больше старалась, тем дороже становилась ей ее вторая тайная жизнь. Теперь с подлинной верой говорила своим при встречах:

— Хочь мы и пропадем, а тем помогать надо. Совсем задавили маломощных.

Видеться было трудно. В деревне каждый вздох слышен, и каждая новая щепка на дворе заметна. Но вот пришел слух, что Павлов отряд к Акгыровке подвигается. Павел на словах с парнишкой безусым, но строгоглазым, передал:

— Хорошо, кабы вы с загылку их пажгли. Какое-нибудь восстанье бы наладили.

Вирка с этой вестью пошла в бараки. Постройку давно забросили, но беженцы и безломовые, работавшие раньше на дороге, в бараках жить

остались. Шибко шла, но чутко ушами и глазами за дорогой следила. Никого не встретив, дошла. В большом бараке жило трое одиноких мужиков и четверо семейных. И все были одного большевистского толку. Оттого Вирка без опаски вошла. Но разговор не сразу начала:

— Здравствуйте-ка! Тетка Дарья дома, что ль?

Дарья от печки отозвалась:

— Здесь, дома. Ты чего, Вирка?

— Да вот к тебе, пощупай-ко ты меня... В повивалках ходишь, знаешь. Что-то больно одынка замаяла. Скоро ль разрожусь?

Дарья усмехнулась:

— И щупать нечего. Так видать, не боле недели носить. Да ты говори дело-то. Тут никого чужих нет. Сейчас мужиков со двора позову.

Когда собрались, Вирка дрогнувшим голосом сказала:

— Ну, мужики, зачинать драку надо.

И, откашлявшись, уж спокойно и ровным голосом рассказала, что Павел передал.

Мужики не сразу отозвались. Долго, раздумчиво молчали. Первый, белесый и хлипкий, Васька Дергунцов заговорил:

— Нет, товарищи, нам это дело не сделать. Напуган сейчас народ. не подобьешь. Мается, а молчит.

И другой, с седоватыми, коротко и неровно стриженными волосами, подтвердил:

— И думать нечего! Как блох, переловят.

— Подождать надо. Может, как совсем близко наши к деревне уж подойдут, тогда. А сейчас никак нельзя.

Вирка поднялась. Глядя хмуро, исподлобья, спросила:

— Это и весь сказ?

— А дак чего же?

Больше ничего нельзя?

– Дело не выйдет.

— У наших там войско. Пусть уж стараются как-нибудь к нам пробраться, тогда подмогнем. А сейчас ничего не сделаешь.

— Ах, вы, собаки! Мне ли, бабе, да еще какой, дурной бабе, учить вас? Али там корить? А вот приходится. Словами только блудили, а как до дела час дошел. дак слюни пускаете? Нельзя так, мужики! Нельзя, братцы вы мои, товарищи! Какая жизнь-то у вас, долго еще протянете? Кто говорил: стоять до последнего. До чего жидка в страхе душа у человека. Сволочи вы! Не хотите, не надо. Еще людей наберу. Мне не поверят, жизни своей поверят, что нельзя боле ждать.

Глаза у ней жгли и молили, а голосом твердым говорила:

— Придет час, вернутся наши. Тогда опять к ним лицом, а не задницей повернетесь? Ну, дак ладно, я одна, баба. вот в тягости, одна пойду дело заводить. Охота дале в голоде да в побоях жить, живите. Вот этот кобелишка-то хилой тявкал: сердце чешется против кержацкого насильничанья. А теперь еще казаков ждать будут! Все одно. не помилуют, хуть

вы им ноги все излижите! Давно косо глядят, чуют, какая дума-то у вас. Наши подходить станут, все одно, с вами расправятся. Ну, ладно, нечего мне с вами, видно, и разговаривать.

Пошла было к двери. Но мужики опять загалдели. Ругали Вирку, спорили, а все же порешили сделать, как Павел указывал.

Вирка со светлым лицом уходила. Будто на большую радость спешила итти, а не на трудное дело. Седоватый стриженый сказал ей со смехом:

— Ты, баба, выходит, у нас и за командира, и за попа полкового. Ишь ты, начесала сколь. Целу проповедь высказала.

А командир чуть домой дошел. По дороге схватки начались. Но все же сама за бабкой Козлихой:

— Айда, скорей. Рожать, видно, я наладилась.

В избе у себя Вирка долго не хотела лечь. Ходила по избе, крепко стискивала зубы.

Козлиха прикрикнула на нее:

— Чего ты молчком? Кричи, кричи, легче будет. Первый раз эдакую каменную бабу вижу. Без крику рожать собирается.

Вирка улыбнулась коротко и тускло. И опять, сморщившись, сказала порывисто:

— Пускай с радостью-ю на све-ет выходи-ит. Шибко долго я его ждала-а... Не хочу кричать, хочу в легкости родить его.

И крикнула только раз. Коротко, сильно. Будто не от боли, а от восторга. И тогда несказанная легкость уладила тело, услышала на-диво звонкий крик рожденного.

— Ишь ты, какого орластого выродила. Да большой. Отцу погля-нется. Ты чего? Не сомлела?

— Не-ет. Покажи... Сыно-ок!

— Откуда узнала? Ишь ты, дошлая. Ну-к, пущай полежит, потружусь около тебя.

Недолго Вирка на сына радовалась. Через пять дней, когда ждала от своих извещенья, как у них там наладилось, ночью в дверь тревожно и тихо кто-то застучал. Вирка к двери, спросила шопотом:

— Кто?

Бабий напуганный голос сказал:

— Открой скорейча, впусти.

Но в избу Дарья не вошла, из сеней тихо спросила:

— Козлиха-то у тебя?

— Тут, сегодня пришла, заночевала. А что?

— Где она?

— На печке спит.

— Буди скорей, пущай возьмет ребенка, а сама айда беги, не медля. Через огород туды, к речке, а там тебя Парфен ждет.

— Да ты что? Ребенка-то я как...

— Ребенка, а коль саму прикончут? Павлу надо успеть слушок пу-ять, а то втянается. Да собирайся ты, буди Козлиху. Чего стоишь?

— Дак чего ты сразу...

Казаки приехали, у Кожемятова сейчас. Кожемятов батрачишка-то с ими ездил. Слыхал, что пронюхал Аниким, дознался про наше дело. С доносом в станицу ездил. Ну, только называл, что тебя да мово мужика. Мой-то схоронился, айда беги. Ой, кабы меня тут не застали. Дак огородом-то... Огородом к реке.

И нырнула в темноту. Вирка взяла ребенка из зыбки:

— Баушка, баушка!.. Нако-сь.

— Ну, чего ты взгомозилась? На печку его, ко мне? Ну, давай.

Сильно вздрогнула, будто от тела оторвала теплый живой сверток и подала старухе. С лицом настороженным, без слез, без вздохов, быстро накинула платок и полушубок и выбежала из избы.

— Вирка-а! Вирка, ты куда? Что это, осподи, попричилось, что ли, с ней что?..

Поняла только, когда в дверь, оставленную после Вирки без запора, ввалились казаки и мужики. Поняла, поглядела спокойно и стала унимать заплакавшего мальчишку:

— Ну-у, ну-у, распелся на ночь глядя. Ш-ш-ш!

— Ты, старая хрычовка, где баба?

Убегла куда-то. Я не спрашивала, мне на што? Думала, скоро вернется. Мне чего? За ей не побегу, не молодая.

Рыжеусый казак шашкой погрозил:

Сказывай, а то не удержишь башку на плечах.

Она и то плохо держится. А чего я скажу? Убегла, слова не сказала. Хуть кишки выпусти, чего я скажу боле? Не палезай на дите-то, злыдень. Задавишь неповинную душеньку.

Аниким Кожемятов сказал черняво му офицеру:

— Ничего теперь, ваше благородие, не добьешься. Она правды старухе-то не скажет. Следить за избой надо.

А седой, худощавый и строгий, похожий на святителя с иконы старого письма, Антип-кержак сказал:

— Пущай ребенок с бабкой тут остаются. Сама придет. Молоко ее к дитю приведет.

На том и порешили. Караульщики во дворе в хлевушках запрятались. Днем искали, не нашли. Три ночи карaулили. На четвертую, уже за полночь, в самый глухой и темный час, насторожился под навесом рыжеусый кержак и шею вытянул. С огорода темная женская фигура двигалась. Дыханье, как охотник, видя зверя, затаил. И Вирка шла легкой сторожкой поступью зверя. Как волчица к волченку своему, пробиралась. Будто след нюхала, вытянув шею и влекомая своим запахом,— запахом крови, из ее жил взятым,— шла кормить или выручать детеныша своего.

У самой двери в сенцы была, когда крикнул резко рыжеусый другим, укрывшимся темнотой:

— Имай! Держи ее! А-а, поймал! Беги, Сычев, зови его благородие.

Вирка закричала пронзительным, долгим криком и забилась в дюжих руках приземистого казака.

— Стой... Стой! увертливая какая! А, ты кусаться, стерва! Стой!..

Вирка рванулась, высвободила руку и с большой силой ударила казака в переносицу. Выгнулась всем телом, ударила ногой его в пах. Казак взвыл от боли и выпустил ее. Но подоспел рыжеусый, скрутил ей руки за спиной. Она билась, качала казака во все стороны. Он неловко повернулся, заступил ногой за ступеньку крыльца и упал. Падая, увлек за собой Вирку. Она закричала еще раз резко, пронзительно и смолкла. Затылком ударилась об острую железную скобку для отскребания грязи, вбитую на доске около крыльца. И тогда же из избы донесся живой и требовательный плач ребенка. Виркины глаза встрепенулись в последнем трепетанье и погасли...

Н. Некрасов

Кому на Руси жить хорошо

(Отрывок)

Матрена.

Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
Все, что в песенке
Той певалося,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?

Странник.

— Начинай, кума,
Нам подхватывать...

Матрена.

Спится мне, младенькой, дремлется.
Клонит голову на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает.
Сердитый, по новым, погуливает.

Странники (хором).

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Сноxе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты, сонливая!
Встань, встань, встань, ты, дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена.

Спится мне, младенькой, дремлется.
Клонит голову на подушечку;
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает.
Сердитая, по новым, погуливает.

Странники (хором).

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты,— сопливая!
Встань, встань, встань, ты,— дремливая!
Сопливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... Попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой;
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай:
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекор обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч!
Поймали,— полумертвого
Подкинули в сарай...
Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на сапочках
В Екатеринин день,—

И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело.
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то,
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...
— Уж будто не колачивал?
Замялась Тимофеевна.
— Раз только,— тихим голосом
Промолвила она.
— За что?—спросили странники.
— Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,—
У ней коты разбилися.
— Дай башмаки Олепушке,
Жена!— сказал Филипп.
А я не вдруг ответила:
Корчагу подымала я,—
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо ты приехала,—
И так походишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.
Филипп подбавил женушке.
— Давненько не видались мы.
А знать бы — так не ехать бы!
Сказала тут свекровь.
Еще подбавил Филюшка...
И все тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать: да уж сказала я:
Не скрою ничего!
— Ну, женщины! С такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, рады случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку.
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается,
За шелкову плеть
Принимается.

Хор.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! люли! люли!
Кровь пробрызнула.
Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! люли! люли!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор.

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...

Ах! люли! люли!
Кровь пробрызнула...

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный, был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу — белизна,
У маку — губы алые,
Бровь черная — у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола — глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят, — работаю,
Как ни бранят, — молчу.
Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
— Ты писаная кралечка.
Ты наливная ягодка...
— Отстань, бесстыдник! Ягодка,
Да бору не того!
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,—
Так в избу прикатит.
В сарае, в риге спрячуся.
Свекровь оттуда вытащит:
— Эй, не шути с огнем!
— Гони его, родимая,
По шее! — А не хочешь ты
Солдаткой быть?— Я к дедушке:
— Что делать? Научи!
Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня...

А. Неверов

Жизнь так велит

1.

Старая стала бабушка Анна, пора умирать, а волю из рук упустить не хочется. Привыкла, чтобы сноха слушалась во всем, из-за этого и грех вошел. На войне убили сына у бабушки. Долго плакала она, и Настасья, сноха, долго плакала, а все равно, всю жизнь не проплачешь. Настасья потеряла только мужа, которому отдали ее глупой девчонкой, и плакать она раньше бабушкиного перестала. Сердце не камень, хотелось без слез пожить.

Бабушка Анна плакала дольше. Сын для нее костылем был, и думала она опереться на него под старость. Видит бабушка — Настасья не плачет, стала сердиться, ворчать.

— Высохла роса на лугах — высохли и слезы женины. Материнское сердце не эдак болит. Вот она, ветрогонка!..

Дней проходит больше, и скандалу в доме больше становится. Ворчит бабушка Анна, а у Настасьи щеки вспыхивают, глаза разгораются. Тесно двум в одной избенке. Говорит Настасья, чтобы вперед греха не было:

— Ты мне, маманька, не мешай! По-твоему, все равно, ничего не будет.

Бабушка привыкла свою волю держать, тоже говорит:

— И по-твоему ничего не будет.

Пошла к старику Смирнову на жалобу.

— Василий Микифорыч, постыди хоть ты немножко: житья в дому не стало мне.

И Настасья пошла к старику Смирнову на жалобу:

— Дядя Василий, рассуди нас,— я не могу больше...

Пришел Смирнов в избенку к ним, спрашивает:

— Чего делите?

Стали разбирать — делить нечего: хлеб есть, солома есть, скотина есть.

Смирнов-старик так и сказал:

— Беса вы тешите! Ему такие дела на-руку. Убейте его!

Тут Настасья сказала:

— Нашего беса не убьешь!

И бабушка Анна кричит:

— Я не буду убивать, а из избы, все равно, не прогонишь меня.

Досадно Настасье.

— Вот ты какая старуха бестолковая! Разве я гоню тебя? Живи! Я давно говорю тебе: живи, а мне не мешай. Пить-есть будем из одной чашки, а думать каждая по-своему. Ты — как тебе хочется, я—как мне хочется.

Рассердился Смирнов-старик, рукой махнул:

— Вас не разберешь одной головой, ступайте в исполком.

— Она виновата, она! — показывает бабушка Анна. — Ей хочется по дорожке пойти.

— А вот и неправда! — говорит Настасья. — Никогда я не хотела по дорожке итти. Я только жить по-своему хочу, а ты мешаешь мне. Разве виновата я, что хочу по-своему жить?

Смирнов старик тоже так думает:

— Верно, молодому—молодое, держать нельзя...

Велух другое сказал:

— Хитрое дело людей судить...

2.

Темные глаза у стариков, и жизнь им кажется темной: солнышко не радует, и птицы не поют. Висят грехи перед глазами — весь мир кажется грехом. Смеяться—грех, радоваться—грех и жить по-своему— грех.

Бабы при мужьях, как лошади в уздах.

Бабы без мужьев, как жеребята на лугах.

Старые плачут, молодые играют.

Вот и выходит грех.

Жизнь старикам кажется длинной, молодым короткой. Хочешь жить — живи сегодня, на завтрашний день не надейся. И Настасья думала так:

— Больше плакать — больше слез. Воду в реке не вычерпаешь и слезы никогда не переплачешь. Кому от этого легче?

А бабушка Анна червяком грызет Настасьино сердце.

Еще больше стало шуму в избенке. Натыкаются друг на друга две пары враждующих глаз, готовы все горшки переколоть под горячую руку. Глядит раз бабушка Анна, а сундучек ее, что пятнадцать лет стоял на одном месте под лавкой, очутился на дворе. Как тут терпеть! Взяла она новые Настасьины башмаки с полочки, выбросила в сени. Настасья взяла бабушкины башмаки, в которых бабушка по праздникам ходила в сухую погоду, поставила на сундучек.

— С богом, матушка, грешить нечего!

Пошла бабушка в исполком искать закону, защищающего стариков.

Пошла и Настасья в исполком искать закону, защищающего молодых.

Сидит бабушка в исполкомском коридоре, черный платочек завязан двумя узелками. Вся сила у нее в слезах. Ими думает и судей разжалобить, и законы смягчить.

Настасья не плачет.

Пришла в малиновом полушалке. Двое ребят у нее. За ребятами она, как за каменной стеной. Ее осудят — ребят осудят. У какого закона поднимется рука на ребят?

Первой перед судом выступает бабушка Анна.

Главный судья говорит ей:

— Короче, Ермолавна, ближе к делу!

А бабушка Анна не умеет короче. Сбитая с толку, молчит.

— В чем винишь ее? — спрашивает главный судья. — Из-за чего началось?

Молчит бабушка Анна и сама не знает — из-за чего.

Выступает Настасья.

— Я, товарищ судья, не виновата. Заела она меня!

Бабушка Анна в слезы:

— Бесстыдница ты!

— Какая бесстыдница?

Все глаза на мужиков проглядела. Обрадовалась - мужа своего нет...

Настасья улыбается.

— Слышите, товарищи судьи, всегда вот так позорит! И смеяться мне нельзя. А как же мне плакать, коли у меня слез нет?

— Молчи, срамница! — цыкает бабушка Анна.

Настасья не слушает.

— Ты жалуешься — выгоняю я тебя. Разве я выгоняю? Давно говорю: живи! Пить-есть будем из одной чашки, думать — по-разному. А ты меня хочешь переделать по-своему, ну, этого не будет. Мне не семьдесят лет. Был муж, жила с первым мужем, теперь поживу с другим. Кому какое дело? Я знаю, что делаю. Хорошо будет мне и плохо будет мне. А ты встаешь на дорогу, сердце точишь каждый раз. Бесстыдница я, мужа покойного не жалею, не плачу по нем! Да как же я буду плакать, коли у меня слезы пропали?

Спрашивает главный судья:

— Как вас мирить?

Отвечает бабушка Анна:

— Нас мирить нельзя. Делить надо!

— А делить как?

— Вы — судьи, лучше знаете.

— Помиритесь сами!

Бабушка Анна мотает головой:

— Я мириться не буду.

— А ты, Настасья?

— Я не ругаюсь, пускай живет. Хватит избенки, в любом углу сяди. Сама она под ноги лезет и меня хочет по-своему переделать. Ну, подумайте, товарищи судьи, разве мыслимое дело мне по-старушьи жить?

Замуж, что ли, хочешь выходить?

— Можно и по-другому...

— Замуж выходи! — говорит главный судья. — Замужем крепче.

— Я жила венчанной,—отвечает Настасья, — попробую невенчанной. Не все ли равно? А выйди замуж за вас, вы и привяжете около кровати, шагу шагнуть не дадите...

3.

Жизнь — река в половодье: лезет из берегов, разливается, и бабы не похожи на баб. Под замком, что ли, сидели—не слыхать было. Собрались около Настасьиной избы, кричат:

— Укоротитесь, мужики, будет вам бородами трясти! Разве можно для старого человека молодого ломать? Старику жить до вечера, молодому до утра. Старому плакать хочется, молодому — смеяться!

Вечером на улице песни заиграли.

Сидит бабушка Анна в потемках, как черный пенек среди молодой поросли, глядит на икону в переднем углу:

– Богородица, скорбящая матушка! Прибери мои кости ненужные: долго не проживу в этой жизни...

Хоровая декламация

А. Жаров. Наш день.
Чижов. Прессовщица.
Гр. Буревой. Женщине-работнице.

Александр Жаров
Голосовая инструментовка
Ю. Глазуновой

Наш день

(Для коллективной декламации)

с—т—а По заводам, деревням и штольням
Жизнь кипит и пенится борьбой.

с—а Довольно,

а—т Довольно,

Все. Довольно

Все. Женщине быть рабой.

с—т Бейте тревогу.

а—б Бейте тревогу,

Все. Полно молчать, горевать.

с—а Кто там еще вековую берлогу
Жизнью посмеет назвать?..
Кто?

Отвечайте! Молчите упрямо?

Соло а № 1. Что, смельчаки не нашлись?
Те, что позорную черную яму
Назвали: женская жизнь...

Вот она,

Соло а № 2. Взгляните честным взглядом
На ее смешной, убогий строй.

Соло а № 1. Вот она, плетущаяся рядом,
С той, которую зовут мужской.

Соло а № 2. Путь ее стенами замурован,
Беспросветен, тяжек и суров.

Соло а № 1. Путь ее кругом, кругом заплеван
Брызгами кастрюль и чугунов.

Ей, всегда тоскливой и забитой,

Соло а № 2. Грезится лишь издали досуг.
И везде—меж кухней и корытом
Строится ее житейский круг.

с Эту жизнь
Давайте звать жизненкой.

а Эта жизнь пусть будет нам—врагом.
Вот она,
Идущая сторонкой,

с—а Рядом с той,
Что катит большаком.

Женщины!

Соло а. Прорвемся на дорогу.
В строй жена, сестра, подруга, мать!

Бейте тревогу,

В с с. Бейте тревогу,
Время проснуться и встать..

с а Время встать и стать подругой вольной,
Породниться с огневой борьбой.

с—т Довольно,

а б Довольно,

Все. Довольно
Женщине быть рабой!

а Наш день будет сигналом

с—а Сегодня на улицы хлынем рекой...

Все. С Интернационалом
Воспрянет род людской.

с С нами весна будет смеяться.

а В наших песнях—взыгравшие льды.
Женщины всех стран и наций,
Крепите свои ряды.

Все. Старое взроем, как землю плугом,

Соло а. Женщина, тьму и позор—долой!

б Станешь товарищем,

т Станешь подругой
Там, где была слугой.

Все. От наших песен—небу жарко.
Ленин сказал: жена и мать,

Соло б. Умей быть не только кухаркой,
Умей республикой управлять.

с—а Сумеем.
Заветам вождя не изменим.
Плесень былого развеем, как дым.
Ленин—за нас. С нами Ленин,

Все. С именем Ленина
Мы победим...

По заводам, деревням и штольням
Жизнь кипит и пенится борьбой.

Все. **Довольно,**
Довольно,
Довольно
Женщине быть рабой.

Об'яснение обозначений:

с—сопрано.
а—альты.
т—тенора,
б—басы.
Соло „а"—один из альтов.
Соло „б"—один из басов.

Чижов

Прессовщица

Эй! прессовщица! Эй! прессовщица,
Трудна работа твоя.
Нажми рычаг рукою сильнее,
Пой песню труда.
Трос работает нас на машине.
Подай кирпич скорей!
Эй! прессовщица! Эй! прессовщица,
Нажми рычаг сильней.
Восемь часов монотонной пряжки:
Раз, два, раз, два.
Эй! прессовщица! Эй! прессовщица,
Трудна работа твоя.
Спину и руки вконец разломило,
Кончать охота скорей.
Нажми, прессовщица, нажми сильнее,
Кирпич подай быстрей.
Кончим работу—хохот и пляски
Будут у нас на дворе,
Жизнь играет, мы молодые,
В самой цветущей поре.
Эй! прессовщица! Эй! прессовщица,
Трудна работа твоя.
Нажми рычаг рукою сильнее,
Пой песню труда!

Гр. Буревой

Женщине=работнице

Утирая трудовой свой пот с лица,
— Выше голову,
Смелее взгляд вперед!
Прямо плечи!
— Женщина-работница,
Не рабыня-женщина, идет!

Пусть твой стан
В борьбе не знает сгиба,
Ношу долго не бросай с плеча.
У тебя, ведь
Компас без ошибок:
Заветы Ильича!!

Материалы для выставки

Цифровые данные для выставки.
Вожди Мирового женского движения.
Выдающиеся женщины пролетарки.
Выдающиеся женщины Востока.
Лозунги.

Материалы для выставки

Помещенные ниже цифровые данные должны помочь рабочим клубам при организации в их стенах выставок, посвященных 8 марта, международному дню работницы.

Пользуясь приведенным здесь статистическим материалом, таким сухим и скучным на вид, каждый клуб легко сможет показать своим посетителям все значение труда женщины для всего советского государства и всей советской общественности. Сухие цифры необходимо сделать живыми, нужно на основании имеющихся статистических данных показать в диаграммах, схемах и таблицах степень участия женщины СССР в производстве, в партии, в управлении огромной страной.

Каждый клуб легко сможет дополнить эти цифры, охватывающие весь союз в целом, местными сведениями. Эти местные цифры, рассказывающие о значении женщины для местного края, для родной фабрики или завода, должны делать выставку еще более нужной и интересной для каждого рядового посетителя клуба. Местные данные будут сравниваться посетителем выставки с общероссийскими, будут бросаться ему в глаза всякие отличия и отклонения; невольно будут делаться соответствующие выводы.

Дело руководителей клуба — умело подобрать материал, пользуясь для этого приведенными здесь данными, и сопоставить его с данными, добытыми на месте. Сопоставление это может быть чрезвычайно нужным и поучительным; приведем только один пример: общий для СССР % работниц, вошедших в ленинский призыв в партию — 11; сколько мыслей может вызвать сравнение этой цифры с % местных ленинок, почему-либо отстающим от общероссийского процента! Каждая помещенная на выставке диаграмма может дать толчок к самодеятельной работе мысли; взять хотя бы % женщин в партии, комсомоле и пионерском движении — % этот резко повышается (в партии женщин всего 10%, пионерок же целых 42%). Посетитель выставки должен задуматься над этими цифрами. Помочь ему ответить на невольный вопрос „почему" — дело руководителей клуба и дежурных членов на выставке. Посетитель не должен осматривать выставку один: ему должны даваться об'яснения и указания. Без руководителей он оставаться не должен.

На самих диаграммах можно давать краткие лозунги. Можно подчеркнуть на самом плакате-диаграмме основное значение данных статистических сведений: „Вперед к 50%“ — лозунг на диаграмме роста числа комсомолок в РЛКСМ, „Восточная женщина догоняет западных сестер“, „Каждая женщина должна уметь управлять государством“, и т. д.

Таким образом, сухая статистика, представленная на выставке в ярких диаграммах, должна дать богатую пищу уму самого среднего посетителя. Заинтересовать, научить, заставить думать своих посетителей — главная задача всякого клуба. Организация выставки поможет клубу выполнить

Собрание женщин-делегаток в день привоза тела Ильича в Дом Союзов

и другую свою задачу: дать работу, об'единить в общем деле клубный актив, основное ядро клуба. Активные члены клуба, привлеченные к выполнению всей черной работы по организации выставки — будут в процессе работы учиться, знакомиться с женским движением.

Успех выставки будет зависеть и от самого технического выполнения диаграмм. Художественные силы клуба должны быть мобилизованы. Диаграммы должны быть наглядными и понятными. Лучше совсем отказаться от выполнения кривых и делать диаграммы только столбиками и кругами. Очень хорошо вместо раскрашивания пользоваться способом монтажа — наклеиванием цветных полос бумаги, соответствующих столбикам диаграмм.

Цифровые данные для составления диаграмм на клубной выставке в международный день работницы

I. Женщина-работница

Общее количество женщин в профсоюзах

Профсоюзы.	Общее число членов союза.	Из них женщин (на 1/VII-1924 г.)	%-е *) отношение числа женщин к числу мужчин (на 1/VII—1914 г.)	То же *) на 1/I—1916 г.	То же на 1/X—1922 г.	То же на 1/X—1923 г.	То же на 1/VII-1924 г.
1. Рабземлес. . . .	324 669	46 437	—	—	23,7	16,6	14,3
2. Бумажники	29 932	7 572	36,0	40,8	29,7	27,3	25,3
3. Горнорабочие . . .	352 989	48 332	—	—	15,8	14,7	13,7
4. Деревообделочники.	130 721	16 114	9,7	13,9	14,8	13,2	12,3
5. Кожевники	96 110	12 619	17,2	26,2	20,4	14,3	13,1
6. Металлисты	550 233	69 801	4,5	12,2	16,2	14,0	12,7
7. Печатники. . . .	84 706	19 869	10,6	15,5	23,5	24,6	23,5
8. Пищевики.	273 813	57 361	26,0	34,0	25,8	22,5	20,9
9. Сахарники.	65 534	9 435	—	—	6,4	11,1	14,9
10. Строители.	271 237	14 179	—	—	12,5	6,3	5,2
11. Текстильщики. . .	512 848	271 847	55,0	62,4	57,7	53,8	53,0
12. Химики	162 563	45 123	23,8	30,3	28,4	28,1	27,0
13. Швейники.	58 070	34 987	—	—	69,9	62,5	60,2
14. Водники.	133 901	8 858	—	—	10,3	7,7	6,6
15. Жел.-дор.	691 447	72 137	—	—	9,2	10,2	10,4
16. Местран.	152 222	13 445	—	—	12,5	8,6	8,8
17. Нарсвязь	99 414	28 286	—	—	29,6	29,3	28,5
18. Рабис.	69 654	23 666	—	—	36,0	34,6	34,0
19. Медсантруд	349 322	208 623	—	—	56,2	59,0	59,7
20. Совработники . . .	740 097	136 391	—	—	25,9	21,7	18,4
21. Рабпрос.	534 378	300 447	—	—	59,4	57,1	56,2
22. Ком. хозяйства. . .	178 329	31 024	—	—	21,9	18,0	17,4
23. Нарпит	95 512	68 384	—	—	52,5	64,0	71,6
Всего. . .	5 955 701	1 544 937	—	—	28,8	26,4	25,9

*) Примечание. Данные для 1914 и 1916 г.г. взяты из таблицы А. Рашина—„Коммунистка", № 3,—1924 г.—и дают отношение числа всех женщин, занятых в производстве, к числу всех мужчин.

II. Женщина на профсоюзной работе

1. % женщин в фабзавкомах 18,0
2. % „ в РКК 11,1
3. % „ в комиссиях охраны труда . . . 25,5
4. % „ в культкомиссиях 24,5
5. % „ в ЦК союзов 4,3
6. % „ в губотделах союзов 5,0
7. % „ „ в уезди. отделениях союзов . . 6,9

III. Женщина в советах

% женщин:

	1922 г.	1923 г.
Сельсоветы	1,0	2,1
Волс'езды	1,2	2,6
Волисполкомы	0,3	0,5
Уисполкомы . . .	0,9	1,7
Губисполкомы . . .	2,3	3,7
Уезди. горсоветы . . .	8,5	12,3
Губ. горсоветы . .	11,3	14,0

IV. Женщина в РКП

А. Количество женщин в партии:

Годы	Всего членов	Из них женщин	%	Кандидатов	Из них женщин	%	Всего	Из них женщин	%
1922	041.755	30.434	7,4	112.744	9.500	8.8	514.529	39.934	7,8
1924	343.295	30.586	8,8	340.595	38.609	11,3	689.799	69.195	10,0

Б. Ленинский призыв:

Вошло в партию в ленинский призыв . 161.352[1])
Из них женщин 18.744
% женщин 11,6

В. Социальный состав женщин-партиек [2]):

1922 год.

Работниц 38,1%
Крестьянок 4,6%
Служащих . . . 42,5% } 61,9%
Прочих 12,8%

1924 год.

„Ленинский призыв изменил социальный состав женской части партии, повысив % работниц“:
работниц 47,5%
всех остальных 52,5%

Г. Женщина в руководящих органах партии:

На XII с'езде партии: . . 4 товарища или 1% состава с'езда.
На XIII с'езде партии . . 20 товарищей или 2,7% состава с'езда.

	К XIII с'езду	На 1/X 1924 г.
В губкомах . . .	3%	4,9%
В укомах	5,9%	6,5%

„Задача как вовлечения новых кадров работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока, так и выдвижения коммунисток в руководящие органы, попрежнему остается первоочередной задачей партии“.

(Из отчета ЦК).

V. Женщина в РЛКСМ

А. Число девушек в союзе по годам:

	Окт. 1922 г.		Январь 1923 г.		Январь 1924 г.		Январь 1925 г.	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
Юношей	201 799	81,7	233.322	82,0	342.814	84,3	845 000	84,5
Девушек . .	45.201	18,3	51.222	18,0	73.846	15,7	155 000	15,5

[1]) Число, учтенное статотделом ЦК. В настоящее время ленинцев больше 200.000.
[2]) Данные для 40 губерний центральной России.

Б. Количество комсомолок в деревне:

Всего комсомолок	155.000
Из них в городе	115.000 или 74,2%
В деревне	40.000 или 25,8%

В. Состав РЛКСМ на 1 сентября 1924 года:

	Юношей абс.	%	Девушек абс.	%	На 1.000 ч. молодежи приходится комсомольцев
1. Центр. промышлен. район . .	173.195	82,0	38 057	18,0	86
2. Уральск. обл. . .	32.575	80,9	7.688	19,1	43
3. Центр. Земледел. район	106.832	85.6	18.040	14,4	26
4. Украина	95.799	86,4	15.080	13,6	30
5. Белоруссия . . .	14.073	86,0	2.296	14.0	37
6. Автономн. обл. .	31.848	83,3	6.373	16,7	30
7. Юго-Вост. об'ед .	36.427	84.4	6.741	15,6	39
8. Закавказье . . .	45. 333	92,5	3.684	7,5	63
9. Сибирь	29.373	82,5	6.345	17,5	30
10. Кирреспублика .	14.331	81,8	3.194	18,2	25
11. Д. В. О.	14.491	82,6	3 119	17,4	68
12. Средняя Азия . .	29.213	93.3	2.114	6,7	22
Всего по СССР.	623.490	84.6	112.731	15,4	39

VI. Женщина и пионерское движение

А. Рост числа пионеров:

Октябрь 1922	4.000
Июнь 1923	75.000
Ноябрь 1923	100.000
Январь 1924	161.000
Июль 1924	200 000
Октябрь 1924	609.000
Январь 1925	1.000.000

Из них (на 1/I—1925 года):

Мальчиков	58%
Девочек	42%

Б. Вожатые пионеров:

Юношей 59%
Девушек 41%

В.

В партии женщин 10%
В комсомоле девушек 15%
Девочек-пионерок 42%

VII. Женщина-трудящаяся Советского Востока

А. Женщины Востока в профсоюзах:

	Всего в профсоюзах членов	Из них женщин	% женщин
1. Азербейджан . . .	113.915	13.220	11,6
2. Грузия	99.595	13.545	13,6
3. Армения . . .	14.663	3.006	20,5
4. Башкирия	37.620	8.940	27,0
5. Татария	77.153	19.789	25,7
6. Туркестан	78.640	14.250	18,4
7. Киргизия	65.782	12.650	19,2

Б. Женщина Востока в РКП:

На 1 января 1924 г. членов партии из числа трудящихся женщин Востока . . . . . 2.985 (5,18%).

На 1 сентября 1924 г. членов партии из числа трудящихся женщин Востока 3.132 (5,31%)

В. Партработа по Востоку:

1. Количество делегаток старого состава . . . 4.500 (1922 год).
   Количество делегаток нового состава . . 11.839 (1923 год).
   Из них по городам . 7.602
   „ по аулам . . 4.237
   „ русских . . 6.827
   „ корен. насел. 5.012

2. Артелей женских:
   1922 г. 94
   1923 г. 112

3. Клубов:
   Всего 20
   Из них показательных . 2

4. Правозаступников и нарзаседателей женщин:
   1922 г. 51
   1923 г. 276

5. Женщин-членов советов:
   Всего 854
   В исполкомах 104

Вожди международного женского движения

Роза Люксембург—вождь германского и мирового пролетариата. Родилась в 1870 г. в русской Польше. В 90-х г.г. участвует в основании „С.-Д. Польши и Литвы". С 1897 г. работает в германской с.-д. С начала

Роза Люксембург

войны занимает интернационалист. позицию и входит в „Союз Спартака". После ноябрьской революции в Германии ведет агитацию за соц. революцию. Убита вместе с К. Либкнехтом в 1919 г. бандой нем. офицеров.

Клара Цеткин — старый вождь мирового женского пролетарского движения, член исполкома Коминтерна и международного женского секретариата.

Клара Цеткин.

Родилась в 1856 году. С 80-х годов работает в германской социал-демократической партии, в которой занимает выдающееся положение. Во время войны, так же, как и Роза Люксембург, она борется против соглашателей, входит в „Союз Спартака". С III конгресса Коминтерна — на боевом посту в исполнительном комитете.

Тов. Конкордия Самойлова.

Более двадцати лет работала в партии. 1905 год застал ее уже сложившейся непоколебимой большевичкой. В годы реакции не покинула рабочего класса — работает в большевистских газетах, сначала в „Звезде", затем в „Правде", где одно время была секретарем редакции. Была также редактором женского партийного журнала „Работница". После революции работала преимущественно в области женского движения.

Скончалась от холеры в Астрахани в 1921 году.

Конкордия Самойлова

Инесса Арманд — будучи по происхождению из буржуазной среды, всю свою жизнь отдала рабочему классу и его партии. Принимала участие в революции 1905 года и попала после нее в тюрьму и ссылку. В годы реакции не теряет веры в дело революции, целиком уходит в работу: находясь в эмиграции, работает среди французских рабочих.

Инесса Арманд

Во время войны ведет борьбу с соглашателями и оборонцами. С февральской революции ведет работу, главным образом, среди женщин-работниц, является одной из организаторш I и II международных женских конференций.

Здоровье ее было подорвано громадной работой — т. Арманд скончалась 24 сентября 1920 года от сравнительно легкой болезни.

А. М. Коллонтай

А. М. Коллонтай — один из вождей международного женского движения. В социал-демократической партии с конца 90-х годов прошлого века. При царизме много раз подвергалась тюремному заключению. Во время империалистической войны остается верной заветам большевизма. Много работает для пропаганды идей нашей партии.

В 1918 году входит в состав Совнаркома, занимает ряд общественных должностей в Союзе. Последнее время А. М. Коллонтай работает в качестве полпреда СССР в Норвегии.

Одна из видных литературных работниц по женскому вопросу.

Выдающиеся женщины-пролетарки

Тов. Дора Нагорная —одна из тех, кого выдвинула Октябрьская революция. До Октября домашняя прачка. Выбирается делегаткой от села Колчановки, организует в своем селе школу, столовую, детские ясли и площадку. В партию вступает в 1921 году. Член Московского Совета, командирована на работу в детский дом детей погибших коммунистов, где и работает по 16 часов в сутки, отдавая детям все свои силы. Как относится т. Нагорная к своим общественным обязанностям лучше всего характеризуют ее собственные слова:

Тов. Дора Нагорная

„Слушая речи докладчиков, думать стала: ведь работа делегаток не только собрания посещать, надо что-то делать и у себя в Колчановке полезное. Подговаривала и других делегаток открыть в Колчановке столовую, детскую школу, детскую площадку и детский клуб. Все делегатки, за исключением одной, отказались помогать. Взялись мы вдвоем с тов. Крицц за работу. Завертелось у нас дело. Не прошло и полгода как все задуманное было сделанно. Сколько побегать по всем учреждениям пришлось. А в то время все эти учреждения были напиханы барышнями с завитушками, от которых толку добиться нельзя почти. Все переборола, а дело сделали. Еще и районную аптечку заложили. В перевыборах московского совета выбрали и меня членом. Сначала пугалась — думала, что полуграмотная, не гожусь. А потом поняла, что и я, полуграмотная работница, могу работать. Ходила на заседания секции, исполняла все постановления. В 22 году меня опять избрали членом горсовета. Так я и работала. В том же году жен-отдел командировал меня в детский дом, имени тов. Артема. Там я работаю и сейчас.

Тов. Аграфена Кожанова

Тов. А. Кожанова — красный директор Кохомской льняной мануфактуры в Иваново-Вознесенске. Во время самой сильной разрухи сумела поддержать производство. Еле грамотная работница, 13 лет проработавшая на фабрике. становится во главе производства и умело им управляет.

Тов. Теттер

Тов. Эльга Теттер — дочь бедного крестьянина, с 14 лет работающая на фабрике. Текстильщица. С 1914 года находится на революционной работе в подполье в Риге, а затем в гор. Харькове. После Октябрьской революции она избирается членом харьковского совета раб. и крест. депутатов, заведует женотделом, организует беспартийных женщин нашего Юга, работает и в Красной армии в качестве агитатора-лектора. Умерла, заразившись сыпным тифом во время одной из поездок в уезд для налаживания на местах советской работы.

Тов. Ольга Чернышева — питерская текстильщица. После казни мужа-солдата, ударившего царского офицера, вступает в подпольный политический кружок. После февральской революции она стоит во главе фабкома Новой Бумагопрядильни. При наступлении немцев на Питер в 1918 году пошла на фронт, а за нею отправились еще 80 работниц.

Тов. Ольга Чернышева

Была под Нарвой в партизанском железнодорожном отряде. В тяжелые для советской власти дни наступления Деникина в 1919 году она опять на фронте. В 1920 году она заведует женотделом в Харькове, избирается членом ЦИК'а Украины. С 5-го с'езда профсоюзов — член ВЦСПС, где и работает по вовлечению работниц в профдвижение.

Женщины Востока

Женщины Востока — рабыни из рабынь, самые угнетенные из угнетенных, должны привлечь исключительное внимание нас женщин, борющихся за лучшее будущее. С чувством особого удовлетворения помещаем мы, хотя бы некоторые биографии этих женщин, борющихся и работающих в исключительно тяжелых условиях.

Тов. Ли-у-цин

Ли-у-цин.

Коммунистка, первая делегатка-китаянка на III международном конгрессе коммунисток. Ведет работу среди женщин Китая.

Тов. Манишак Цатурьян

Манишак Цатурьян.

Армянка, крестьянка, коммунистка с 1922 года и член женохраны — была делегаткой на 2-ом закавказском с'езде советов. До 1922 года была организатором по работе среди женщин. Много положила труда на борьбу за освобождение женщины Востока.

Тов. Байнебетова

З. Байнебетова — башкирка.

С 1918 года член партии, неутомимый работник среди женщин Востока, отдавшая свои силы и здоровье на большую организационную работу по укреплению женотдельской работы, по сохранению жизни детей в 21 году. Принимала активное участие на всех созываемых с'ездах и конференциях в Татарии и в СССР. В 1919 году состояла членом ТатЦИК'а, в последнее время членом Бухарского ЦИК'а.

Анна Уразбаева — киргизка, дочь работника-печника

Секретарем Кирбюро при оренбургском губкоме вначале, членом президиума буксеевского губкома, завгубженотделом, членом 2-й област-

ной партконференции, а за последнее время членом обкома партии, членом обкома союза молодежи, членом КирЦИК'а и заведующей уже областным отделом работниц.

Тов. Азизбекова — турчанка

Заведующая клубом им. „Али Байрамова" в Баку — ярый защитник раскрепощения женщин Востока. Член партии.

Лозунги

„Международный день женщины-работницы—день об'единения женщин всего мира".

„Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Освобождение женщины-работницы должно быть делом самих женщин-работниц".

„Дело советской власти будет доведено до конца только тогда, когда в нем примут участие миллионы и миллионы работниц и крестьянок".

„Каждая кухарка должна научиться управлять государством".

„Женщина только тогда будет действительно освобождена и равна мужчине, когда она будет освобождена от домашнего хозяйства и будет участвовать в производительном труде".

„Задача сознательных работниц — способствовать отделению кухни от семьи".

„Женщина принадлежит не только семье, но и обществу".

„Закабаленная в семье женщина — тяжелая обуза на пути к коммунизму".

„Общественное питание — первый шаг к раскрепощению работниц".

„Говорили раньше бабе:
„Дальше кухни не ходи".
Нынче в школе я училась, —
То ли будет, погоди..."

„Женщина-работница еще невежественна, суеверна и неграмотна — только упорной борьбой она сбросит эти цепи".

„Профсоюз не забывает никогда
Охрану женского и детского труда".

„Пора избавиться от страшного ига,
Иго это — иго религии".

„От засухи при нужде в хлебе
Нас спасет наука, а не молебен".

„Некультурность — сильный и страшный бич.
Учиться нам завещал Ильич".

„Безграмотность — злейший бич трудящихся".

„Ликвидируй свою неграмотность: помни, что темнота, это — та же слепота".

„Клуб — твоя школа, твой отдых".

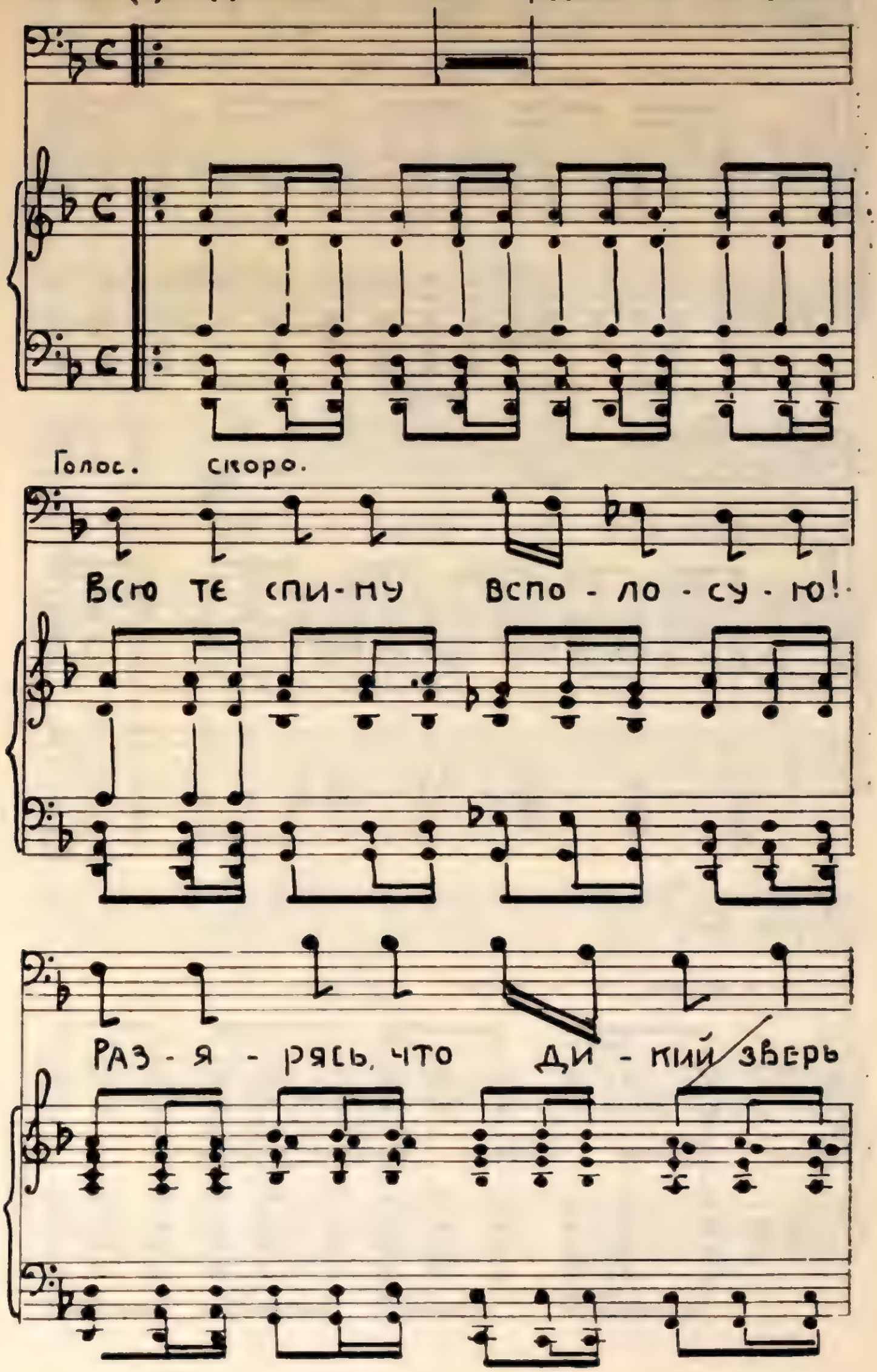
„Безграмотность — родная сестра разрухи".

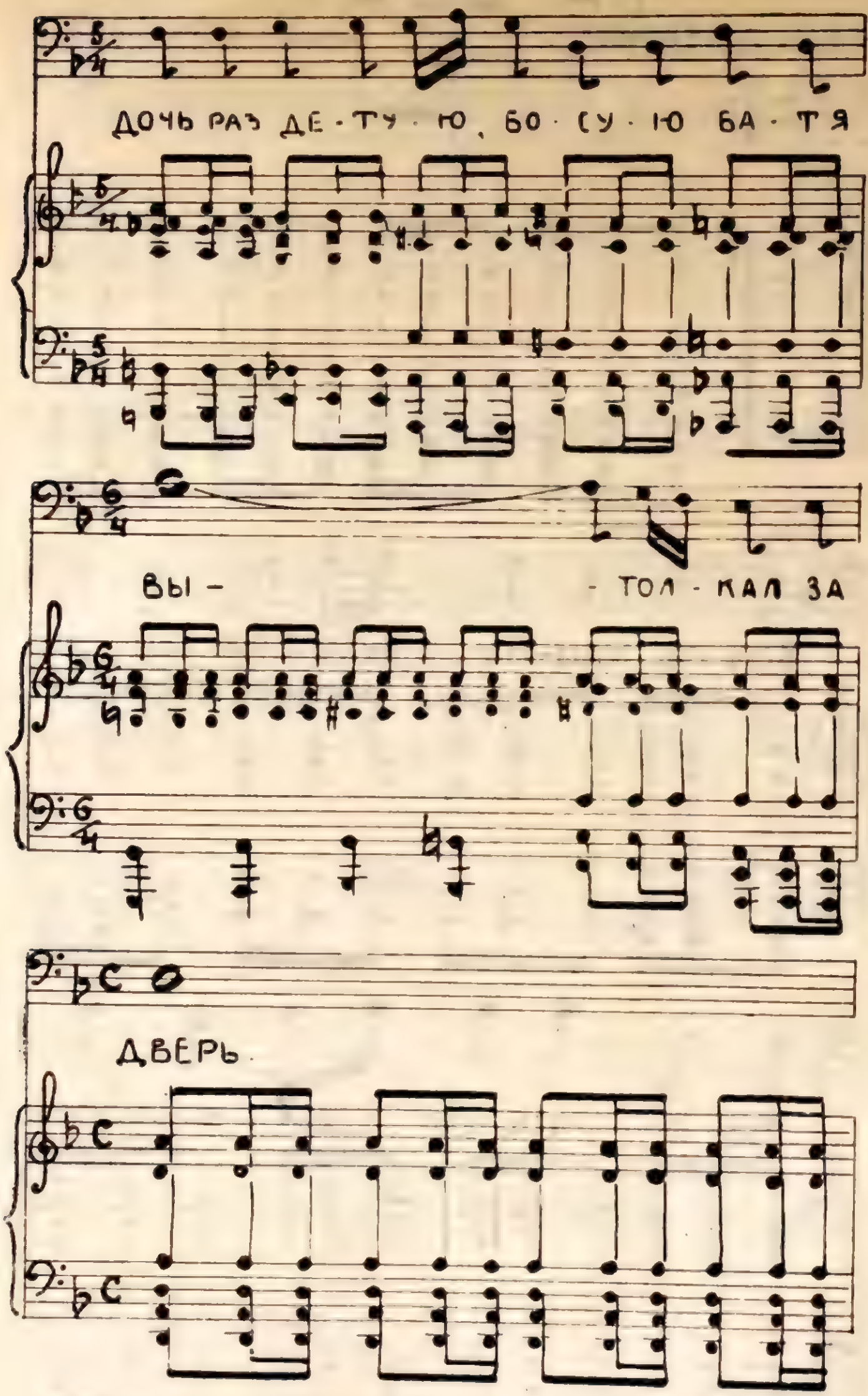
Приложение

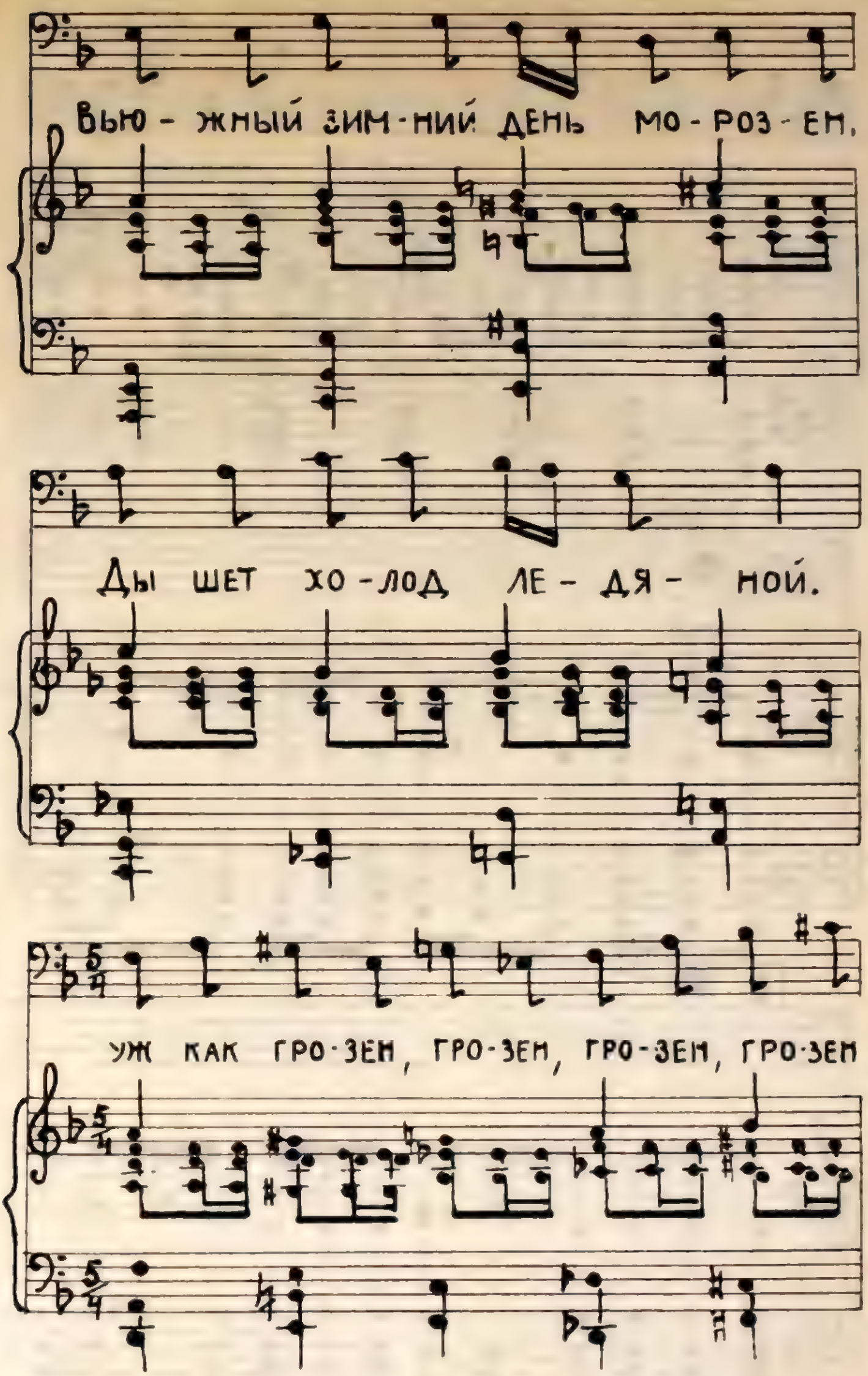
„На свет“ музыка А. Титова
слова Д. Бедного.
Что читать к международному дню
работниц.

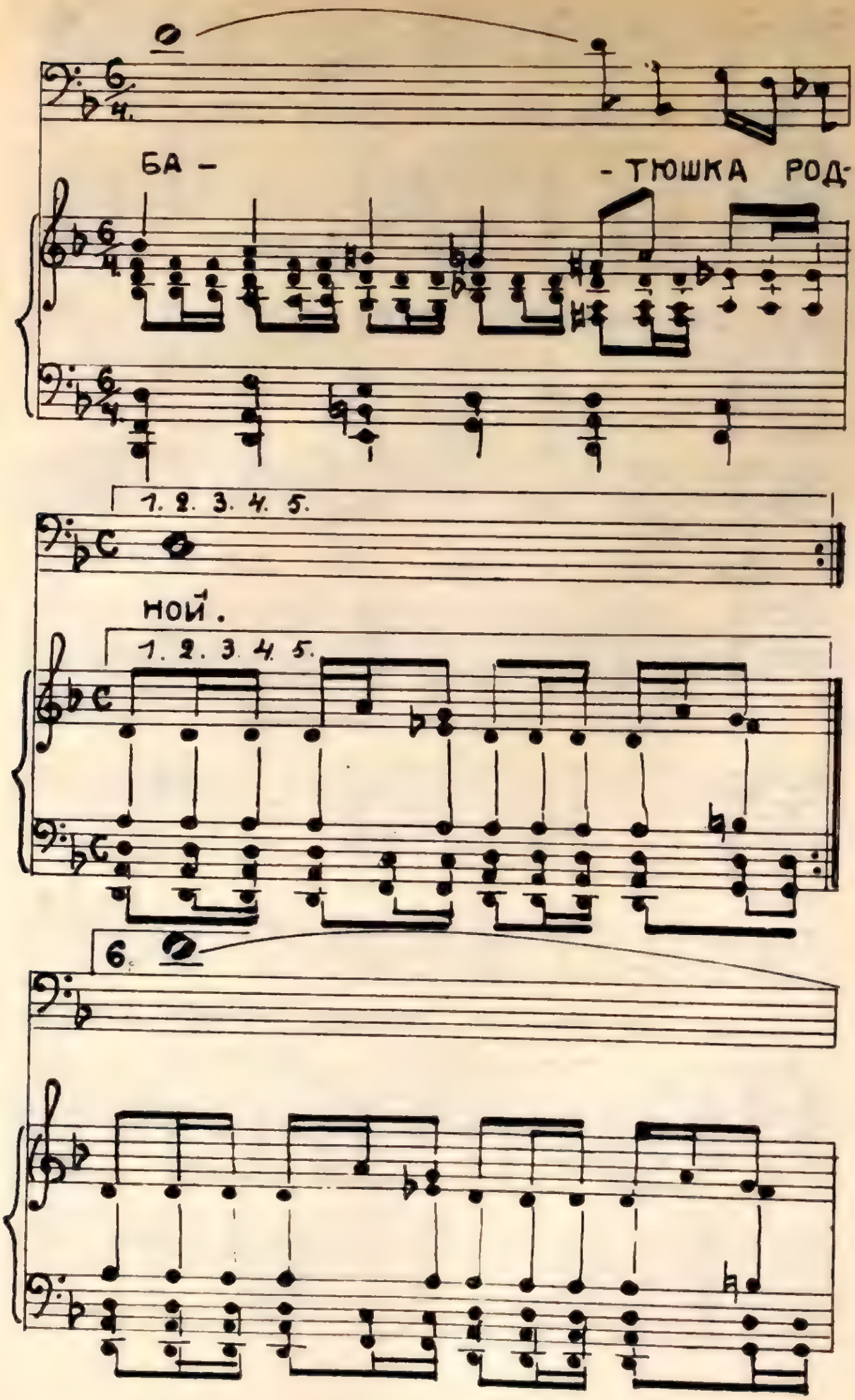
"НА СВЕТ"

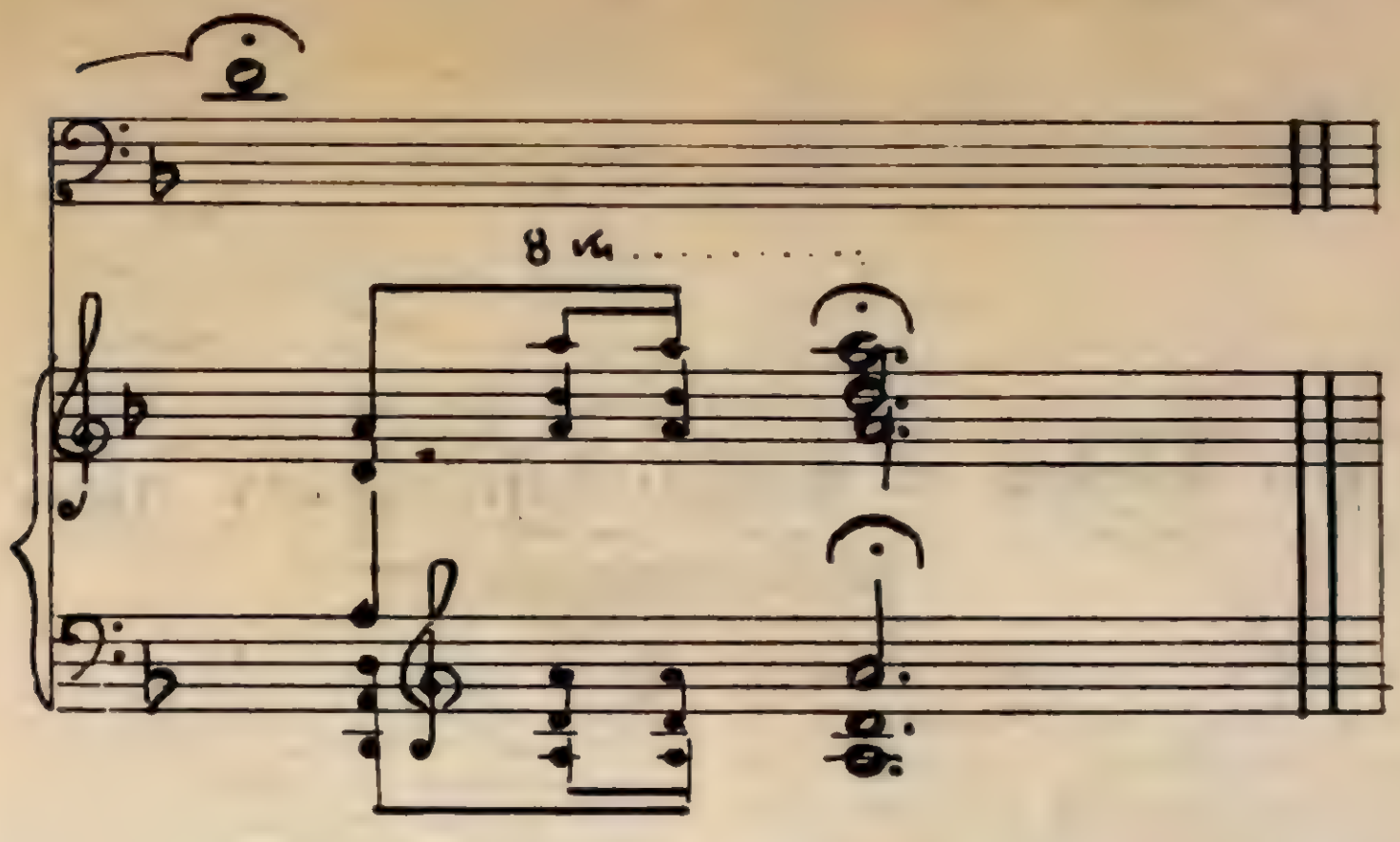
слова Д. БЕДНОГО. музыка А. ТИТОВА.




ДОЧЬ РАЗ ДЕ - ТУ - Ю, БО - СУ - Ю БА - ТЯ
ВЫ -
- ТОЛ - КАЛ ЗА
ДВЕРЬ


Вью - жный зим-ний день мо - роз - ен,
Ды шет хо - лод ле - дя - ной.
уж как гро·зен, гро-зен, гро-зен, гро·зен


БА -
- ТЮШКА РОД-
1. 2. 3. 4. 5.
НОЙ.
1. 2. 3. 4. 5.
6


8 va

Что читать к международному дню работницы

Бебель, А. Женщина и социализм. Пер. с нем. Под ред. В. А. Поссе, с статьей А. Коллонтай: „Великий борец за право и свободу женщины." М. П. Гиз. 1922. 485 стр.

Известная книжка А. Бебеля рассматривает положение женщины в прошлом и настоящем и рисует картины положения женщины при социализме. Книжка так интересно и просто написана, что может быть прочитана и мало развитой работницей.

Браун. Лили. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона. Перев. с нем. А. Ачкасова и П. Кугеля. М. 1922. 365 стр.

Книга дает историю развития женского вопроса и женского движения с древнейших времен до XIX столетия. Беря за исходный момент для понимания женского вопроса экономические условия, книга уделяет большое внимание его экономической стороне.

Быстрянский, В. Революция и женщина. П. Гиз. 1920. 45 стр.

Брошюра Быстрянского дает очень много фактов и материалов из революционных эпох о роли женщины в общественных движениях и выясняет значение коммунистического строя, при котором только и возможно полное раскрепощение женщины. Брошюра носит характер научного изыскания с строго выдержанной классовой точки зрения. Язык несколько труден, но книжка тем не менее является важной и полезной.

Каспарова, В.—Ралли, Е. Женское движение на Востоке. Тифлис. Закрайком РКП. 1923. 48 стр.

Книжка знакомит кратко с положением женщины на Востоке, пробуждением восточной женщины, приобщением ее к великому национально-освободительному движению, охватившему как азиатский материк, так и страны черного континента, и активным участием женщины Закавказья в передовых отрядах коммунистической партии. Книжка средней трудности.

Коллонтай, А. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. М. Гиз. 1921—22. Ч. I. 265 стр. Вып. 2.598 стр.

Труд. тов. Коллонтай, первая часть которого перепечатана с издания 1915 г., является полным обзором вопросов об отношении общества к материнству и государственного страхования материнства. Рассчитанный на развитого читателя, он будет труден для читателя рядового, но тем не менее он важен для изучающих вопрос.

Рязанова, А. Женский труд. М. „Моск. Раб." 1923. 315 стр.

Подробно рассматривается вопрос о женском труде и его роли в современном обществе. Условия его развития, распространенные до войны, влияние этой войны, последствия мира, обстановка и охрана женского труда, заработная плата как в Европе, так и в России, профсоюзы и работница, и пр. Книга интересна и написана довольно простым языком, доступным среднему читателю.

Ленин, Н. Международный день работницы. (Соч., т. 18, ч. I, стр. 99).

Ленин, Н. Речь на первом Всероссийском съезде работниц (т. 16, стр. 362).

Для того, чтобы знать, как смотрел Ленин на женский вопрос и какое громадное значение придавал он женскому движению, необходимо, чтобы все познакомились и изучили эти статьи.

Коллонтай, А. Международный день работницы. М. 1920. 15 стр.

Маленькая брошюра т. Коллонтай агитационного характера, не утратившая некоторого значения и теперь.

Первая международная конференция коммунисток. Под ред. и с пред. П. Виноградской и с вступ. ст. А. Коллонтай. М. Гиз. 1921. 128 стр

Отчет о конференции 30/VII—3/VIII 1920 г. Помещены доклады делегаток 19 стран о положении женского движения в этих странах, доклады о методах работы РКП среди женщин и другие очень ценные материалы.

Самойлова, К. В об'единении—залог победы. (К международному социалистическому дню работницы 8 марта 1921 года). М. Гиз. 1921. (Отд ЦК РКП по работе среди женщин). 32 стр.

Брошюра кратко знакомит с тем, как был установлен международный день работницы, для чего он устраивается, как был проводим в России, начиная с 1913 г. Несмотря на некоторую устарелость, брошюра сохранила в отдельных частях свое значение. Написана брошюра очень популярно.

Самойлова, К. Работницы в российской революции. К международи. дню работниц —23/II 1917 г. —23/II (8/III) 1920. г. М. Госиздат. 1920. 15 стр.

Популярная брошюра, выясняющая участие работницы в российской революции в борьбе за власть советов и кратко знакомящая с возникновением дня работницы. Написанная еще в 1920 году, она охватывает только старый период, но тем не менее, за отсутствием книжек, написанных для малоразвитых читательниц, брошюра будет полезной.

Бебель, А. Положение женщины в настоящем и будущем. Перев. с нем. П. Гиз. 1919. 24 стр.

Живо, просто и талантливо написанная брошюра знаменитого немецкого социалиста сопоставляет положение женщины при капитализме и социализме, доказывая, что полное раскрепощение женщины возможно только при экономическом равенстве, достижимом при социализме.

Блонина, Е. Карл Маркс и женский вопрос. (В сборнике „Памяти К. Маркса". Вып. II. М. Моск. Сов. Р. и К. Д. 1918).

Статья о взглядах Маркса на женский вопрос.

Быховский, Н. И. Работница и страхование. М. „Вопр. Тр." 1924. 31 стр.

Очень популярно и интересно написанная брошюра для широких масс, дающая сведения о законах, охраняющих женщину-работницу в СССР, и всех видах помощи ей при социальном страховании.

Бухов. Как охраняется труд работниц по советским законам.

Дочери революции. Сборник. Изд. 2-е. М. „Кр. Новь". 1923. 162 стр.

Сборник дает целый ряд биографий и портретов женщин, участвовавших в революции и советском строительстве. В сборнике помещена статья В. М. Фриче о работницах-поэтессах и о женщинах-работницах в литературе.

Каплун, С. Женский труд и охрана его. ГИЗ. 1921. 228 стр.

Автор ставит своей книге определенные задания—дать необходимый материал для самостоятельных выступлений, лекций, докладов и рефератов практическим работникам по охране труда и партийным товарищам. Книга изложена языком, доступным для интеллигентного рабочего. В практической части книжка устарела.

Коллонтай, А. Новая мораль и рабочий класс. М. 1919. 61 стр.

Книжка разделяется на 3 части: в первой части разбирается вопрос о новой женщине и типах ее, данных в художественных произведениях, во второй разбирается вопрос любви и новой морали и в 3-й—вопросы отношений между полами и влияния на эти отношения классовой борьбы. Книжка для малоразвитой работницы будет трудна.

Коллонтай, А. Проституция и меры борьбы с ней. (Речь на III всероссийском совещании заведующих губженотделами). М. Гиз. 1921. 25 стр.

Несмотря на устарелость, речь т. Коллонтай сохранила в своей общей части некоторое значение.

Коллонтай, А. Семья и коммунистическое государство. М. Гиз. 1920. 24 стр.

Указав на то, какие изменения уже произошли в строе семьи под влиянием наемного труда женщины и капиталистического производства, т. Коллонтай говорит о превращении семьи в свободный союз самостоятельных мужчины и женщины в коммунистическом государстве. Бро-

шюра доступна для всех, впервые приступающих к ознакомлению с этим вопросом.

Лилина, З. Безыменные героини. П. Гиз. 1921. 36 стр.

Брошюра знакомит с участием женщин-работниц в классовой борьбе Франции.

Лилина, З. И. Советская власть и трудящиеся женщины. Ленгиз. 1924. 80 стр.

Книжка т. Лилиной в популярной форме знакомит с тем, что сделано в Сов. России для трудящихся женщин. К брошюре приложен план работы среди работниц и крестьянок Ленинграда и памятки делегатки-работницы. Брошюра будет полезной для малоразвитой читательницы, работницы и крестьянки.

Рязанова, А. Профсоюзы и работница. Работница в производстве. М. Профинтерн. 1922. 58 стр.

Брошюра рассматривает положение женского труда в производстве и отношение работниц к профсоюзам. Доступна по языку среднему читателю. Вошла в большую книгу Рязановой „Женский труд."

Цеткин, Клара. Женщина и ее экономическое положение. М. ВЦИК. 1918. 32 стр.

Брошюра знакомит с тем переворотом в экономическом положении женщины, который вызвало развитие промышленности.

Чекин, А. (В. Яроцкий). Работница и профессиональные союзы. М. ВЦСПС. 1924. 41 стр. (Рабочая библиотека).

Брошюра дает понятие о роли женщины в современной промышленности, о положении женщины-работницы, о борьбе против эксплоатации, о значении профсоюзов для рабочих и в частности для женщины-работницы. Очень популярная брошюрка.

Щепкина, Е. Женское движение в годы французской революции. С пред. А. Коллонтай. П. 1921. 84 стр.

Интересно и сравнительно просто написанная книжка знакомит с женским движением Франции времени великой французской революции.

Женщина и ее участие в октябрьской революции и советском строительстве в отображении художественной литературы.

(Краткий список*)

Березовский, Ф. Мать. (Сб. „Вехи Октября". Изд. „Моск. Раб").

Один из эпизодов гражданской войны на Урале. Рисуется женщина-мать, отдающая все свои силы на борьбу с белогвардейцами, жертвующая всем ради этой борьбы за своего сына. Очень яркая и талантливая повесть.

Борецкая, М. Гнев народный. Трилогия. Кн. 1-я с пред. Н. Крупской. М. „Зем. и Фабр." 1924. 344 стр.

Повесть изображает первые три дня февральской революции. Рисуется выступление женщин в день работницы. Повесть написана просто и интересно.

Дорогойченко. Товарищ Варвара. (В сб. рассказов Дорогойченко „Бурьян", 36 вып. „Избы-чит." ГИЗ'а и отд. изд.).

Просто и интересно написанный рассказ о том, как незаметная раньше женщина становится активным вождем-агитатором, ведущим за собой толпу.

Дорохов, П. Новая жизнь. Рассказ. 2-е изд. М. „Нов. М." 1925. 48 стр.

Просто написанный рассказ о перерождении под влиянием революции и нового уклада жизни русской крестьянки, становящейся из „бабы" Натальи—женщиной, строящей новую жизнь.

Неверов, А. Марья-большевичка. (Сборник рассказов). Екатеринб. „Уралкнига." 1924. 63 стр.

Рисуется тип новой женщины, смело рвущей путы семейного рабства.

---

*) Книг, дающих образ новой, послереволюционной женщины советской России вообще очень мало; ей посвящен ряд стихов, но перечисление их заняло бы целую книжку и его мы не приводим. Много рассказов помещено в журналах „Работница", „Крестьянка" и др. О дореволюционной женщине и женщине в различных странах в художественной литературе см.: **Поляк, Н.** Указатель художественной литературы на социальные темы. М. „Кр. Новь". 1923. **Невский, В. А.** Беллетристика на социальные темы. 7-е изд. М. 1924.

Песни работницы и крестьянки. Сборник стихотворений. Сост. Е. Окулова. М. „Зем. и Фабр." 1924. 106 стр.

Сборник стихотворений о работнице и крестьянке, рисующих быт прежней подневольной женщины и противопоставляющих ей новую освобождающуюся женщину России. Цель сборника—в простых и понятных образах нарисовать прошлую и настоящую женщину—достигается.

Повесть работницы и крестьянки. Астрахань. Гиз. 1921. 19 ст.

Два рассказа „Как я стала борцом за Советскую власть" и „Что меня толкнуло в ряды партии". Простые и искренне написанные рассказы из личных переживаний, подчеркивающие значение Октябрьской революции для женщины.

Сейфуллина, Л. Виринея. Повесть (Симф.) Крымгосизд. 1925. 139 стр.

Повесть Сейфуллиной—одно из лучших произведений последнего времени, рисующих образ новой женщины на Руси, свидетельствующих о росте самосознания деревенской женщины. Повесть написана великолепным языком и так интересна, что прочтется и малоразвитым читателем и особенно читательницей-работницей.

Содержание

Стр.

СТАТЬИ

Клара Цеткин. Ленин и работница 5
В. Каспарова. Ленин и женщина Востока 15
Ф. Нюрина. Международный женский коммунистический день 21
Х. Диамент. В клуб, работница! 27

СТИХИ

А. Жаров. Марш матерей и сестер 33
Гр. Буревой. Работница в подполье 35
А. Безыменский. Работнице 36
А. Благов Песня работницы 37
Д. Бедный. Девичья песня 38
„ За буквари 41
„ К коммунисткам 42
„ На свет 43

РАССКАЗЫ

М. Борецкая. Гнев народный 47
Луиза Мишель. Коммуна 1871 г. 52
Лиссагэрэ. Луиза Мишель перед военным судом 55
Л. Сейфуллина. Перегной 56
А. Неверов. Двенадцать часов 58

ИНСЦЕНИРОВКИ

Ф. Ильинский. День работницы 65
Мария Розен. Мать (по Горькому) 79
Саша Красный (из репертуара „Синей Блузы"). Лицом к деревне 98
Депо агиток (в переделке „Синей Блузы"). В старый быт дожен кол быть вбит . . 105
В. Аверьянов и А. Наврозов. На-ка вот—одинаковы 113

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИНСЦЕНИРОВОК

Л. Сейфуллина. Виринея 125
Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо 142
А. Неверов. Жизнь так велит 147

ХОРОВАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

А. Жаров. Наш день. (Голосовая инструментовка Ю. Глазуновой). 153
Чижов. Прессовщица 157
Гр. Буревой. Женщине-работнице 158

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВЫСТАВКИ

Материалы для выставки 161
Цифровые данные 163
Вожди международного женского движения 169
Выдающиеся женщины-пролетарки 173
Женщины Востока 176
Лозунги 179

ПРИЛОЖЕНИЕ

„На свет" слова Д. Бедного, музыка А. Титова 183
Что читать к международному дню работницы 188

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)